

ЯРКИМИ
КРАСКАМИ

ПРЕЗУ

Резниченко Дехо О. А.

Annotation

...дерзкая, умная, красивая? Но всему приходит конец, когда просыпается совесть, и чувство вины слепо ведет в трясиину.

Часть ПЕРВАЯ. Лесёнок. Пролог

В каждой миленькой девице
И шальной императрице
Есть по двести грамм батяни
Или целый Валерон

Прима без фильтра
Часть ПЕРВАЯ. Лесёнок
Пролог

На дворе март — а мы, б***ь, укуренные, пьяные, валяемся на веранде дачи Коли Дробышева, одnogруппника, (кто в ажурных пластмассовых креслах, кто на деревянных скамьях)победно добивая-допивая празднование начала практики.

Еще чуть-чуть — и мы, с*ка, дипломированные юристы.

— Че, Лесь... решила уже окончательно куда пойдешь? — немного отойдя от дурмана, отозвалась Шурёна. — Может, всё-таки к брату?

— Е****лась? — захохотала я надрывисто, лениво перекатилась набок и уставила свой презрительный взгляд на подругу: — Да скорее земли нажрусь, чем этому уроду сдамся. — Шумный вздох, и вновь разлечься на спине; взгляд в чистое, звездное небо. — Есть один вариант... Мутный немного, стрёмный... но есть. И если всё удастся — два зайца одним выстрелом е**ну: и Максу нагажу, и сама развлекусь. Только, как бы... после всего этого неотложку всем нам не пришлось вызывать.

— Ненавидишь ты его конкретно... — тупо подытожила та.

— Легко сказано... — не реагирую, рычу, задетая темой.

— Девки, — вдруг недовольно пробурчал Митяй. — Вас че, попустило? Че такдох*рапи**ите?

— Ой, иди ты, — гаркнула на него Саня и швырнула чем-то. — А сам-то... куда пойдешь?

— Пс-с-с... — прыснул от смеха. — Говно вопрос. Конечно, к батю... А ты, Кутя?

— У мамки есть знакомый... в юстиции. Так, Лесь... че там за план-то? Куда пойдешь?

Скривилась недовольно я, что вновь та ко мне докопалась, но все же нашла силы и совесть ответить:

— Ну... тут выбор невелик. Фирсов ненавидит двух людей: Ерему и Кузнецова. Первый в завязке, да и тетя Тому подводить неохота, не настолько же я еще... конченная... Так что остается — Борис... мать *го, Фед-р-вич... гендир "ОНГМа"...

— Ну, ты, бл**ь, и замахнулась! — истерически ржет Димка.

— Как?! — ошарашенная, провернулась на скамье, уставилась на меня Шурка. — Сразу на него полезешь, али сначала под стол... интриговать, завлекать внимание? — хохочет гадина.

— Зачем? — смеюсь. Короткий косой, колкий взгляд на Кутюхину. — У меня для этого

Кисель есть... — взор пред собой, мечтательно: — Я через него к нему и подберусь. А там — дело времени... сам набросится. Невелика цаца... Вернее, велика, но справи... — икнула, — влю... влюсь, — давлюсь. — Да б***ь! СПРАВЛЮСЬ.

Глава 1. Безобразие

Глава 1. Безобразие

Конечно, мой Артем Викторович Киселев, начальник юр. отдела "ОНГМ" (и это уже (!) а лет-то ему- всего чуть больше тридцатка)... был в курсе моих планов устроиться к ним в "ОНГМ" на практику. Более того, сей "синьор" считал... что это — исключительно его идея, и что, в конце, за такой "неимоверный дар благодетеля", его ждет пылкая, страстная, долгожданная награда — я, во всех позах и без каких-либо запретов...

Но... хрен, дружок, ты угадал.

Достанусь я... вот только не тебе. И не ради удовольствия.

Мечь Фирсову вынашивалась годами. И такой подходящий момент (а с учетом, что и герой не дурной внешности) — то никак не посмею упустить.

Эта с*ка наконец-то поймет... как мной помыкать и как мне указывать: как захочу, так и буду жить... и с кем захочу, с тем и буду "тр**аться".

Ты хотел войны? Что ж... пора развернуть боевые действия...

Украдкой закинуть мысль-червяка в голову секретарши "биг-босса", что их начальник юр. отдела что-то накосячил, во что-то влип, но отмалчивается, — и затем самой втиснуться в кабинет мелкой, но моей шишки.

Киселев аж покраснел, побелел от моего яркого, чувственного вида.

И сам не понял, как я оказалась у него на столе... жадно ухватив за галстук, потянула на себя...

Губы вмиг срослись в жарком поцелуе... развратные ласки языком... не двузначно намекая на близость, вторя ощущениям и (его) желаниям... Застонал позорно, сдаваясь...

Вмиг забрался под юбку и потянул на себя кружева.

Тотчас проникаю руками к его брюкам. Неловкие, но старательные движения... в попытке справиться с ремнем, ширинкой — казалось... мой "начальник" уже готов был от одной только мысли близости сего эпического (а мурыжила я его почти год) момента... сдаться, расплываясь в удовольствии, так и не сорвав запретный плод.

Б***ь! Кузнецов, где же ты?

Живо хватаю руки ублюдка и заставляю резво, до боли сжать мою грудь — поддается. Игриво рычу, стону... Выгнулась на столе...

С*ка, если ты сейчас не явишься... я сама тебя засажу за решетку, вместо Макса! Как минимум за такую непунктуальность и подставу...

Схватил за бедра и властно потянул на себя...

Ну, мразь...

И вдруг стук, треск, шорох... Черти что — но дверь распахнулась (едва не с ноги) и

злой, недовольный происходящим, влетел в кабинет Федорович.

— О! Б***ь... — вырвалось из его груди. Обмер ошарашенный.

Мигом отстранился от меня Киселев. Взгляд на красные кружева в своих руках... — тотчас спрятал в карман, заправил брюки.

— А че это у нас... — вдруг продолжил Борис. Шаги ближе. Швырнул какую-то папку с бумагами на стол (как раз туда, откуда я только что встала, спешно застегиваю рубашку, но не до конца...), — секретуток привезли, а я не в курсе? — попытка сквозь гнев шутить.

— А... ну это...

Беглый, барский взгляд бросаю на Кузнецова, проходя мимо. К стеллажам — беру папки с полки. Не оборачиваюсь.

— На практику к нам... я в-вам... вчера говорил, — наконец-то рожает моей"... — ряженный".

В момент роняю (соскальзывают нарочно на пол) документы. Присаживаюсь, эротично выгибаясь... всячески демонстрируя в обтянутой юбке отсутствие белья... своим верным зрителям.

Гребу бумаги — а те только сильнее разлетаются.

Стоят. Молчат, ублюдки. Жадно наблюдают...

Ну-ну... кобельки мои, клюйте... Сопровитляйтесь, пока хватает у вас сил на это.

Но еще минута — и первым не выдерживает, с*ка, Кисель... мигом присел рядом и давай помогать, то и дело... что временами пялясь на грудь.

— Потом зайдешь, — едва слышно.

Ага, разбежалась... Смотри-ка, опять из трусов выскочила (были бы они на мне).

Встала, полуоборот к Борису.

Колкий, короткий взгляд в глаза — а он онемел, словно статуя. Казалось, даже не дышит.

— Я же, надеюсь, вы не против?

Не сразу сообразил, что к нему обратилась. Нервически глотнул слюну.

Сухим, осиплым голосом:

— Против... чего?

— Ну, что я у вас тут...?

— Что?

— Ну, практику пройду... — не выдерживаю и невольно смеюсь.

Даже я не ожидала такого поворота. Да, реакции. Да, желания... Но не ступора. Мужика-гуляки, второго Казановы в городе (после Еремы)... и такой детский сад его развел.

Шумный вздох, проморгавшись, оторвал наконец-то взгляд от моей груди.

— А... да, — разворот к Артему. — Потом ко мне зайдешь. И уберите здесь... Короче, — зажмурился в поражении, — сам знаешь.

Шаги на выход.

Быстрый, взволнованный взгляд на Киселева — и мигом вылетела за гендиректором вслед: от греха подальше. Не хватало еще, чтобы Викторovich меня дожал.

Едва вышла за порог, как слышу:

— Этой с*ки чтоб не было здесь больше, — кинул грозное (не оборачиваясь)

секретарше Киселева.

Обомлела я, ошарашенная.

Вскочила в не меньшем шоке и девушка.

Заикаясь:

— К-какой? Фирсовой?

Враз застыл на месте Борис, словно его кто вколотил в землю. Секунды, дабы переварить услышанное, разворот — взгляд на подчиненную, а затем на меня. Глаза выпученные, на лице презрительный оскал:

— Фирсова?

— Да, — гневное, дерзкое, с вызовом... сплевываю я. Выпрямилась, как перед расстрелом. Царкский взгляд.

Удивленно вскинул бровями.

— И *** лысого ты тут забыла?

Невольно улыбаюсь жесткой (хоть и невольной) иронии сказанного.

— Раздавить его... по крайней мере, морально.

— Кого его? — с вызовом.

— Макса Фирсова, брата моего.

— Ну, и какого х** ты не явилась с утра?! — первое, что послышалось из телефона, едва я приняла вызов от Макса. — Или, б***ь, я должен за тебя твою практику проходить?!

— Я же тебе еще на той неделе сказала... иди ты нах**, вместе со своими драгоценными мусорами... Я — в "ОНГМе". Привет от Кузнецова.

Глава 2. Кошки-мышки

Жуткий выдался денек — благо, после обеда рванула домой. А так все утро Кисель по пятам, как охотничья псина: пытался выцепить да завершить начатое (и даже нагоняй добротный от босса не остудил). И ведь уже не отмажешься, без особого палева. Но спать с ним — уж никак не собиралась. Я, вообще... как-то не любитель такого дела. Нет, дело хорошее, приятное... Вот только последствия от него — мерзкие, да и достойного рыцаря как-то не нашлось: одни ошибки. То ли дело — Кузнецов. Там месть покроет всё. Когда Макс узнает, с кем связалась... да еще и сплю — как минимум, предынфарктное случится...

И вновь мурьжить Киселя, как только умела и могла. Максимум — немного позажиматься в коридоре. В кабинет же — ни ногой, ибо четко понимала, осознавала... чем всё это закончится. А уж, тем более, не дурак отныне: сто раз перепроверит, чтоб дверь была заперта на ключ.

Блат творил свои чудеса. Являлась в офис нечасто, и то — лишь до обеда: в общем, когда и Кузнецов был. Изучала документацию, перебирала их материалы по судам (хозяйственные дела). Всё необходимое искала для своего диплома: туго, жутко, с учетом моей "подрывной деятельности", но с учебой более-менее не завязала и еще справлялась.

Пару раз даже удавалось пробиться, прибиться к занятому "боссу" с нелепыми вопросами по поводу некоторых договоров, указывая на недочеты по визированию или "туманности" кое-каких пунктов. В частности, относительно сроков поставок и ответственности контрагента, но Начальник лишь загадочно улыбался — а затем разворачивался и уходил прочь.

Странно, такая шикарная победа в первый день — и такой фиаско опосля.

Казалось, он не просто меня избегал, а даже... боялся. Нет, не как врага, а как... хищника.

— И, каков план? — не выдержал, почти спустя неделю, Кузнецов и кинул нечто подобное, поймав, зажав меня у кофейного аппарата. Выждал, когда стакан наполнится до краев, живо схватил оно и, сделав соответствующий жест, победно съязвил в лицо: — Твое здоровье.

Козлина.

Отхлебнул кипяток, но даже не поморщился, облокотился на стену, замирая почти вплотную. Недоверчиво, хитро, коварно прищурился.

— А ваши, — решаюсь укусь в ответ, — Борис Федорович, секретарши уже вовсе разучились готовить кофе, али бастуют?

Рассмеялся пристыжено. Но не пропустил удар:

— Он у них не настолько сладкий...

Невольно вздернула бровью я:

— Бросьте, в нем же ни одной порции сахара. Чистый кайф — сплошная горечь.

Ухмыльнулся злокозненно, враз приблизился, отчего вмиг ощутила его тепло, сводящий с ума аромат (с примесью парфюма, сигарет). Облизался. Вкрадчиво, заволаживающим шепотом, пронзающим до дрожи, пробивающим до самых пят, тихо прорычал:

— А любишь поглубже?

Тотчас перехватило дыхание, жар ударил в лицо.

Предательски сжались мышцы в теле.

— Смотря... — слегка охрипло, но еще гордо и смело, — насколько больно будет.

— Лесь, — послышалось за моей спиной.

Мигом выстреливает взглядом недовольно босс на нахала. Оборачиваюсь и я.

Киселев. Естественно — да и голос узнала сразу.

Шумный вздох — отрываюсь от стены, вырываюсь из плена дурманящего запаха и напряженной близости, и иду к своему супостату, "спасателю": с другой стороны... и хорошо. Не готовые мы еще с Боренькой, не готовы. Вмиг страсть в нелепую пятиминутку обратим, и на всём том план мой счастливо пох*рим.

Нет, Кузнецов, не-туш-ки... Ты мне нужен... конкретно, надолго и сполна.

В этот вечер остался допоздна. Борясик... остался допоздна. Более того, ушла даже уже и его секретарша — а свет в кабинете директора никто не спешил гасить.

Знак. Это был знак. Его — мне. Не иначе...

Как и Кузнецов — я отпинала стрелки на часах до последней рабочей минуты. И пока автомобиль Гена все еще красовался на стоянке, под нашими окнами, пока и я... не торопилась покинуть чертоги сего странного, и такого неоднозначного "ОНГМ".

Скрипнула дверь — и из здания последний, ленивый "житель" омота выплыл — Киселев.

Многого мне стоило его корректно так послать, чтобы он всё же пошел... но при этом ни обиды, ни подозрений в нем не зародилось: едва убедила, что наконец-то серьезно занялась учебой, и, более того, удачно стал вырисовываться отчет по практике, а потому... пусть дует восwoяси, пока не убил всё мое... редкое, но такое безумное вдохновение.

Живо поправить на груди лацканы рубашки, юбку поровнять; подкрасить губы, ресницы — и рвануть на абордаж.

Несмелый стук в дверь (для приличия и на случай ошибки — если он, попросту, кого-то елозит там), дернуть на себя деревянное полотно.

Поддалось.

Беглый взгляд — и, убедившись, что Царь один в своих палатах, зайти, протиснуться внутрь.

Пару шагов — застыла, рисуя игривую застенчивость:

— Скучаете?

Ухмыльнулся.

Короткий плоток (вероятнее всего, алкоголя) — и отставил стакан на стол. Вальяжная поза, развалился в кресле, нога на ногу; высокомерный, барский, пылливый взгляд — вовсе не думал строить приличный, собранный вид.

Поддаюсь на настроение — ступаю ближе. Обмираю у самого стола.

— А вы... гостеприимный.

— Чего до сих пор в офисе? — игнорирует.

— А вы чего?

Усмехается.

Вдруг движение — и оперся локтями на стол, сцепил пальцы в замок, коварно (невольнo) пряча за руками лицо.

Только глаза — хитрые, прищуренные, жадно сияющиеся взором меня расковырять, разгадать загадку.

— А я не обязан отчитываться, — отзывается.

Улыбаюсь уязвленно.

Присаживаюсь на край стола, к нему спиной. Руки — по бокам, опираясь. Забросить ногу на ногу (следуя его нахальному примеру).

Закусила губу, подбирая слова. Но ничего умнее, или кусачее не нахожу:

— А я обязана? — полуоборот, едкий, тихий смех.

Клюет. Тотчас впивается взором мне в декольте — но ненадолго. Вдруг моргнул приговором. Живо отодвинулся вместе с креслом от стола.

И снова вальяжная поза. И снова пристальный, манящий, пронзающий, недоверчивый взгляд. Губы исказила едкая, ядовитая ухмылка:

— Что тебе надо, Фирсова?

Оборачиваюсь сильнее, глаза в глаза.

— А тебе?

— А мы уже на ты?

— Тебе можно, а мне нет? — заливаюсь цинизмом. Молчит, лишь рачительнее сверлит взглядом. Пытаюсь обыграть: — Хорошо. А ВАМ... что ВАМ нужно?

Внял. Вкусил — понравилось. Улыбается игриво:

— Сотрудники... послушные.

— А я — непослушная?

Вновь пауза, играя с нервами, рождая между нами... пылкое, душу щиплющее, напряжение.

— Непослушная, — решает ответить. — Непунктуальная. Ленивая... Невоспитанная... — словно смакует всеми моими "недостатками". Неспешно, мерно, перебирая мысли, воспоминания... мечты. — Вот кто тебе... позволял на стол ко мне садиться?

— А Вы прогоните...

Хмыкнул в поражении, рассмеялся пристыжено. Улыбаюсь и я его реакции.

Вдруг встал, шаги ближе. Обогнул сбоку. Обмер лицом к лицу.

Сладкий, волнующий, до трепета пробирающий, взгляд, что неторопливо, изучая, скользит по всему моему телу.

И наконец-то глаза в глаза. Сдержанная улыбка:

— И с начальником пререкаешься.

— Так накажите меня...

Коротко, колко рассмеялся. Прошелся по кабинету, куда-то за спину мне, ближе к окну. Не оборачиваюсь. Прислушиваюсь к звукам.

Учтиво отзывается:

— Для этого... у вас, юристов, — а сарказм так и разливается кровью по венам, — Киселев есть...

Вдруг движение — дрогнул стол. Оперся на него руками. Прямо позади меня, отчего тотчас ощущаю его дыхание в затылок.

— Или я не прав? — продолжает завораживающим, прознающим до трепета шепотом. Враз от его тепла, запаха, близости — перехватило дыхание. Участился пульс. Мышцы предательски сжались... не то от страха, не то от похоти.

— А если... — давлю из себя слова, а дрожь уже прорывается даже в голос, — он не справляется...

Жуткая, рвущая сознание пауза, тишина — и хмыкнул.

Резво отстранился. Шаги — и опять замирает передо мной.

Не сразу, но отваживаюсь поднять взгляд.

...с вызовом глаза в глаза.

Изучает, уничтожает, покоряет... Казалось, пробирается в самую душу.

Волнительные, режущие минуты — и наконец-то на его лицо проступили, кроме иронии, и прочие эмоции. Вот только вместо игривости и вожделения — вмиг там отпечатались нечто неожиданное, даже, казалось, невероятное: дерзость, ноты злости, презрения, отвращения.

— А не справляется... — жестко, — УВОЛИТЬ НА**Й. Или его...или тебя, — грубо уничтожительно, рубя яростью по живому. Вмиг ошарашенная, заклала я, не моргая. Очи в очи. Ведет дальше: — Чё те надо, Фирсова? — борзо, с вызовом. — Что за тупая игра?

Губы исказились в раздражении. Стиснул зубы.

— Это — не игра, — гордо выпрямилась я, не желая уступать новоявленному врагу. Сухо, горько, но еще достойно.

Колкий, полный борьбы взгляд. Прожевала эмоции.

Рассмеялся.

Заиграл скулами.

Ответил:

— Хорошо. Хорошо, что не на счет тупости споришь.

Шаги в сторону — освобождая меня от своего морального давления, высвобождая из своего плена.

Тотчас встаю со стола — не сопротивляется. Устремляюсь на выход, но в последний миг замираю рядом. Бок о бок. Не глядя в лицо:

— А я и не пыталась... ВАМ угодить.

Тихий смех. Цыкнул раздраженно.

Едва вновь продолжила свой ход, как вновь отзывается. Шорох — судя по всему,

обернулся (отвечаю тем же):

— Так что за план?

Коварно (хоть и догорая в поражении) лыблюсь:

— Он вам ТОЖЕ не понравится.

— А ты попробуй... — ехидно прищурился, казалось, вновь давая слабину. Поблажку. И вдруг: — Я дам шанс.

Обомлела.

Но лишь на миг.

Гордо задрать нос:

— Себе оставьте... — короткая, уничтожительная пауза: — Вдруг понадобится.

Утром, пока все работники устремились на привычное, утреннее совещание, "пятиминутку", я же побрела в юр. отдел, на свое "рабочее" место.

Но не успела и переступить, перешагнуть порог, учтиво, усердно закрывая (почему-то) слегка перекошенную, неподатливую дверь, как вдруг вздрогнула в испуге.

Шумный выдох. Взгляд по сторонам, дабы убедиться, что это — какой-то прикол, или, возможно, этот гад все же ради кого-то другого сюда приперся: но нет, а потому устремить, обрушить взор, полный негодования, злости и обиды, на мерзкого Кузнецова:

— И? Что это?

— Доброе утро.

— Не похожи ВЫ... на что-либо ДОБРОЕ, — язвлю.

Ухмыляется паршивец, наслаждается моментом, результатами своей вчерашней победы:

— Контролирую... насколько ты прилежней стала относиться к своей работе.

— И как? Нравится? — откровенно грубо, ни на мгновение себя не сдерживая.

— Опять опаздываем.

— А то Вы всегда приходите вовремя.

— А я — директор, мне можно.

— А я — практикант, мне тоже можно.

Удивленно вздернул бровями, но все еще ухмылка:

— Леща бы тебе дать... отрезвляющего, поучающего — вот это можно, — залился тотчас желчью. Пронзающий, пробирающий до кости... взгляд, не моргая.

— ТАК ДАЙ! — резко, яростно, криком сплевываю, не выдерживая.

— Лесь? — послышался удивленный, испуганный голос за мой спиной.

Мигом оборачиваюсь: Киселев. Ну, да ж, б***ь. Кто ж еще?!

Шорох — резво встал Кузнецов, обогнул стол, мимо меня — и к Артему. Радостно (обняв за плечи товариСЧа) крикнул тому:

— Вот ты-то мне и нужен!

Уверенный напор — и подал, повел Викторовича в сторону его же кабинета.

Но еще миг — и замирает в последний момент Босс, Боренька, с*ка эта е**нная, на пороге. Ехидный, нахальный взгляд на меня, вполоборота:

— Одного только не пойму... Как, у такого принципиального законника, такая... сестра?

— Какая такая? — жестко, борзо, с наездом, скалясь уже от бешенства.

Замялся, перебирая слова... Прожевывая, не меньше меня, матерные слова. Тягучая, бесящая пауза — и поддается:

— Не-правиль-ная...

Разворот — и пошагал прочь... гордой походкой.

С*ка.

...с*ка еб**чая.

Глава 3. Западня

Но а дальше... Киселев обыграл. Даже Киселев обыграл меня. Как сопливаю школьницу. Причем таким способом, какойтолько он, как (в какой-то степени) друг Кузнецова, и мог придумать. Просто, с*ка, и тупо. Да так, что уже я (с моей-то извращенной фантазией) не могла легко, красиво выпутаться из этой злое**чей западни.

Весна ранняя, дерзкая, жаркая выдалась в этом году.

Да так, что уже все и куртки давно сняли.

И вот заветное пятнадцатое апреля (как оказалось) — и мой недо-кавалер меня приглашает на пьянку, в честь своего... дня рождения. Киселев ликует, а я позорно ведусь: и то, лишь потому, что кто-то из девок в офисе обмолвился, что там будет и сам Ген...

Мой шанс. Мой... добить начатое (ведь время поджигает). Но не Киселя.

Я так думала. Наивная дура! Конченная, наивная дура!!!

Добираться до места назначения пришлось... всем вместе. Первая причина — это было "гребенёво", о котором мало кто знал... что оно вообще существует. И вторая — так как планировался... не кислый, просто невье**нный сабантуй, то к вечеру ожидалось одни ходячие мертвецы. А потому решили сразу: заказной автобус, с повышенным комфортом. И если особые пацы (да тот же Кузнецов) пыжились выделиться на такси, то тут же все эти глупости удавил коллектив, рождая между нами равенство в виде геройского коммунизма.

Часть забрали сразу из "ОНГМ", остальные — подтянулись по пути...

И если мой "любимый" Компотик заботливо уселся рядом со мной... то, с*ка, Кузнецов... практически напротив. Из скромности (дабы не выставлять всё перед всеми на показ), аль из жалости (только не понятно еще к кому), это скотина чуть сбоку... но то и дело, что сверлила меня взглядом. Хорошее развлечение — доводить меня до бешенства, при этом даже рот не раскрывая. Временами бросала я на него презрительный, с укором взгляд — но тот только едва заметно ухмылялся. С*ка.

— А ты что про это думаешь? — огорошивая, внезапно обратился ко мне Кисель. Обмерла я, пристыжено. Ведь за тугими мыслями вовсе не вслушивалась в этот их балаган.

— А? — растерянно, то невольно таращась на Артема, то невольно хмурясь и взор около, пытаюсь разгадать, с чем он ко мне докопался.

— Говорю, что ты об этом думаешь? — словно издевается.

Шумный, сдерживая раздражение, гнев, вдох (мой). И снова взгляд около, будто там

смогу найти ответы. И не знаю даже, отчего... уставилась на мгновение на Бориса. И вдруг... отреагировал. Едва заметно, но все же состроил рожицу, спаясничал... мол и сам без понятия.

Обмерла еще больше ошарашенная. Пустой взгляд перед собой. Чувствую, как щеки от смущения начинают пылать.

А пауза, с*ка, уже, кабздец, как затянулась.

Вдруг рассмеялась какая-то из девушек и вставила слово за меня:

— Да замечталась она... вот и не слушала.

Еще сильнее стыд расцарапал мне лицо — не дышу. Заржали идиоты.

И снова взор вором на Кузнецова — один только он сдержался.

Неловкость вмиг лезвием полосонула горло, а гордость злобно взревела в недрах души.

Прокашляться и тотчас попытаться оправдать себя, вытащить за уши из канавы позора:

— Да о дипломе задумалось. Осталось недолго... а почти ничего не готово. Уже башка не варит. Так что, — шумный вздох и рисую на лице клоунскую улыбку: — Скорее бы уже доехать и нажраться. Выпустить пар!

— О-о-о! — миг взревела толпа, некоторые даже зааплодировали.

— Вот это по-нашему... А не диплом, мечты!

— Правильно, — иронично сплевывает какая-то барышня. — Нахрен учебу, лучше сразу стать такими алкашами, как мы!

Ржет орава.

А я уже блуждаю взглядом около и вновь ныряю в мысли, лишь на мгновение дав вновь, позволив себе уловить лицо Кузнецова.

Не глядел уже — пялился куда-то в сторону и смеялся вместе с остальными.

Черти что... то он ненавидит меня и готов удушить, то вдруг... поддержка.

Идиотизм полный.

Живо отвернуться, устремить взор за окно — чтоб, если что... то и не до***вались. Да и меньше... на Него буду косить.

Быстрее бы, и вправду, доехать... да напиться. Ибо сил... на все это сражение уже не хватает. Особенно... когда сейчас враг, через секунду — друг, а еще через мгновение — и сам, наверно, не знает, что выберет, решит относительно меня...

База отдыха. Чистое, с прозрачной водой озеро, в центре которого — настоящий торфяной остров. Вокруг — сосновый бор. Не место — а рай на земле. Несколько мелких альтанок, летних домов. А в центре, на поляне — огромная беседка. Наша: идеальна для таких пышных торжеств.

Каждый враз занялся своим делом: одни — костер разводили в мангале, готовясь к такому важному и неотъемлемому ритуалу, как "жарка шашлыков", другие — стол накрывали, третьи — музыкой и хорошим освещением (впрок, для вечера), четвертые (среди них такие лентяи, как я) — просто слонялись-тупили, наслаждаясь видом, или же болтали... о всём и ни о чем, да ушло выжидали, когда уже позовут пиршествовать (а то, пока доехали, уже и обед настал, все проголодались).

Сижу на траве, поджав под себя ноги, грузусь. Пустой, бесцельный взгляд на озеро,

лишь иногда впуская в сознание вычурность окружающей обстановки. Уже и деревья зеленую покрылись. Осталось немного — конец практики, а там и лето. И, действительно... гребанный диплом. Но и ладно. Похрен на него. Что дальше-то? Что дальше?..

Вдруг движение, шорох сзади. Едва попыталась обернуться (лениво, неторопливо, сгорая в раздражении — лишь бы не Кисель), как тут же уже рядом оказался, присел на корточки Борис... Скрестить руки перед собой, играясь зажигалкой. Ухмыляется, хотя взор метает то на свою игрушку, то вперед — куда-то далече, за озеро, в чашу.

— Глупо обижаться... на правду, — внезапно отозвался, отчего его голос словно лезвием меня полосонул.

Сжалась невольно в волнении. Нервически сглотнула слюну. Но на лице вмиг нарисовала уверенность и надменность:

— На какую? — грубо, жестко, едва не рыча. Не смотрю на него, тоже взор куда-то... в никуда. Молчит, давая паузу, отчего решаю договорить: — На ту правду, согласно которой ВЫ — герой, а я — ...тупая шлюха?

Хмыкнул вдруг, язвительно.

Еще минуты тишины, перебирая мысли, и отвечает:

— Нет, — шумный вдох и, упершись себе в колени, тотчас встал, выровнялся на ногах. — Что всё это — лажа. И ты — х**во, но... притворяешься.

Быстрые, резвые шаги вперед, к водоему.

Сижу, ошарашенная, и не могу даже слов подобрать. Хотя бы... самой для себя.

И вдруг подъехало такси — а из него еще высыпало несколько человек. Кто — сразу к Киселеву (поздравлять), а кто — двое мужчин — к Кузнецову, что как раз стоял, курил на кладке, у озера.

Живожать в знак приветствия руки. Шутки-прибаутки. Заливаются хохотом.

Особенно... Борис. Аж бесил.

Смешно ему... умный больно.

Знает он всё... Притворяюсь.

Мигом срываюсь на ноги — и мчу вперед, замираю среди кобелей. Игнорирую незнакомцев. Взгляд на этого "всезнайку":

— С чего ты взял, что я притворяюсь? — злобно, дерзко. И плевать уже на его гребанную, возлюбленную субординацию. Хочет — пусть сам, с*ка, себе "выкает", а мне — уже по**й и тошнит. Нашелся Царь... е**чей горы.

Обмирают наши невольные зрители в растерянности. Взор метают то на него, Бореньку, не меньше ошарашенного, удивленного, то на меня, бесстыдную.

Тревожно сглотнул слюну Кузнецов. Прожевал нервически эмоции и тут же язвительно ухмыльнулся.

Молчит, выжидающе.

— Ладно, — первым из "лишних" сообразил (что разговор уже не продолжить, ибо моя нахальность победит всякое приличие) тот, что был постарше. — Пойдем, имениннику уши надерем.

— Ага, — кидает ему Борис, так и не достаивая того взглядом (все еще впивается оным в меня). — Да рачительней... — едва осознанно, нехотя добавил.

Подчиняется и второй свидетель.

Секунды, дабы вконец остаться наедине, и наконец-то решает ответить Биг-Босс (причем не сбавляя градуса ядовитой улыбки):

— Хотела бы тра*нуться со мной, давно бы тр**нулась, — огорошивает меня столь дерзкой прямоотой, отчего враз невольно сжалась, причем... не только от страха. Бешено заколотилось сердце, запульсировала, завальсировала кровь по венам. Молчу — внимаю будоражающим словам. Взор стыдливо скатился вниз. Продолжил любезно Борис: — А так... только играешь, дразнишь... как лисица. А в бой не идешь. Вот я и говорю: че за х**ня? Че за пляски?

Нервически сглотнула слюну. Молчу.

Немного помолчав, вновь отзывается:

— Фирсова, — уколом, отчего тотчас устремляю ему в очи взор. — Чё ты от меня хочешь? Только правду: что. тебе. конкретно. от меня. надо?

Жестко, мерно, рубя звуки.

До глубины души... прознающий, пробирающийся щупальцами взгляд — невольно начинаю дрожать под его давлением. Молчу, словно окаменевшая статуя. Нет слов — ни то от страха, ни то... от осознания полной своей неспособности против него. Обреченности затеи. Осознания собственной несостоятельности, никчемности в его глазах.

Позорно, признавая полное свое поражение, опускаю очи.

Взволновано проглотила ком стыда:

— Ты хочешь знать план? — короткая пауза, словно прокручиваю барабан русской рулетки. — Ты — ...и есть план.

Хмыкнул вдруг. Только не так насмешкой заливаясь, нет. А какой-то легкой, словно пелена, иронией, сияясь подстегнуть меня к чему-то большему.

Сквозь лживую, сдержанную улыбку, по капле — яда:

— Уже лучше. Уже интереснее, — отрывисто. — Поди, так скоро... и до диалога нормального у нас дойдет.

Шумно, раздраженно вздыхаю. Играю скулами. Глаза в глаза, смело:

— Чего еще ты от меня хочешь? — грубо.

Скривился, паясничая. Внезапно движение вбок, словно хочет уйти, отчего я тоже враз, инстинктивно дернулась, страшась упустить нечто безумно важное.

Но шаг — и обходит, замирает за моей спиной, да неожиданно шепотом (странным, вкрадчивым, едким, словно кислота, пробирающим желчностью до кости, до видимой дрожи):

— Во-первых... — вдох-выдох. Жуткая пауза, еще больше изводя меня и заставляя буквально уже сгорать от его тепла, жара, аромата, давления, — не хочу, что бы из меня делали дурака, — и снова колкая тишина. — Во-вторых... что бы мной пытались манипулировать... И в-третьих, — короткий миг, — что бы нагло лгали. Сможешь всё это в себе побороть — тогда добро пожаловать. А нет, то лучше и на глаза не попадайся. Ферштейн?

Но не успела я даже что-то сообразить, попытаться ответить, как враз резкое движение: схватил, обнял за талию и подал силой вбок. Испуганно вскрикнула. Невольно, теряясь, путаясь в ногах, поддаюсь я. Беглый, взволнованный взгляд то на него (с непроницаемым видом), то по сторонам.

Автомобиль. От одного из летних домов ехал автомобиль — и мы, как идиоты, стояли как раз у него пути. Но не успело авто промчаться мимо нас, не успела улечься еще та кутерьма внезапного волнения, тревоги, как тотчас, смело, стремительно шагая от беседки (а с учетом, что по склону — едва не бегом) подскочил к нам очередной товарищ Кузнецова.

— Борян, б***ь! Вот ты где!

...вмиг принялся что-то втесывать моему "герою".

И вновь возможности уплывают, вытекают из моих рук, запутывая происходящее еще больше. Но секунды тикали — а, затурканный болтовней, неунывающим лепетом знакомого, Кузнецов все еще удерживает меня подле себя, не выпуская из цепкой (заботливой) хватки.

— Колян, так ты идешь? — вдруг кричит кто-то из ребят (стоящих у беседки) этому надоедливому молодому человеку.

— А? — живо оборачивается. — Да! — машет рукой.

Вот он миг — упусти который, можно потерять уже все... А потому смелое, отчаянное движение, разворот и тихо (дабы только тот услышал), на ухо, обжигая дыханием, отчаянно шепчу Кузнецову:

— Связь с тобой. Она просто убьет Макса.

Обомлел Федорович, глаза округлились. Брови выгнулись.

Нервически заморгал.

— Ну, так че... вы идете? — бросает уже на нас взор этот докучливый товарищСЧ: растерянно то на меня, то на заледеневшего Бориса. — Федорович, ты че?

— А? — шумный вздох, приходя в себя. — А, да идем.

Взгляд мне в глаза:

— Идем же?

— Куда? — удивленно.

Но вместо ответа — ожившая ухмылка, и силой, напором, все еще не выпуская из своих стальных объятий... повел куда-то наверх. Мимо народа (что копошился в пресловутой уже беседке), по тропинке, через рощу, пока вовсе втроем не выбрались на какую-то грунтовую дорогу.

— Куда мы, Борь? — отчаянное, с возмущением, с невольным испугом.

Обмерла я на месте, не желая больше и с места сдвинуться.

Вот только воля Царя была куда убедительней моих протестов. А потому напор — и шаги, вновь шаги по эшафоту.

— Кузнецов, мать т**ю! — гаркаю на него, попытка выдраться, отбиться.

Заржал Федорович и еще сильнее сжал в своих руках, отчего невольно застыла лицом к лицу, до неприличия близко. Взор в глаза.

Замер от удивления и его товарищ.

— Да в ресторан местный, — наконец-то решается, снисходит на ответ (ржа неприкрыто) Борис. — Че ты завелась? Куда бы я еще мог тебя потащить? Не в кусты же? Да еще втроем...

...

Застыть у барной стойки. И, пока наши (а толпень собралась тут не кислая, нащупав интересную жилу снабжения) выбирали, что их душа желает, кроме уже облюбованных шурпы, копченых ребрышек кабана, дикой утки, вяленого леща и угря, Кузнецов заботливо принял заказ. Схватил с прилавка трехлитровую банку с прозрачной жижей взгромоздил

мне, всучил в руки.

Пристыжено улыбаюсь, удивленно таращу глаза:

— Только не говори, что это самогонка.

Ухмыляется злокозненно, но еще миг — и сдается, пока меня вовсе шок не добил:

— Березовый сок.

Расплатиться за покупку и схватить тотчас вторую банку. Разворот ко мне:

— Давай сюда, — машет освободившейся рукой. Тычет ладонь.

— Да ладно, донесу, — смущенно смеюсь.

— Не выделяется, — сам уже силой выдирает, поддаюсь... помогаю удобнее взять. —

Мы пошли, — кидает своему товарищу.

— Ага, — радостно махнул нам тот.

...

Неуверенные шаги по тропинке:

— И зачем же я тогда шла? — усовещенная, хохочу, наблюдая, как того нагрестила, а сама плетусь... руки не знаю куда деть.

Улыбается:

— За компанию...

Но не успела ничего и ответить, даже подшутить, как догоняет нас торопливо Колян.

— Ну, теперь-то затарились! Можно ужираться на полную — будет чем с утра подлечиться! — радостно вскрикнул тот.

— Ой, как вспомню, — внезапно мечтательно заговорил Борис, — как молодые были, сами в лес ездили, сок из берез цедили. Раз даже Ерему на это подбил. Только, правда, — вдруг пристыжено заржал, — кроме как набухаться до отключки, у нас ничего умного из всего того не вышло... Молодые, дурные были...

— А сейчас поумнели? — язвительно хохочу.

Метнул на меня взгляд; улыбнулся, добро так, снисходительно:

— А сейчас... ленивые стали. Да и здоровье уже не то. Беса уже так не погонишь. Чуть напнулся — и уже то кости ломит, то тошнит, то баиньки пора.

— Старикашка вредный, — сплевываю... но без зла, с дружеской, нежной издевкой.

Рассмеялся усовещено, махнул слегка в мою сторону банкой:

— Сча дозвиздишься, всучу — сама потащишь.

Ржу:

— Давай, — протягиваю руки. — Я же сразу предлагала.

— Иди давай, — резво кидает мне, странное движение: попытка подначить, пнуть слегка меня, да не как. Заливаюсь... звонким, счастливым смехом — но поддаюсь. Живее по тропинке, протиснуться меж деревьев и к беседке.

...

Поставить трофеи на стол и едва хотели уже занять свободные места: естественно, в голове своей я уже мостилась рядом с подобревшим (на самом деле, не знаю до конца по какой причине — лишь догадки) Кузнецовым, — как вдруг рядом нарисовался взволнованный Киселев:

— Лесь, иди ко мне! — живо кидает мне, лихорадочно замахав рукой.

Напротив Бори. С другой стороны стола. Чуть справа...

Обмираю я, растерянная. Нахмурилась невольно.

С*ка, и не пошлешь же его при всех.

И неудобно как-то.

Беглый, взволнованный взгляд на Федоровича, будто тот что-то толковое подскажет... или остудит пыл своего подчиненного, своего товарища. НО... понимаю обреченность всей ситуации: это — день Артема. И сегодня здесь... я с ним, а не... с Борей.

Обижено, виновато поджать губы — разворот и вынужденно шагаю прочь... от мечты к долгу. К совести.

Присесть рядом с заводилой, героем вечера... Вдруг получить украдкой поцелуй в висок, короткие объятия от именинника. И внезапно встал, живо поднял стопку Компот:

— Ладно, ладно... народ, хватит дергаться. Давайте уже выпьем!

— Так уже ж недавно дерябнули, а кое-кто и не одну, да, Дим? — хохочет какая-то барышня, колким взором сверля своего кавалера.

— А я че? Я с Артемом заливал повод.

Смеемся и мы все невольно.

— Короче! — вновь гаркает на нас взвинченный по непонятному поводу Киселев. — Третий тост... и он за что?

— За любовь! — почти хором вскрикнули девушки.

Ухмыльнулись парни.

— Вот! — подытожил Артем. — А потому и хочу поднять... за свою радость, за свою прелесть, за свою звездочку, которая так прекрасно освещает мне путь, ведет меня по моему темному, глухому пути. За мою Олесеньку!

Обмерла я, выпучив на него глаза. Не моргаю. И не дышу.

Пропала даже дрожь — казалось, вот-вот зажмут курок — и меня расстреляют.

— Сладкая моя, — миг продолжил палач. Взор мне в очи. — Поднимаю этот тост за тебя! Спасибо, что появилась в моей жизни! Что скрасила ее! И в свои тридцать пять... я наконец-то счастлив! — разворот ко всем, и громко, жестко, убийственно: — ЗА МОЮ НЕВЕСТУ!

Глава 4. Принципы

Глава 4. Принципы

— Сладкая моя, — вмиг продолжил палач. Взор мне в очи. — Поднимаю этот тост за тебя! Спасибо, что появилась в моей жизни! Что скрасила ее! И в свои тридцать пять... я наконец-то счастлив! — разворот ко всем, и громко, жестко, убийственно: — ЗА МОЮ НЕВЕСТУ!

Вмиг толпа взревела счастливо, увлакивая мое сознание в пучину поражения и иступления. Какая только игра чувств, прозрения, эмоций и грубого мата не прошла, не отпечаталась тогда на моем лице. Но деваться некуда — да и в голове сейчас прострация. Шок. Миготом вскочила я, заливаясь краской... взволнованный, испуганный взгляд метнула на Борю — сидит, ошарашенный, выпучив глаза... не моргает.

Буквально момент — и какой-то недоразвитый громко, радостно заорал, завопил, скандируя: "ГОРЬКО!"

С*ка... сама даже не поняла, как враз схватил меня в свои объятия Артем и при всех впился жестким, повелительным поцелуем... от которого больше мерзко стало, чем волнительно. Меня словно парализовало — ни ответить не могла, ни даже оттолкнуть. Минуты — и наконец-то отпускает, отступает.

А я все еще... в оцепенении, не знаю... даже как звук издать. А на Кузнецова — и того страшнее взглянуть.

Внезапно:

— Ну что? — грубо, не в силах утаить, сдержанность полностью злость за наигранным весельем, шумно вздохнул Борис и звонко хлопнул ладонями по коленям. — Выпили... теперь можно и поплавать?

...помчали мужики в воду, радостно плюхаясь в холодину. Визжат, орут, ржут... Просто невероятный взрыв задора. И если те еще на отмели тупили, то Кузнецов вмиг нырнул — метры неведенья — и показался уже на глубине. Не оборачиваясь, резво, стремительно поплыл вперед.

Живо стаскиваю с себя шорты, футболку и прямо так, в нижнем белье (как-то не рассчитывала я сегодня плавать, в апреле-то, однако...) смело пошагала на берег.

— А ты-то куда? — удивленно бросил мне вслед ошарашенный Киселев.

Не оборачиваясь, дабы не выдать себя своей ненавистью, что не в силах в его сторону уже сдерживать, скрывать, гаркнула:

— Трезветь, б***ь!

— О-о-о! — вмиг заревели кобели, наслаждаясь картиной. Чую, поспешили за мной и другие девки. С разбегу — в воду, с головой, не желая еще дальше отпустить цель — и мигом плыву на глубину... в сторону острова.

Сидит, грузится мой Борясик... утопая в прозрении.

Еще немного напора, усердия — и подплываю ближе.

Смущенно улыбаюсь ему.

Заметил. Нехотя взгляд на меня, а на лице — полная непроницаемость.

— Можно к тебе?

Молчит.

Еще движение — и справа от него цепляюсь за траву крутых наростов. Рывок — забралась наверх, присела рядом. Кожа вмиг гусиной стала...

Несмелое движение головой — и сам уже поддается, не в силах совладать с интересом — устремляет на меня взгляд... изучая все мои формы, и заодно татуировки на них (на руках, груди, на животе и ногах). Но еще секунды — и словно очнулся, отдернул взор — уставил пред собой.

— Бумага закончилась?

— А? — дернулась к нему ближе, плохо расслышав.

Прожевывает раздражение:

— Ничего.

Рывок — и тотчас прыгнул, погрузился в воду... резвые взмахи кролем — и рванул прочь.

С*ка Киселев...

Скривилась я уже, едва не плача.

Ну, что за?..

Да, пусть я — тварь. Пусть я его использовала, но и он — не святоша. Не соблюдал все это время целибат: чего только его секретарша стоит. Сама я не раз слышала, как эта цаца в его кабинете стонала. Просто... виду не подавала я, не прерывала их оргию, ведь, по сути, мне плевать... с кем он, когда, сколько и в каких позах...

А тут — НЕВЕСТА, б***ь! Ну, какая я, на**й, невеста?! Как такой бред мог родиться в его голове?...замуж, да еще за него? Да убейте меня сразу!

Никогда сему не бывать.

Шумный вздох — и когда приличие более-менее вернулось ко мне, да и пауза была выдержана для зрителей, мигом ныряю следом.

С*ка, если бы не алкоголь в крови, давно бы от этого зло***чего холода... коней двинула.

Доплыть до отмели и вновь, словно маньяк, замереть рядом с Кузнецовым.

— Накупался? — попытка подколоть. Кривлюсь нелепо в неловкой улыбке.

Метнул короткий взгляд на меня:

— К жениху своему... иди, — грубо рявкнул.

— Да не дуйся... Борь, — тихо, упрашивая, повела я.

— В смысле, не дуйся? — дерзко; резвый разворот: глаза в глаза. Нахмурился.

— Пошутил он... — тихо, боязно силюсь оправдаться.

— Да я видел, — не сбавляет оборотов. — В засос прям шутил, что у половины сразу встало!

Пристыжено, виновато опускаю взгляд.

Продолжил:

— Вот и вали на*** к нему! ПОНЯЛА?!

Резкое движение — пошагал на берег.

Сижу, грузусь за столом, будто чувствую, как обреченно и бесповоротно из моих рук выскальзывает нечто ценное. Некто ценный...

Тупо хлыщу водку... дабы залить горечь, обиду, боль... — а они словно глухие: только сильнее дерут изнутри.

С*ка, Кисель... так в одночасье всё пох*рить... что столько дней, недель... создавалось.

Взгляд так и тянется к Боре... но стыд и совесть приказывают терпеть. Ловить силуэт боковым зрением, лишь иногда осмеливаться смотреть в его сторону — когда (нехотя, но все же) решается на какие-нибудь слова, речь: то ли ответ кому, то ли замечание...

Но самое было невыносимо, когда его взгляд ловила, чувствовала на себе. Нет, он, как и я, старался игнорировать меня изо всех сил, не палиться, но едва какой вопрос задавал мне Кисель, или вообще отзывался кто, сидящий со мной рядом, тут же Кузнецов награждал меня... не то болью, не то трепетом.

Невеста... С*ка, как же Артем мог такое ляпнуть? Вот как?!

Хрен тебе моржовый, а не... перепихон, компот паршивый. Не говоря уже о, с*ка, е**чей свадьбе.

— Слушай... а вот ты вся такая в тату, повсюду пирсинг, — вдруг осмеливается «сосед» по скамье. — И чё, родители совсем не против были? Не отругали?

Язвлю (тихо, лениво, даже не смотря на идиота):

— С чего же? Сами краску мутили... иглу держали.

— А дырки... — не унывает гад. — Ну, ладно в ушах... — тычет на меня пальцем, — но еще в носу и в пупке... Верняк, еще где скрыто, — ржет нелепо, сконфужено, не без пошлого намека (пьяная скотина, откровенно скользя взором, мерила меня с ног до головы). Взор на Киселя: — А, братух. Есть еще где у нее?

— А может, тебе по роже съездить? — злобно гаркнул на него «жених» (дожевывая свой кусок мяса). Косой, короткий, с угрозой взгляд.

— Пардон, — рассмеялся пристыжено кретин, позорно отступая; развел руки в стороны. — Занесло... Спирт в голову дал. Просто, никогда таких не понимал, — хохочет. — Ладно в ушах по одной — красиво... Но на**я так до**я себя дырявить?

Едва осознанно, украдкой устawiла я очи на Кузнецова — в желании поймать его реакцию, хоть какое-то мнение на этот счет. Отвечает тем же — отчего враз осекаюсь, перевожу, устремляю (проигравши, ничего не добившись) взор на надоедливого соседа. Ведусь на игру, дерзостью рубая дальше:

— Никто же больше не дырявит, вот и приходится самой...

В момент поперхнулся, закашлялся недо-кобель, залившись краской.

— Лесь... — злобно, с негодованием гаркнул, отдернул словом меня и Киселев.

Выстреливаю уже и тому в глаза укором. Смолчала, лишь прожевала, дожевала отборный мат вместе с остаткам пищи.

— Ладно, — живо подрываюсь на месте.

Хватаю со стола пачку сигарет, зажигалку и иду в темень, прочь.

Вдогонку взволнованный голос Артема:

— Ты куда?!

— Ссать!

(замирает в поражении на поляне, не смея ступить дальше, за мной)

Ничего уже не стыдись и не страшась, остаться в полной темноте, в спасительном одиночестве. Прикурить. Сесть на бревно, закинуть ногу на ногу.

Ублюдка кусок...

Нет, не «сосед».

Кузнецов...

Вообще ни о ком другом не могу думать, никого и ничего замечать...

Даже этими тупыми подь*бами меня уже не пронять. Если только они... не из уст Бори.

Чертова болячка... а не мужик.

Благо, практика уже почти к концу. В понедельник пойду — пусть подписывает "отзыв руководителя", отчет — и нахрен (позорно) свалю из этого гребанного "ОНГМ". Столько нервов всадить... столько мерзких взглядов похотливых сотрудников терпеть, да и того же Киселя каждый день выдерживать (вместо, максимум, пару дней в неделю, как раньше)... и все зря. Напрасно. Впустую.

Невеста, б***ь... Вот вырвать тебе бы твой язык е***ий, Артемушка!..

Вдруг шорох где-то сбоку... Долгие, бесящие, выматывающие минуты интриги.

Ну, с*ка, если это Кисель — я прям сейчас врежу ему в морду, матом обложу... и нахрен пошлю... с его этими заявами. Пусть на своих овец клеймо ставит, а не на меня: как была ничьей, так и останусь — а не, б***ь, НЕВЕСТА!

Еще миг — и сама не поверила своим глазам. Вернее, думала — в темноте и от хмеля в голове, что привиделось. Оцепенела, боясь даже моргнуть — словно от того исчезнет.

Шаг ближе:

— Еще одной не найдется?

Нервически сглотнула я слюну. Не сразу сообразила. Секунды — и лихорадочно, конвульсивно зашевелилась, задергалась, доставая из кармана пачку, зажигалку. Тотчас протягиваю. Неспешно берет трофеи.

Прикурил. Слегка медля, присел на бревно рядом. Взгляд перед собой. Затяжка — и закурил губу — слежу за его лицом (насколько это было возможно в тусклом свете луны).

— Не страшно? — взмахнул рукой на окружающую чашу.

Молчу. Отвожу взгляд.

Внезапно пристыжено рассмеялся и, прокашлявшись, сплюнул:

— Не люблю баб, которые смалят.

Поморщилась я, подавляя язвительный смех.

Прожевала грубость:

— Не люблю мужиков, которые женщин бабами называют...

Тихо захохотал. И вновь затяжка...

— Когда ты собиралась мне рассказать?

— Что? — удивленно устремляю на него взор.

Поддается. Глаза в глаза:

— Что у вас... всё серьезно.

Скривилась раздраженно я. Отвожу очи в сторону:

— Да них*ра у нас не серьезно! Борь! Сколько уж можно повторять?! — отчаянно, едва не плача.

Хмыкнул:

— Ну, он... там совсем иное заливает. Едва ли не имена вашим детям уже придумывает.

— От, б***ь! — не сдержалась. Сплюнула. Еще затяжка — и бросить на землю бычок, затоптать ногой. Шумный выдох. Закусить на мгновение губу. — Пусть болтает. Что уж... сегодня я ему сделаю — поди, его день.

— Но, — немного помолчав, вдруг продолжил Кузнецов: — Так-то я видел вас... у него в кабинете, — затяжка, выдох.

— И что? — дерзко, с вызовом гаркаю я. Глаза в глаза. Не выдерживает первый, отводит взгляд.

— И ниче... — злобно; и снова тягучая тишина минутами. — Гляди, до сих пор у себя хранит... твои красные труселя, или что там было?

— И ты хочешь?

Мигом выстрелил взором мне в очи.

— Лесь! — послышалось где-то спереди, отчего нас словно током пронзило — вздрогнули оба.

Первым на ноги сорвался Борис, а за ним и я.

— Иду! — кричу, дабы тот идиот (а судя по голосу... все же Кисель) не пришел сюда и не обличил нас обоих. Но едва шаг, как тут же обмираю, не оборачиваясь: — Не думала, что ты... такой трус.

— Я не трус, — тотчас, вдогонку, отчего движение мое — фальстартом. — Просто принцип: с чужими бабами не вожусь, и у других не отбиваю, особенно, у друзей.

— Даже если... очень хочется? — оборачиваюсь. Пристальный, многозначительный взгляд в очи: — ... обоим?

Резвое, уверенное, жестким приговором:

— Даже если.

И вновь сесть за стол. Вот только вместо ненависти и напряжения между нами с Кузнецовым пролегла... обида. Причем обоюдная...

Реже взгляды, но боли — не меньше.

То и дело, что молча грызем свою еду да заливаем одну горечь — другою.

Вдруг движение — и нагло, смело, откровенно обнял меня за талию Кисель. Прижал к себе. А-ля... невзначай. Сидит, лыбится, о чем-то дальше ведет беседу с друзьями.

А меня — словно током, словно высоковольтным проводом обмотали — прожигает, прям трясет уже от неприятия, от бешенства. Вмиг приблизилась — и грубо, гневно зарычала без стыда на ухо:

— Р-руку убр-рал!

Резво обернулся. Лицо исказило удивление:

— Лесь, ты чего? — казалось, искренне поразился.

— А ты догадайся, — все так же шепотом, но жестко, отчетливо, дабы (если что, то) прочел по губам.

Нервически сглотнул слюну. Скривился в поражении.

Попытка натянуть лживую личину радости. Обернулся к своим.

Смеется за компанию с ними над недавно брошенной шуткой.

А я жду — просто закипаю уже от ярости.

Секунды — и поддается: покорно убирает руку. Локти на стол — и дальше жевать своего угря.

— А помните, — охрипло, вяло, сражаясь с внутренней бурей, — как лет десять назад вы в Васильково ездили?

— А-а-а! — вдруг выкрикнул кто-то из мужчин, сидящий где-то вдалеке. — Это когда мы еще Ерему вызывали?

— Ага, — ржет Киселев. — И Борян толпень местных аборигенов размотал.

Захохотали вдруг некоторые, видимо, смакуя воспоминаниями.

Мигом перевожу я взгляд на Кузнецова.

Сидит, грузится. А на лице — ни грамма улыбки или участия.

— Федорович, может, расскажешь? — отзывается вдруг мой сосед-доставучка.

— А? — словно очнулся. Взор по пытливым, замершим в интересе рожам, в том числе и моей (обмер, на миг, нервически прожевал эмоции и тотчас отвернулся). — Нет, не хочу.

— Ну, да ладно! — вдруг вновь отзывается тот "непонятно кто" издалека. — Короче... Был у нас такой дружбан, — ржет вдруг пристыжено. — Нет, не потому был, что мы его того... Спился, дурак. Ну, да неважно. Короче, был у нас Колян Вездюхов. И даже не лет десять назад это было... больше. Мода тогда пошла — на частные пруды. Брали в аренду, запускали малька, а со временем... ну, короче, понятно. Бизнес. Вот у него такой прудик и организовался. И как-то по пьяни пригласил всех нас к себе, в гости. Говорил-уговаривал, мол... карпы у него ого-го, по локоть и больше, и все сами прям в подсак сразу прыгают. Только стой — и лови, временами увиливая, дабы не задели, твари. Короче, п**дел красиво. Ну, мы и повелись. Днюха как раз у кого-то была... Борян, у кого?

Пауза, тишина — но выжидание целой гурьбы выдушило из него участие:

— У Мыки, вроде, — нехотя буркнул Кузнецов и тут же принялся жевать свой кусок кабанины. Отвернулся.

(и снова взгляд на него мой — сродни пыткам, болезненным... и приятным одновременно: ведь чем больше нельзя, тем без меры, жутко... хочется; и уже, по-моему, дело не в мести Фирсову, если так-то взять; и не гордость задетая, и не самолюбие... не знаю что — но что-то искреннее, доброе, чистое — однако, увы, отныне недостижимое, напрасное; вся эта власть, мощь на грани трепетной, бережной аккуратности, заботе, ласке — все, что так вдохновляет и дарит мнимый дурман вседозволенности и защищенности, беспечности и сладострастия — все больше не мое, и никогда моим не станет... ибо дура, ибо идиотка... ибо он так решил)

— Так вот, — вновь отзывается, продолжает рассказчик. — Пригласил нас — ну, мы и поехали. Всей оравой. Мыка же и уговорил его УАЗом рвануть: там бездорожье, а потому наши "модельные" иномарки всего того беспредела попросту не выдержат. Короче, а нам только и зае**сь: не так-то рыбу собирались ловить, как бухать. Да и снасти эти, особенно сети, эту грязь, лишний раз в багажник совать — тоже не каждый хотел. И хоть Вездюхов нас убеждал, что там и спиннинга с головой хватит, мы уж как затарились, так затарились. И ячея разная, и донок парочку, и удил — на каждого, да не по одной и разной длинны...

Ехали-ехали... Приехали. А нас никто не встречает. Тык-мык... Пусто. Ну, х**ли? Ждать, что ль, будем? Поди, не барышня какая красивая, — ухмыляется. Заржали остальные и вновь притихли, ловя каждое слово оратора. — Спиннинг, говоришь? Закинул Лешик, помню, водила наш, первый свою удочку. Облепили мы толпой его — ждем: чудеса же начнутся сейчас, рыба сама в руки бросаться станет. Кто-то даже подсаксхватил... Стоим, ждем. Первую поймаем, как говорится, почин будет — а там и свое добро развернем... а

после и поляну накроем. В общем, все дело за первым уловом: если че, этого факта на всех и хватит, даже если никто потом и на поплавок свой не взглянет, и наживку садить не станет, а лишь стопкой примется воротить. Пять минут, десять... Представляете, да? Больше десятка мужиков на одну удочку стоят, плятятся, как идиоты... Полчаса... А интрига, мать ее, сами знаете, не дает расслабиться, ни на миг — а потому, кто там о времени думал.

Час. Первым, помню, Боря матом загнул, поржал с нас, махнул рукой и поплелся в УАЗик над своим тормозком с хавчиком шаманить, — хохочет, и вновь смеются и остальные, только Кузнецову — все не до веселья... — В общем... — продолжил мужчина, — уже и второй час пошел, а у Мыки... кроме жаб и обсоса мальками наживки — ни**я, штиль полный. Еще немного — махнули и остальные уже на всё то др**иво рукой, признав Леху позорным неудачником. Живо за свои снасти, и прилично так — всё сразу бомбанули: удочки, несколько донок забросили. Димон уже и лодку даже свою надул — сети готовился ставить.

И вдруг бобик к нам катится. Но не ментовский, нет. Но, явно, где-то рядом... (списанный да перекрашенный). Вылезают — местные. И как давай на нас наезжать, рамсить... И, с*ка, не страшно же! Их-то хоть семеро, но и нас — не меньше. И мы все такие крепкие, жилистые (не считая пару дохликов). Чего только один Борян стоил. Это щас — осунулся, заленился, — хохочет повествователь. И опять тихий, но сдержанный смешок, в поддержку ему народ. — А тогда — бокс, качалочка. Короче, заруба случилась серьезная. Замес тот еще красочный. Эти твари снасти давай пытаться у нас отжимать, мусорами угрожать. Ну, Борян нескольких и приложил... слегка: парочку — в нокаут отправил, и еще одного так угомонил, что тот срочно в больничку укатил (свои же утащили). Вмиг встрепенулись остальные, перья давай топырщить на нас, матом гнуть, но кулаками махать — нет, на полезли — очки-то сразу сжались. Но тут на тебе. Буквально еще полчаса — и прикатывают. Рыбнадзор и даже ментовский бобик вместе с ними. Причем, явно кореша этих... Штрафы, бумажки, протоколы. А мы-то, уже дерябнули, и как Кузнецову — тоже море по колено стало. Если бы не Мыка, там бы всех и ушатали: мент, не мент, всех бы заставили землю жрать. Но тут Ерема... Примчали ребятки на джипах. Да столько... что у этих сразу языки в ж**у, и даже бумажки уже никакие не нужны. Выходят бойцы наши. Среди них — и Колян, "хозяин" е**нный всей этой лужи. Дико таращит на нас глаза, заикается. Матом пытается гнуть, а мы не сечем, в чем дело. И че это мы... еще и виноватыми оказались. "С*ки, я же вам сто раз тогда повторил! — наконец-то не выдержав, затрясся в истерике Вездюхов. — Только с Васильково не перепутайте! Это — ментовский приход. Мой же — чуть дальше по трассе! ВАСИЛЬЕВО!!!" Короче, как оказалось, этот иднюк полдня нас прождал — устал... решил с горя забухать. Самому — не комильфо. Потому, вспомнив, что на соседней улице деда одного хоронят-поминают, отправился туда. Ерема же, как нас искал, до него дозвонился (у нас-то не брало — связь х**вая была). Да прямо с того "пиршества" и утащили беднягу. Едва ли не мордами всех в пол, налет. Отдавайте, с*ки, предателя... путь к пацанам ведет, а то на месте и четвертуем.

Вот так съездили. Морды местным разь***шили, нервы потрепали, деду проводы обломали... и рыбы нибуя не поймали. Потом уже не до того было. Пришлось всем гамузом ужраться (Вездюхов проставлялся), да настроение обратно возвращать...

— Нашли о чем пи**еть! — вдруг гневно, раздраженно (хоть и сдержанно) гаркнул Кузнецов и отбросил вилку на тарелку — зазвенела та пристыжено. Живо вскочил из-за стола: — Лучше бы... чего доброго вспомнили.

Шаги по склону. К озеру — и застыл в темноте, в тишине, подальше от нас.

— Чего это он? — внезапно сосед мой несмело, украдкой отозвался.

— Ой, — ответил кто-то другой. — Х** этого Кузнецова кто поймет! Может, не допил, или... перепил.

— Или кто-то не додал, — шепотом (словно стыдясь, что расслышат) вставил слово третий. Тихий, сдержанный смешок невольных слушателей — и затихли. Колкая пауза — а затем резвый анекдот, что кто-то из гостей учтиво затравил, вмиг сгладил всю эту жуткую, жгучую, раздражающую неловкость.

И, хотела я, было найти в себе смелость и наглость встать, сорваться с места и податься, прорваться к Борису, да только буквально на секундах меня опередила какая-то другая девка.

Мигом вскочила та на ноги, ловко перелезла через скамью — и едва не вприпрыжку, бегом помчала к отшельнику.

В полумраке сложно было что-то различить, да еще и обернуться пришлось (а-ля невзначай). Но минуты — и вижу, как уже забросил ей руку на плечи. Что-то обсуждают, шутят, радуются... флиртуют.

А затем и вовсе — спустя, может, полчаса, или сколько, — счастливые, довольные, вернулись к нам и, нагло сдвинув гостей вбок, взгромоздились где-то там вдалеке, у самого края стола, что я практически и не видела уже его... моего Бореньку.

И ничего более. Набухались, нажрались, салюты попускали... И если меня жадно обнимал Кисель, то Кузнецов — с того момента, весь вечер лапал откровенно, похотливо, и ни капли не стыдясь... "учтивую додавучку".

Ночь за этими делами и пролетела. Почти под утро — в автобус, да по домам.

Закончилась феерия. Закончилась... мечта,

...так, с*ка, и не начавшись.

Глава 5. Корпоратив

Не смогла... не смогла добровольно пойти и укоротить последние дни, отведенные рядом с ним, с моим Кузнецовым. Болезненные, душу терзающие моменты, часы, дни... но все же — наши, все же... рядом.

Киселя я еще в тот день (вернее, на следующее... отрезвляющее послеобедье) послала. Но нет, он, как и прежде, хвостом за мной вьется. И даже то, что все его невероятные "мечты" о статусе моем как невесты... и о "благодарном, воодушевленном" соитии — разбила в пух и прах, ничего не остудило и не отвернуло. Более того, за его инициативу и самопроизвол я так вызверилась, что в итоге уже Компот едва ли не ползал за мной, вымаливая прощение и каюсь в нелепом, недалеком, глупом поведении...

Кузнецов же с тех пор меня избегал — и если наши взгляды нечаянно встречались, то тут же отводил глаза... словно от прокаженной и пропащей, не желая рвать сознание гадким зрелищем.

Упустила. Свою мечту я упустила. Причем... по-моему, это было не просто мелкое, глупое фиаско, а полный... важный, катастрофический провал.

А вот и пятница. Еще с утра в офисе никакой работы — все готовились к яркому и такому многообещающему вечеру, как корпоратив в честь дня рождения... уже самого "ОНГМ".

Естественно, Кисель пригласил и, более того, девчонки настояли, чтобы я пришла, так как заодно это было и мое прощание, закрытие практики.

Господи, это больше походило на день города, нежели... юбилей какого-то "ОАО". Даже громадный ресторан... был не в состоянии всех пришедших, желающих уместить в себе под крышей, а потому логично, что уже и вся терраса, что примыкала к зданию, была усыпана круглыми столами, вплоть до танцевальной зоны около второй сцены... Второй(!), с*ка, сцены. И если первая, будучи внутри помещения, предназначена была для скромных речей не менее "скромных" руководителей предприятия, то вторая служила уже для выступления разных известных исполнителей и коллективов. Не менее знаменитый ди-джей — у пульта, и не менее крутой ведущий — у микрофона.

Полное безумие, под вечер подпитанное лазерным шоу, конфетти, вспышками и прочими пиротехническими эффектами...

Но не в том был... весь смак. Не в том.

А в ином, жутком зрелище. Девки из юр. отдела, пару бухгалтерш и та же "секретарша" охотились за моим красавцем Киселевым (второй звездой "ОНГМ" после Гена, да и ко всему на десять лет моложе, нежели биг-босс), Компот же — за мной, а я (как и остальное стадо

овец) — за Кузнецовым...

Отличное колечко нарисовалось, не правда ли?

Но вот Борясик в этот раз был куда прохаваннее — и явился уже со "своей"... той еще сиськастой белобрысиной. Да настолько сиськастой, что мои... "прыщи" позорно меркли на ее фоне (минимум четвертый, с*ка, размер). И уж как вешалась она на него, как облизывала... как сосались затем эти двое. Да так, что я сама готова была ее за патлы оттащить от этого паскуды и там же размотать.

В общем, действительно жуткое зрелище: где каждый хотел кого-то поймать, вот только круг замыкался совсем как-то по-странному, где никто никому... в итоге не доставался. Разве что подготовленному Бореньке... наша игра была нипочем...

Однако водка и сигареты творили чудеса — и с каждой стопкой мне тоже становилось всё параллельнее, а ласки, ухаживания Киселя превращались из раздражающих в терпимые и временами даже приятные.

Ну... вот и все, точка кипения. Решаюсь если и не пойти на абордаж, то хотя бы встретить приветственным залпом.

Эта скотина за весь вечер не соизволила ко мне даже и на мгновение подойти, просто поздороваться. Лишь только взгляды иногда метал, но едва я отвечала тем же — тут же отворачивался... и делал вид, что занят своим... или мыслями где-то в ином измерении.

Так что очередной глоток водки — и под звуки сознание дурманящей музыки, решаюсь прорваться сквозь толпу от танцпола к "вип-зоне".

— Привет, Кузнецов! — ору сквозь смех ему в спину (стоящему со своей шкурой и еще какими-то мужчинами около барной стойки). Живо оборачивается. Взволнованный, ошарашенный взор:

— Леся? Привет... — растерянное. Нервически сглотнул. — Как праздник?

Ухмыляюсь язвительно, не зная даже какие подобрать слова — то ли матом загнуть, то ли слюбезничать.

— Представишь? — наконец-то злобно стиснутые от обиды и ревности губки Сиськастой дрогнули.

— А... — пристыжено дернулся. Взгляд заметался, запрыгал то на нее, то на меня. — Да это так... практикантка, из юр. отдела.

Обмерла ошарашенная я, теряясь с жеманной реакцией.

Но еще миг — и алкоголь в крови дает храбрости в душу и яда в разум, дабы сгладить вконец ситуацию.

Ржу саркастически. Приблизилась вмиг к новой "знакомой" (дабы та за шумом и музыкой ничего не упустила из моих слов) и дружески так, учтиво добавила:

— А еще я — тра*аюсь с Киселёвым, начальником юр. отдела, и мечтаю твоего Бореньку оседлать. А так да — всего лишь... практикантка.

Разворот — и дерзкой походкой на*** оттуда, утопая в ненависти: к нему, к себе и ко всем, с*ка, окружающим...

Очередная порция нервотрепки, догорающей ревности — и вырulingиваю на улицу.

Замереть на крыльце ресторана (с другой стороны от шума). Прикурить сигарету и облокотиться на железные перила. Взгляд пред собой.

Глубокий вдох. Глубокий выдох.

Реветь уже хочется. Черти что... сама себя загнала в угол, а теперь... вместо того, чтоб смириться и отступить — грузусь и душу себя, цепляясь за глупости.

Скрипнула дверь.

Боже... пусть это будет не Кисель...

Шумно, нервически вздыхаю и сплевываю скопившуюся слюну на газон.

Кто угодно... покурить или просто пройти мимо, но лишь бы не навязчивое общество того, кого сама приручила и кого ныне уже больше всех ненавижу.

Шорох — движения неспешные, несмелые. Застывает кто-то высокий, плечистый рядом. И если бы враз не ударил в меня знакомый, приятный... волнующий аромат, даже бы не удостоила взглядом.

Испуганно оборачиваюсь:

Борис.

— Опа... — ржу, — какие люди, и без "сисюрити"?

Не сдержался от улыбки и Кузнецов. Живо достал пачку, зажигалку — прикурил сигарету. Взгляд на меня.

Ухмыляется:

— А ты всё смалишь?

— Ты лучше за своей сиськастой присматривай, — откровенно саркастически хохочу.

Показательная затяжка.

Пристыжено рассмеялся. Взгляд на мгновение отвел в сторону:

— Че, понравилась? — издевается.

— Ага, — ржу. Скривилась на миг, собрать скопившуюся слюну и вновь сплюнуть наземлю. Взор на Борика: — Себе аж захотелось... Поделишься?

Поддается на настроение, глаза в глаза:

— Да я бы даже посмотрел...

— Или поучаствовал?

Обмер на миг, удивленно выгнув брови, завершить тягу и выдох. Ржет:

— А позвали бы? — бесстыдно стебься.

Давлюсь циничной улыбкой. Отворачиваюсь на миг, наслаждаясь этой странной, большой игрой. Но еще миг — и вновь обрушиваю на него взгляд:

— Нет, — короткая пауза, — я бы не смогла тебя ни с кем делить.

Вытянулось лицо его тотчас (от моей прямоты и серьезности). Тягучие, жуткие мгновения зрительного боя — и проиграл, отвернулся, пораженчески краснея от смущения.

Захохотал:

— Ох, и Леся... что ты со мной творишь?

— А ты что со мной? — с вызовом, вновь очи в очи.

Затяжка — и нарочно пускает мне дым в лицо — не отворачиваюсь, ведусь, терплю.

— А что бы ты хотела? — вдруг загадочно ухмыльнулся.

Тотчас приблизилась смело я, нарочно обжигая дыханием его губы, шепчу:

— Я-то скажу, но а ты... решишься?

Долгие, тело и душу рвущие мгновения размышлений, трепета, сомнений и внезапно жестко, серьезно, отчасти грубо проговорил, резво изменившись в лице:

— Займись лучше Киселём.

Живо отстранился, глубокая (последняя) затяжка — и потушил бычок о перила, выбросил, выстрелил окурком в темень, долой с крыльца.

Ни звука, ни взгляда — разворот, пошагал к двери.

В последний момент — шепотом, да так чтоб услышала:

— А я "сиськастой" займусь...

Еще немного — и уже просто не могла, не в состоянии была видеть их вместе. Не помогали уже даже лобзания Киселева. Это был предел. Мой предел... на сегодня. В голове — уже сплошная каша, и едва что могла толково соображать. Но едва попыталась улизнуть, рвануть на выход, как тут же перехватили меня девушки и потащили куда-то в сторону. На террасу, к сцене.

Ошарашенная, перепуганная, не могла понять, что происходит.

И тут едва не силой меня пнули в сторону ступенек.

— Что? — пучу на них, ошалевши, глаза.

— А, вот! Вот наше недостающее достояние! — вмиг слышится голос ведущего в микрофон.

Взволнованно оборачиваюсь — так и есть, шагает прям ко мне, протянув руку.

Поддаюсь — хватаюсь. Шаги по лестнице — и обмерла среди небольшого скопления молодых девушек на сцене.

— Что происходит? — бросаю удивленное Лильке (знаю хоть кого-то знакомого).

Но та смолчала, лишь, коварно улыбнувшись, подмигнула мне.

— Что ж, раз теперь у нас собрались все отобранные вами кандидатки, торжественно объявляю об открытии нашего ежегодного безумного, но такого сладкого, долгожданного, я бы сказал, страстного шоу "Горячая штучка ОНГМ". Напомню тем, кто за сей ослепительной красотой, успел потерять голову и забыть, как сих красавиц звать... из свежей крови — Аленка, Катюшка и Лесёнок, а из доброго, крепкого костяка, конечно же, всеми нами любимые и обожаемые Лилёк, Надюша, Ритуля и Галчонок!

Машут, как дуры набитые, им всем ручкой — не сдержалась от подражания и я... Фу, б***ь, противно. Но и идиоткой перепуганной выглядеть неохота...

— Что ж, девчата, — вдруг вновь отзывается ведущий, — благодарим за приветствие и пока отпускаем вас! Ждем фееричного перевоплощения и скорого возвращения к нам — и зажжем уже этот вечер! Разорвем толпу своей похотью и страстью! И помните, девушки, сегодня вы не наши коллеги, сегодня... вы — наши Богини!!!

Спуститься по ступенькам и едва не плюхнуться на Киселева — вовремя подхватил. Сжал в объятиях. Губы до не приличия близко. Ржет.

А я готова вlepить ему пощечину.

— Че за х**ня это?

Еще сильнее хохочет:

— Че, реально, не знаешь?

— Нет, б***ь, люблю переспрашивать!

Запнулся, хотя улыбку с лица так и не смел:

— Каждый год такое... за месяц начинается голосование. А ты вообще многих порвала: за такой срок пребывания — и сразу в топы.

— Твоих рук дело? — рычу, уже не сдерживая злость.

Смеется:

— Увы... но нет. Честно... сам обалдел, как услышал о результатах. Да и как по мне — лучше только я буду тобой наслаждаться, чем...

— Чем что?

— Ниче, — ржет. — Просто выйдешь, потанцуешь немного и всё. Кому-то вручат приз, да разойдутся все, воодушевленные и счастливые, по койкам, феерично завершив праздник.

— А че согноли сейчас, раз только потанцевать?

— Так не в платьях же танцевать!

— А в чем, б***ь? — изумленно пучу на него очи. Немного отстраняюсь, дабы видеть хорошо лицо этого гада. Гневно: — Че ты, как идиот? Объясни всё толком, раз ни одна гнида не удосужилась рассказать заранее!

— Так никто ж особо и не знал, кто пройдет в финал!

— С*ка, Кисель! Ты и не знал?!

— Не знал, — обреченно, виновато, серьезно. Развел руки в стороны.

— И че теперь? Отказаться можно?

— Зачем? — оторопел.

— В смысле, зачем? Чтобы не выглядеть дурой!

— Не тупи. Глянь на них, — тычет рукой на толпу перепуганных куриц. — Тебя выбрало больше сотни людей, причем не только мужиков! И ты хочешь слить всё этим тупым, уродливым телкам?

Глава 6. Горячие штучки

— И где, б***ь, я возьму костюм? — смотрю на всех этих "кошечек", "зайчиков", и не могу втолковать, что делать дальше.

Виновато поджимает губы Киселёв.

— Снимай рубашку, — киваю на него.

— Чего? — изумленный, ржет, а в глазах так и заблестела надежда.

— Снимай, говорю, — откровенно потешаюсь над его наивностью грез.

Стащить с себя платье... Ладно без лифа, хорошо, что хоть шорты-стринги напялила, а не одни тесемочки. Уже куда проще, менее стыдно всё это мутить. Нацепить белую рубаху да завязать под грудью, застегнуть пару пуговиц сверху.

Отобрать у какого-то важного дядьки-моряка (а тот был только и рад) его шикарную фуражку, еще одну стопку в себя спиртного влить — и рвануть на сцену, где все опять-таки меня жаждались...

Дикий визг, писк, ор... аплодисменты, чего я никак не ожидала, даже сотой доли той, бешеной, реакции. А музыка уже топила, рвала каждую клетку всего живого в этом безумном действии, ибо бит забугорного ди-джея качал не по-детски.

— Жгите, красавицы! Жгите, сладкие! Мы так долго этого ждали, мечтали! И теперь уж не подведите, родные... Не подкачайте нас!

Откровенные, развратные, похотливые, эротические движения взрывали раз за разом толпу, провоцируя на аплодисменты, визг, свист, крики, зов: о да, чего только стоило, каких-то только ощущений, когда слышала скандирование временами своего имени. Все это круче всякой наркоты разливало по венам эйфорию, давя по экспоненте до пикового состояния, отчего глупые, левые, болезненные мысли просто убралась прочь, оставляя в голове сплошную сладострастную прострацию и жажду быть еще красивее, желаннее, страстнее, еще смелее... тем более что... среди толпы... где-то и Он, мой, непокорный, гордый, такой вожделенный... Боря...

И уже ничего и никого вокруг. Только мысли о нем.

О нем...

О моем нежном, властном Кузнецове...

...

И вдруг что-то не так, перемены... холод, пронзающий шипами — но ненадолго, буквально сразу все и прекращается... Эти скоты облили нас водой, настоящим дождем, откуда-то сверху, еще сильнее и ярче рождая в больших головах похотливых тварей распутные грезы.

Стереть с лица надоедливые капли. Хоть бы теперь, с*ка, на своих каблучищах не

е**уться, временами скользя по мокрому полу.

И вновь нырнуть с головой в сумасбродство, прикрыв веки и отдаваясь музыке и чувственности сполна. Плевать. Плевать, б***ь... уже на всё!

И снова минуты, десятки минут, сплетающиеся в фееричную вечность...

Но внезапно какое-то движение, кто-то сзади хватает меня и оборачивает к себе. Мгновение — и жадно впивается в губы, а я скольжу руками по его голому торсу. Узнаю аромат, вкус — Киселёв...

Увы, Киселёв..

Толпа еще сильнее взорвалась в экстазе!

А я целую в ответ... и сама не понимаю уже, что творю, и что нужно делать.

И вдруг перед глазами вновь Кузнецов с Сиськастой, отчего вмиг от жуткого исступления разгораюсь, злостью пропитанной, грубой страстью, дерзкой развратной похотью впиваюсь в Артема, резво проникая языком в ему рот, смело маня за собой, а затем рисую, играю с распутными нашими сексуальными фантазиями, откровенно кусая, посасывая его губы, язык, враз доводя бедолагу до голодного, изнеможенного стога. Властно сжал мою грудь...

— Ну-ну! — вдруг закричал в микрофон ведущий. — Так дело не пойдет! — чувствую, силой отдирают мою жертву от меня. Поддаюсь, весело хохоча. — Все мы такого хотим, но если разрешить — то на сцене уже будет не конкурс, а оргия... и отнюдь не ограничившаяся смелыми поцелуями. Потому... терпи, народ, пока наши принцессы еще на выданье!

И вновь танец, и вновь движения, то приседая, то выпрямляясь, то извиваясь, то выгибаясь, то откровенным позами и видами маня.

...нагло радуясь, упиваясь осознанием того, что этот гад всё видел.

Видел сполна!

Дерзкая! Вольная! Желанная! И его я! ЕГО! Киселя, а не твоя...

...слабака и труса!

...

И вновь прострация, и вновь бездна шумных, изматывающих, жарких, сумасбродных мгновений, переливаясь из одного трека в другой, и казалось, это будет бесконечно... пока и вовсе дух не выйдет из нас, или посыл страсти зрителей не разорвет вожака сполна.

Но... еще минуты — и музыка предательски стихает, оставаясь лишь фоном, и на передний план снова выходит ведущий. Не сразу доходит до нас смысл слов, сказанных им, не сразу покоряется и толпа, утихает, медленно, обиженно сбавляя ритм алчных, дурманящих движений. Обиженный стон — и воля вершителя судеб лишь спустя непокорные, грубые минуты... была услышана, осознанна и принята.

Рассмеялся печально молодой человек у микрофона:

— Ладно, ладно! Сам такой... до утра бы на них смотрел! НО! Нужно и меру надсказать... Хватит мечтать. Пора браться за дело! — и вновь визг, и вновь взрыв зрителей от шального воодушевления и радости. — Девочки наши старались, девочки устали... да и пора всем нам уже за...кончить! Прошу проголосовать, дорогие наши друзья и коллеги, какая из этих звезд, столько терзая всех нас в офисе своей неприступной строгостью, сейчас оказалась ярче, горячее, страстнее! Чей свет уволок вас за собой, повел в шальные дали,

рождая пылкие иллюзии, дерзкую игру желаний! Какая штучка оказалась горячее?! А?! — и снова рев; попытка быть громче оравы: — И помните — кричите громовее, аплодируйте сильнее, ибо от каждого сейчас зависит... победит ли именно ваша... сладкая греза!

По именам, да что скотину на ярмарке — цену устанавливал собравшийся народ. Еще немного, справа налево... и очередь дойдет до моего лота.

Ох**ла. Тупо ох**ла, когда на мое имя все взорвались диким визгом, всплеском, взрывом эмоций. А я застыла на месте, растерянная, как дура, испуганно, ошарашено выпучив на происходящее глаза.

Долго, долго еще не могла успокоиться орда.

Шумные вздохи, попытка отойти от шока, хоть как-то совладать с собой, и пока ко мне не подошел ведущий и не схватил за руку, подняв оную вверх, я вообще боялась даже моргнуть.

— Олеся Фирсова! Вот так вам и жаркие пратиканочки! Вот так вам и строгие юристы! И вновь крик, и вновь беспредел эмоций.

— Скажешь что нам?

Вдруг тычет мне микрофон. Взволнованно, заикаясь:

— Б-благодарю...

— Как скромно, — заржал бесстыдно с меня мой захватчик. — Ну, а теперь приз! Борис Федорович, мы ждем вас!

Будто пуля в висок... Вмиг испуганно обернулась я к лестнице.

Отпускает меня молодой человек, шаги в сторону... А я уже дрожу от волнения, страха, что вот-вот окажусь после всего рядом с Ним.

Встревоженный, рдеющий от смущения, переизбытка чувств, шагал ко мне, нервно сжимая в руках какую-то витиеватую, полупрозрачную, стеклянную статуэтку.

— Поздравляю, Лесь... — сухое, хриплое в микрофон, а взгляд так и пляшет по мне, причем вовсе не может совладать с собой Кузнецов: и дольше чем на доли секунд оторвать взор от моей груди ну никак не получается.

Ошалевши моргаю, вторю сему неприкрытому интересу, опускаю голову... и тихо о***ваю от увиденного. С*ка, рубашка Киселя, она просто-напросто прозрачной от влаги стала, а потому я буквально голая сейчас стояла перед Борей, откровенно, бесстыдно свеча своими сосками.

(вот какая победа мне досталась...)

Боюсь даже взор в лицо обратно уставить своему палачу — кружу лихорадочно около.

Несмело протягивает приз — так же несмело беру.

Пальцы сцепились, отчего враз ударило током. Живо отдернулась.

— Ну, что? — вновь воодушевляющий крик ведущего. — Традиционное визирование победы? Ну же, ребятки, — к нам разворот, — что вы мнетесь, как неродные! Шире улыбки. Так, где там наш "золотое перо" для Босса?..

(мигом всучили какую-то блестящую палочку-выручалочку, маркер — подчиняется Кузнецов, берет)

— Так, стоп... — обмер рядом со мной растерянный молодой человек. Беглый взгляд по всем моим тату... — А тут столько красоты, что нашу глупость и не вклеить даже. Ух...

первый раз у нас такая заминка.

— Сзади, на поясице, — слышен чей-то крик сбоку.

Невольно повинуюсь и оборачиваюсь.

— Отлично! — радостно взвизгнул ведущий. — Идеальный вариант!

Невольно наклоняюсь, прогибаюсь перед Борисом... в откровенной позе.

— Охо-хо! — не унывает молодой человек.

Визжит толпа...

Вот только Федоровичу... явно уже не до шуток. Несмело подходит ближе. Менжуется, тупит чего-то. Вдруг неуверенно хватается меня за бедра.

Ржет еще сильнее наш "куратор":

— О-о-о! Тут походу... еще что-то намечается! Наверно, без пробы Гена никак не обойтись! Поди, не бочку с нефтью отправляют!

Но движение — и заплясал маркер по мне, царапая, рисуя его загогулины.

Еще штрих — и точка.

Выровнялась.

— Ну, и... традиционно — печать!

Оборачиваюсь. Вдруг движение ближе — и не сразу сообразила, что метит в щеку (поздно осознала), а потому нагло впиваюсь ему в губы. Смачный, щедрый, от всей души моей... поцелуй, откровенно даря ласку, нежность, тепло... Враз его губы дрогнули в ответ, уступая слабости, но лишь на миг — еще вдох и силой отодрался.

И снова визг, и снова крик, и снова аплодисменты...

— Bravo, ребят!

Отваживаюсь взглянуть в лицо своему супостату: злой, нервный, едва сдерживается от ярости, презрения.

Читаю по губам:

— Ну, ты и б***ь!

Обмерла я, ошеломленная, невольно выпучив глаза.

Секунды — и машинально, неосознанно, как обычно на нападки, гордо вздернув носом, мерно, отчетливо, с оскалом:

— Иди ты на**й!

Окаменел, распятый прозрением. Враз и я... до конца (пьяная идиотка) осознала, что и кому ляпнула. И что за такие слова... такие люди творят. Сжались от страха все мышцы в теле, погоняя жидкий азот по венам вместо крови — но стою солдатиком, готова на всё... выдержу предписанное.

Но не реагирует, не кидается, не убивает. Лишь пристальный, жесткий, сверлящий взгляд, причем укрывая почти все свои истинные эмоции.

Вдруг разворот, кивок в сторону ведущего — и пошагал прочь со сцены Тиран, великодушно щадя безмозглую жертву.

Недолго еще меня мучили, язвили своим вниманием. Благополучно врученная в жадную охапку Киселева, я была благополучно отделена от толпы и утащена в укромное место.

Вновь облачиться в платье, заставить пьяного Артема напялить на себя хотя бы пиджак (рубашку мокрую все же пришлось затолкать в сумку вместе с подарком) и вернуть бравому

моряку его титулованную фуражку. И спустя долгие десятки минут наконец вновь зайти внутрь ресторана. Банкетный зал...

Кузнецова, как и "Сиськастой"... нигде не видно.

А нам надо поговорить. Надо. И если не извиниться — то просто... не запускать этот ком ярости лавиной по склону. Сейчас — ибо, чую, на утро... может, быть поздно. Чую, что будет поздно... Даже если сейчас — за мат... (так тупо сплюнутый) леща хорошего отхвачу.

Но нет... его нет.

Еще одна тщетная попытка — и наталкиваюсь взором на знакомое, отчасти родное, лицо. Не стыдясь и не церемонясь, тотчас бросаю своего ухажера и сквозь народ, временами похотливых кобелей, что и дело норовили меня ухватить то за грудь, то за задницу, прорываюсь к цели.

Замираю за Ее спиной.

— Теть Тома! Тома! Тамара! — наконец-то дозываюсь сквозь музыку.

— А? — испуганно вмиг обернулась ко мне женщина. — О! Привет! Поздравляю!

— Спасибо... — растерянно бурчу я. — Борю, Кузнецова не видела?

Удивленно выгнула брови та, но запрос все же не прокомментировала:

— А... — растерянный взор по сторонам. — Вроде, недавно еще где-то тут был.

Гриш! — окликнула своего муженька. — Борю не видел?

Обмер, удивленный Еремов; нахмурился:

— А на**й он тебе?

Пристыжено рассмеялась Тамара:

— Да не мне! Вон Лесе! Кстати, — махнула в мою сторону рукой, — познакомься:

Олеся — сестра Макса, Фирсова.

Беглый, растерянный, ленивый взгляд на меня мужчины, да так, что едва ли смог увидеть, различить среди толпы; прожевал что-то:

— Поди... теперь ее все знают, — ржет откровенно, цинично, с неодобрением; облокотился на барную стойку. Что-то жует...

Тотчас стыдливо прячу взор, утопив в пол. Молчу, нервно закусив губу.

Хихикает Балашова-Еремова от неловкости:

— Ну, так что? — продолжает та, кивая своему благоверному.

— Что? — обмер, словно дурак: по ходу, пьяный уже в хлам и едва что соображает.

Испуганный взгляд то на нее, то затем вновь на меня, задумался: — А... — вдруг махнул рукой, — да уехал он... с бабой своей. Не будет его уже, не ищи...

Глава 7. Финиш

Свалить почти сразу с корпоратива. Разрешить Киселю провести домой, вручить обратно ему рубашку — и послать... восвояси, отмазываясь всем, чем угодно, рисуя причины буквально из ничего. Глупо, явно, но и плевать... Глубоко плевать. Уже было не до приличия.

Зайти в квартиру — беглый взгляд по стенам пустой, одинокой квартиры... (мать у бабки осталась ночевать).

Пройтись на кухню. Глоток воды и в спальню.

Вспомнить о жутком — живо забуриться в сумку и достать трофей.

С*ка... Резвый взмах и запулить в стену — отчего враз разлетелся на части хрусталь.

"Е**сь оно все конем!" — опуститься на кровать, сесть и обреченно утопить лицо в ладонях.

Дико, отчаянно зареветь, душась в рыданиях.

Всё, б***ь! Всё для него и ради него... а теперь я еще и шалава... Шалава, которую хочет весь "ОНГМ", но которой нужен только тот, для кого она теперь хуже мерзкой швали, грязной подстилки... Которую с радостью променяет на послушную, "приличную" сиськастую... барышню. Леди, мать ****! Порядочную девушку, а не конченную дуру, которая из кожи вон лезет ради Него, но и вместе с тем играет, как умеет и как может. Провоцирует — а Он... никак не ведется, ни одного резвого, уверенного, стопроцентного шага. Одни... терзания, метания, дерганья.

И сама виновата, и сама дура... и он — дурак.

Но не могу больше... не могу!

Проиграла...

Благо, последний день был. Благо, финиш...

Немного прийти в себя. Встать... пойти в ванную. Принять душ...

Резвые, болезненные движения, силой отдирая, отмывая себя от мерзкой, гадкой чужой похоти, собственного позора... — и что-то важное, опять, с*ка, важное... и ключевое, колючее вспыхивает воспоминанием в моей голове.

Вылезти из-под струй кипятка, быстрые шаги в коридор. Включить свет — и вполоборота уставиться в зеркало.

Подпись. С*ка, подпись этого козла... на всю мою поясницу стертыми штрихами и расплзающимися потеками-фронтонизмами.

Мразь!

Молнией устремиться обратно под воду. За мочалку — и жадно, обижено, гневно... тереть-стирать его письма.

Не твоя, ублюдох. НЕ ТВОЯ Я! Больше не твоя... сам отказался. Вот и подавись ты

своей Сиськастой...

Кое-как дожить до понедельника.

Черт, надо было в четверг все закончить — нет, б***ь, до последнего тянула. Пятница, как оказалась, не в счет, а посему вот — все прут в универ уже, а я лечу с отзывом руководителя (который сама и сочинила — вернее, из интернета скачала) и отчетом по практике в этот... уже всем сердцем ненавистный "ОНГМ".

Едва ли не с ноги открыть дверь этого упыря и без приглашения ввалиться в кабинет.

Повезло, никого, кроме этого гада не было.

— Простите, Борис Федорович, но...

— Всё нормально, — машет в сторону испуганной секретарши, что застыла в дверях.

Секунды — и щелкнул замок захлопнутого полотна, оповещая заботливо, что наконец-то мы остались одни.

— Слушаю? — с важным, умным видом бросает мне Кузнецов, а на лице — словно только пуля в лоб его спасет: видимо, без меры бурные выходные выдались, что сейчас хлопни в ладони — и его башка просто взорвется.

Невольно, неосознанно морщится.

Шаги ближе — и швыряю бумаги на стол.

— Что это? — удивленно кивает.

— Конец практики. Больше не смею Вас тревожить...

Нервически сглотнул слюну, обмер, ошарашенный на миг, осознавая нечто большее для себя, чем просто мой "неприятный визит". Поджал губы на миг. Закивал вдруг головой.

— Я смотрю, — решаюсь на дерзость, — она тебя совсем замотала за эти дни...

(присаживаюсь на край стола)

— Кто? — нахмурился.

— Сиськастая...

Хмыкнул ядовито. Шумный вздох.

Вдруг встал — обогнул стол и замер напротив. Взгляд сверху вниз — а расстояние до неприличия близко:

— А тебя, как я вижу, — решается на слова, — Кисель не дотягал... потому такая злая и неудовлетворенная? Да? — циничная ухмылка.

— Не переживай, — неприкрыто в ответ грублю, не смотрю в глаза. — Сегодня дотягает.

Дрогнули болезненно его уста. Шаг в сторону, прочь.

Вдруг разворот:

— Лесь, че те надо?

— Подписи...

— И всё?

Обмерла, я прожевывая злость... и страх, что упущу последнюю возможность — хотя, по-моему, и так все решено...

Вдруг звонко, болезненно вздохнул — и потер ладонями лицо, сдирая с него напряжение.

Взор на меня:

— Вот ты увязалась за мной... — неожиданно искренне, серьезно проговорил. — И тебя

ни разу не смутило... что я в два раза старше тебя? Что в отцы гожусь?

Оторопела я от сказанного. Тягучие мгновения — и отваживаюсь на правду:

— Нет. А тебя?

Скривился, пристыжено рассмеявшись. На секунды отвел взгляд, и снова лицом к лицу:

— Пока о цифрах думаю — смущает, — долгая... пугающая пауза. Шаг ближе. Глаза в глаза... пристально с вызовом, но внезапно исказила его губы едкая, хоть и несмелая, улыбка: — А когда твой зад вспоминаю... особенно в ту нашу первую встречу — то не очень...

Осмеливаюсь уже и я на иронию, добрую, робкую:

— Хочешь повторить? — ухмыляюсь, облизав губы.

Вдруг разворот — и, вновь утопив лицо в ладонях, вскрикнул:

— А-а-а! Б***ь! Что же ты... за с*ка-то такая?.. — сжалась я невольно от испуга, обмерла ошарашенная; не дышу; выдыхает, смущенный взгляд на меня: — Пи**ец, с тобой я сам не свой, просто... башку сносит. Леся! ЧТО. ТЫ. ТВОРИШЬ?! — разъяренно затряс руками, будто душу выдирая из своей груди; взмолился от отчаяния.

Сижую, еще больше огорошенная переменами, искренностью, разговором, рдею от стыда и смущения...

— Ну, не верю я! — внезапно продолжил, гаркнув, — или не хочу... верить. Хоть убей! Но... НЕ ТАКАЯ ТЫ!

— Какая такая? — нервически, тихо смеюсь.

— Б***ь тупоголовая...

Обмерла я, еще больше удивлением распята, невольно округлив очи (и это после тех слов, что на сцене...).

Боязно, шепотом веду:

— А какая тогда? Умная? — попытка сыронизировать. Не неудачно, глупо выходит.

Печально рассмеялся — горько так, сдержанно, смиренно:

— Напротив. Я бы второе как раз таки оставил...

Неожиданно резво, стремительно подошел к столу, схватил бумаги, ручку и живо расписался в пустых, необходимых графах.

Полуоборот — еще больше изумилась:

— Даже не читая? А вдруг... подстава?

Еще штрих и собирал все в стопку, пару ударов об столешницу и протянул мне. Взгляд в глаза:

— Тогда будет, за что наказать.

Обмерла я, глотнув звуки. Но тотчас его серьезность обрисовалась в улыбку:

— Жестко и беспощадно, — сквозь радушное коварство продолжил, видимо, все же найдя в себе силы спрятать истинные переживания, мысли. — Бери, — вновь тычет мне в грудь.

Неуверенно, нехотя поддаюсь — подчиняюсь, хватаю, но тут же откладываю обратно на стол. Сижую, не двигаясь с места.

— И вообще, — вновь отозвался, шаги по кабинету, а затем и вовсе сел в свое кресло, отчего пришлось обернуться. — Ты же не думала, что я тебя за красивую фигуру сюда взял, довольствуясь коротеньким намеком на твою конфронтацию с братом? Всё пробили, всё узнали, всё прожевали. Вот только... некоторые вещи для меня так и остались загадкой.

С вызовом взгляд, подначивая на новую игру, решаюсь:

— Что именно? — нос кверху, готова к бою.

— Что же такое надо было натворить... чтобы тебя родная сестра так возненавидела, что готова пойти на все... ради того, чтоб сделать в ответ больно и неприятно?

— Я бы даже сказала, — игриво язвлю, найдя и в себе запас лжи для укрытия чувств; забросила ногу на ногу, до неприличия оголяя тем самым бедра, — вызвать звериную ярость...

Следит, скользит взглядом по отрывшимся видам.

Продолжаю речь:

— И это всё... что тебя интересует?

Еще сладкие мгновения откровенной его заинтересованности — и наконец-то выстреливает мне взглядом в очи:

— И почему Киселя не бросишь... раз у вас ничего такого, и он ничего для тебя не значит?

Победно смеюсь (чувствуя, как вновь рыбка заходит на крючок):

— Уже интереснее... но тоже невпопад. Я же не спрашиваю, зачем ты себе... Сиськастую завел — по-моему, ответ очевиден... Пока один плошаёт, другой...

Вдруг встал из кресла, оборвав меня тем самым на полуслове. Неспешные, играя с волнением и трепетом внутри меня, вращая шаги ближе. Замер вплотную. Чуть нагнулся...

Взволнованно сглотнула я слюну.

Едва ли не губы к губам:

— Обиделась что ли? — цинично стебется.

— Нет, — глупо вру, а сама уже дрожу под его напором.

— Не было ничего...

— Ну да... — отчаянная, сгорающая в поражении язвительность.

— Ну да, — шепотом, утвердительно. Вдруг движение и отстранился немного, взор около и снова на меня, растопленную под его жаром. — Отвез домой — и хватит.

Нервически смеюсь:

— От не пи**и...

Ржет.

Казалось, вполне искренне:

— Одному неэффектно уезжать, да и тебе хотелось отомстить...

Резвый взгляд мой ему в глаза, выстрелом. Но молчу.

Продолжил:

— А ты с Киселем?..

Пристыжено рассмеялась я, отведя очи вбок. Томные, давящие мгновения тишины — его выжидания — и сдаюсь, враз встаю со стола, шаги на выход, но замираю у двери, полуоборот. Взгляд гордый, саркастически заливаясь победной ухмылкой:

— А это, Борис Федорович, вам необязательно знать.

Пораженчески, хотя и смиренно, рассмеялся:

— Ну, и ты стерва...

Ухмыляюсь:

— Зато желанная...

Закрыв веки и в негодовании закачал головой. Миг — и добро как-то улыбнулся. Глаза в глаза:

— Прощай, Лесь, — вдруг движение, сгреб со стола мои бумаги, подошел ближе и ткнул мне в грудь. — Хватит уже с нас... Давай жить порознь. Жить, как до этого жили... Ибо ничего у нас толкового не получается, и не получится. Да и я... едва уже сдерживаюсь, чтоб тебя не пристрелить.

И пусть уже все слова сказаны, и все надежды разодраны, перед самым финишем вновь иду в его кабинет.

— Там совещание, — взволнованно бросает мне Лиля, секретарша.

Улыбаюсь ей, игриво подмигнув:

— Ниче, я быстро.

— Лесь... ну... — отчаянное.

Но уже тарабаню в дверь.

Несмело приоткрыть и просунуть нос в дверную щель.

Не сразу, но заметил Кузнецов.

Обернулись и почти все "граждане-заседатели".

— Я сейчас, — живо подпрыгивает с места и топает ко мне. Сильнее приоткрыть полотно, шаг ближе — застыли мы на пороге.

— Ну, что еще? — с негодованием, отчаянием и сдержанным раздражением.

— Одну подпись забыл поставить...

— Смеешься? — удивленно вздернул бровями. — Прямо сейчас? Давай потом?

— Тут всего лишь один штрих, да и мне давно пора... бежать отсюда.

И снова давлю на мозоль: застыл под чувством тяжести действительно окончательного нашего прощания (и даже уже невзначай ничего не будет). Поддается. Горький, звонкий вздох:

— Где? — взгляд на бумаги.

Живо передаю всю пачку — подчиняется, подхватывает.

— Там, чуть ниже, — тычу пальцем.

— Ручка? — взгляд на меня.

— Да, сейчас, — ныряю в сумку и достаю "подарок", игнорирую его ступор и силой запикиваю одного в карман его пиджака.

Секунды, мгновения, дабы отойти от шока — и наконец-то сухим, охриплым голосом бормочет:

— Что это?

Едко ухмыляюсь:

— То, что теперь не только у Киселёва будет.

Глаза округлились. Нервически сглотнул слюну. Окаменел. Побледнел от прозрения, бедолага.

Забираю, вырываю из его хватки свои бумаги — дерзкий разворот и, победно дефилируя, виляя бедрами, вновь маня без белья задом, в одной только обтянутой, тоненькой юбке... пошагала я прочь, взрывая прошлое... и увлекая Его за собой в наше, общее, но не менее беспощадное, будущее.

Глава 8. Дипломированный юрист

Закрытие практики. Та же картина, та же пьянка, что и на открытие, только уже на дворе — месяц апрель, и жара стоит неприличная...

Опять укуренные, пьяные полутрупы валяются в креслах-«плетенках» и на скамьях на веранде дачи Дробышева. Кто-то еще шевелится, а кто-то — уже в полной отключке.

— Вот ты мне тут... всего понарасказывала, — неожиданно отозвалась ожившая Шурка. — И я чё-т не догоняю... Так х** ты Киселя не бросила? Сама же всем этим и пох*ерила себе...

Печально ржу... Лениво тычу мордюку солнцу, и нет желания даже веки приподнять:

— А того, — решаю ответить, — что если бы я уступила — Борюсик тут же бы меня и оприходовал, причем, наверно, не отходя от кассы, на том же месте, где бы и услышал сию новость... И всё: плакали мои планы, мечты... чувства...

— Чувства? — удивленно взвизгнула (аж затарахтело кресло, когда та, судя по всему, провернулась, уставивши на меня изумленный взгляд).

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Игнорирую:

— И вскоре бы я стала той же «сиськастой», которую он просто бы отвез домой, даже после хорошей синьки, — и на том бы всё закончилось, «и на том хватит» (если, конечно, не пи**ит). Нет уж! Дудки... А так... из-за бешеной ревности к Киселю, неприступности, недоступности из-за своих же стальных, непоколебимых принципов... при одной только мысли обо мне, даже одетой, — у него там сразу всё... закипает, горит невьё**нным пламенем. И у меня уже рождается шанс... Вопреки всем моим страхам — я достигну вершины. Вот увидишь. И черт с этим «ОНГМ». Главное, что на одной планете...

Немного помолчав, вновь отозвалась неугомонная Саня:

— Я, конечно, поражаюсь... терпению Фирсова...

— А ему деваться некуда... Боится повторения моего первого курса.

— А что там? Это... когда ты болела? — голос ее стал оживленным, взволнованным.

— Ага, — неприкрыто язвлю. — Боле-ла, — паясничаю, коверкая интонацией слово, — ...по подвалам, по теплотрассам, по вокзалам, по электричкам... Пока до Питера не доехала... Там-то меня его «коллеги» и приняли. А чё мне? Восемнадцати еще нет, вот Макс и стуканули, слили, уроды. Приехал — извинялся, клялся, умолял... Чуть «на пузе крест не рисовал», что больше никогда звереть не станет, в жизнь мою лезть не будет и указывать, что, как и где мне делать.

— А чё он упорол? — тихим, напуганным шепотом. — Вернее, — вдруг тотчас себя поправила, — что ты отчебучила, что он?..

Ржу цинично, всё также не роняя взгляда:

— А это, мать, уже не твоего ума дело...

Но не обиделась та. Отнюдь — давно привыкла, что я — сплошная закрытая книга, а потому и сему скромному откровению, что только что вырвалось из моей груди, из пьяного сознания, была безмерно рада.

Но вдруг:

— А бомжи к тебе приставали?

Даже поперхнулась я слюной от такого поворота мыслей в башке у Кути.

Хохочу язвительно:

— Я к ним приставала...

— Фу! Девки, б***ь! — внезапно гаркнул в негодовании Митя. — Чё за х**ню вы несете? Да и потом... Леська — сто пудово еще целка. Пять лет квасим до одури — а так никому и не дала.

Смеюсь издевательски:

— Ну... а толк? Никто из вас брателлу моего вызверить не сможет. Да и сами засыте тягаться. Поди, разные весовые категории... То ли дело Кузнецов, или хотя бы Киселев... А вот с девственницей — тут уж извините, ребята. Разочарую: чего нет во мне, того нет. Не сваяю обратно...

Ржет, давясь сарказмом, Димка:

— Чё? Всё-таки принца встретила, да?

— Ага, — не сбавляя оборотов яда, отвечаю я, — Принца. Именно его... Заломал и не спросил: хочу ли я быть его Золушкой, али не хочу. Домурыжилась в своё время... Вот теперь и практикую, проверяя и остальных на смелость...

— Че? Реально? — живо подорвался со скамьи, оперся на локоть. Взгляд на меня.

Не сдержалась от интереса и Шура.

Строю вид, что не заметила, что по**ю всё: как и доньше, блуждаю взглядом в облаках.

— Нет, б***ь, фигурально... Да так, что потом не один день пришлось заживать. А чё? — желчная ухмылка; взор на всполошившегося кобеля: — Тоже хочешь?

Нервически сглотнул слюну. Мигом отвернулся, вновь разлегся на лежанке.

— Разве что... голову тому ублюдку свернуть, — шепотом.

— Сверни, — ржу, не сдерживаясь от дерзости.

— А Макс что? — не унывает с этим Фирсовым Кутюхина.

Раздраженно скривиться и отвернуться. Снова взгляд устремить в небо.

— А он знает? — решаю ответить на вопрос, не без упрека за его глупость.

— Я бы сказала... — едва слышно, задумчиво буркнула Шура.

— Ой! — не выдерживаю и гавкаю я. — Ты бы много чего сделала, чему бы он был безмерно рад! Да только сестра у него — я, конченный выродок. И не умею я поступать, как хорошие девочки. А только лишь... как тупая, бахнутая на всю голову, тварь.

— Так из-за чего заруба-то у вас с братом? — внезапно вновь отозвался Митяй.

Нервически смеюсь, осознавая правду:

— Из-за того, что он — праведник, а я — чёрт зло***чий...

Время пролетело, как очумевшее. Уже и лето, июнь.

Кузнецов молчал... и ни единой весточки, ни единой встречи невзначай. И я не звонила.

Диплом, дела... да и обдумать всё надо было, пережевать. Пережить. Новый план, в конце концов, составить. Хотя... если уж мой подарок его, Борясика сего строптивного, не расшевелил, ни на что серьезное, конкретное не подтолкнул, не побудил, не сподвигнул, то сложно уже на что-то иное, существенное надеяться... И, вообще, стоит ли вновь всё... это безумие, безмозглость... затевать? Шальную игру, в которой в прошлый раз... едва друг друга не поубивали.

Кисель же до сих пор гуськом бродит. Всё надеется, что вновь на меня найдет безумие, как в первый день практики, — и тут уж он свое счастье... не упустит, чего бы это ему уже не стоило. В какой-то момент мне даже стало казаться, что отмотай время назад — и оставь прежние разумы, пропитанные опытом, Артем бы и Кузнецова не постеснялся. Засадить — уж точно бы засадил, ну... а потом бы уже выкручивался, извинялся и так далее. Всё так же отгреб от начальства — вот только было бы уже за что.

Злость Компота все чаще выходила за рамки приличия, а внутренняя неугомная жажда, что уже, видимо, и секретутки не в силах были притупить, буквально уже душила меня морально своей назойливостью и пошлыми намеками. Я же играла... исправно играла с огнем, хотя и не страшилась итога... Как говорится, больно только первый, с*ка, раз... А потом — свыкается... даже если и хочется затем их всех поубивать.

Но он терпит, терплю и я.

Жду... сама уже не знаю чего. Ибо Боря залег на дно, а я нового повода вызвать его на тропу войны так всё еще и не нашла. Сдался? Позорно сдался? Или же я — позорная? А он — красавчик, что выбрал принципы, выбрал дружбу, совесть... а не такую конченную б***ь, как я, шарахнутую на всю голову...

Одно обидно — что, как бы не собачились, не дрались, всё равно не достаточно оказалась важна, чтобы хотя бы потерзаться, пометаться в сомнениях... за пределами одного котла, за пределами... «ОНГМа». Не настолько хороша, чтоб кобели цапались и делили трофей вне спальни. Досталась одному — пусть и пользуется, а выбросит — и того быстрее оба забудут. Спокойно выдохнут... и вновь начнут эту жизнь по-братски делить, и наслаждаться ею.

Хотя... какой он ему брат? Так, шпана недорезанная. Не шестерка, но и до Короля далеко, не говоря уж... чтоб когда-то в Тузы метить.

... двадцатое июня. Защита уже до тошноты бесящего диплома. Выучила вдоль и поперек. Пусть только... какая зараза мне «доп» засадит не по теме — сама лично удушю, даже жаловаться никому не стану.

Хотя... кому я когда на что жаловалась? Не считая последних «укуренных» откровений, никто и никогда ничего толком... не знал обо мне: ни мать, ни брат, ни «товариСЧи».

Выйти в центр, стать за кафедру. Шумный вздох. Пустой взор на комиссию (не видя лиц), в зал (для приличия... воспринимая всё как одно большое, неважное, несуразное пятно) — и стартонуть свою эпическую «элегия».

И, с*ка, уже оставалось буквально несколько абзацев, выводы, с*ка, ВЫВОДЫ! И надо было вновь пустить взгляд по аудитории — и словно что-то кольнуло, дернуло меня в ту сторону. Миг — и обомлела, словно расстрелянная. У самого выхода, за последней партой, столом сидел... Кузнецов.

Запинки, заикания... еще несколько позорных хлопков — и старая «копейка» окончательно заглохла. И с толкача не завести.

Ни подсказки препода, научного руководителя, ни собственные шпаргалки-записи: ни буя. С*ка... Боря. Просто напрочь всё вышибло из головы, словно на меня только что «КАМАЗ» попёр — и уже... ничего не остается, кроме того как смириться и тихо ссаться..

— Олеся, Фирсова, хорошая наша... не нервничай. Всё так хорошо рассказывала, а тут на тебе... Успокойся, выдохни... и начни с того момента, с которого помнишь.

С*ка, выдохни?

Да я и вдохнуть боюсь — метаю опарашенные, колкие взгляды на этого ублюдка, что так не вовремя взорвал, разорвал мою унылую жизнь.

Нервически сглотнуть слюну — и снова позорно уставиться в бумажки: сплошные несвязные слова, отрывки...

Попытки мямлить...

— Ладно, — вдруг не выдерживает председатель комиссии. — И так мы всё хорошо поняли. Давайте парочку дополнительных — и уже отпустим девушку.

С*ка. С*ка. С*ка!

Не менее бредовые ответы на не менее бредовые вопросы.

Краснея, белея, седея, утопая в гадком позоре, протиснуться меж рядами — и швыряю на свой стол бумаги.

Еще миг — и иду дальше. Колкий, уничтожающий, полный ненависти взор на гада — и выруливаю из аудитории.

Поддается. Мигом затарахтело за спиной — вовремя перехватывает дверь, а потому лязг не удался: скромно прикрыл деревянное полотно за нами.

— Х** лысого ты приперся? — дико взревела я, резко обернувшись. Лицом к лицу, глаза в глаза — отчего тут же оседаю, проигрываю... у топаю в его голубых озерах. Невольно дрожу.

Нервически прожевал эмоции, играя скулами.

— Прости... — несмелое, шепотом, виновато повесил голову. — Думал, сразу заметила...

— Думал? — попытки воевать, но уже сдержанно, лживо. — Так, чтоб у меня вообще двояк был? Дура, понадеялась на четверку! Х*як — и на тебе, обухом по голове. Теперь радуйся карьере юриста, начиная с тройка.

— У меня и того нет...

Запнулась от удивления. Скривилась:

— Оно и видно.

Ухмыляется, с*ка, видя... что уже явно сдалась, уступила его харизме.

Невольно заулыбалась и я.

Пристыжено опускаю взгляд.

— Гад ты, Кузнецов... пришел, так хоть бы раньше, или позже...

— Я почти с самого начала и сижу...

Обмерла я, округлив очи.

— И не уснул? — язвлю, осмеливаюсь выстрелить ему взором в очи.

Улыбается победно, что всё же смог пробить мою злость. Вдруг шаг — и обнял меня, притянул к себе... отчего тотчас плюхнулась ему на грудь.

Задыхаюсь, захлебываюсь... ароматом, теплом, чувствами...

Несмело подвожу голову вверх, отчего губы оказались до неприличия близко. Мурашки по телу.

— Всё хорошо там, — внезапно продолжил, немного отстранившись. — Да, косячный конец, но в остальном — твердый пятак.

— Х**к, а не пятак, — ржу с него.

— Че ты материшься... как сапожник? — вдруг не то язвит, не то воспитывает. Глаза в глаза.

А я уже дрожу в его объятиях неприкрыто, не в силах играть — растаяла, размякла, поплыла от его грубой, повелительной, но нежной хватки.

— Вам можно, а мне — нельзя, так? Или что?... не нравится — не общайся, — обижено рычу, пряча взгляд (а голова уже пошла кругом от внезапного, словно бомба разорвавшегося, счастья).

— Ну, ладно... не дуйся, — приблизился, игривым шепотом на ухо: — Может, по кофейку?

— Ага, — ехидничаю. — Осталось еще пропустить объявление результатов.

Глаза в глаза. И вновь губы на расстоянии дыхания.

— Тогда, хочешь... здесь стой, а я принесу? — улыбается паршивец.

Мысль, что придется от него оторваться — сродни Армагеддону.

— Кузнецов, зачем ты здесь? — попытка сменить тему, удержать.

Ржет пристыжено, еще миг — и пристальное мое внимание заставляет замереть, смириться в давлении:

— Хотел свою «ученицу» поддержать.

— Поддержать? — бросаю едкое, смеюсь.

— Ага, — ухмыляется злокозненно.

— Я и чувствую, как ты поддерживаешь, придерживаешь, удерживаешь...

— Отпустить? — колкое, с издевкой.

Скривилась, проглотив удар.

Стыдливо прячу очи.

— А если честно? — пытаюсь не уступить, не признать окончательно свою капитуляцию под его всепоглощающим напором. — Зачем здесь?

— Соскучился...

— И прямо сегодня, сейчас...

— Так повод есть.

— А как же принципы? Как Кисель?

— В смысле? — обмер, ошарашенный. Хватка невольно ослабилась, руки едва ли уже удерживаются на моей талии. — Вы же вроде... уже не того? Он...

Понимаю, вмиг понимаю, к чему ведет.

Жестоко смеюсь — не над ним, над собой... тупоголовой и позорной.

— Если Киселев тр**ает всё подряд, еще не значит... что мы с ним не вместе.

Обомлел, лицо вытянулось.

Вдруг рыкнула дверь за нашими спинами, послышался шепот Шурки:

— Лесь, бегом иди сюда...

Оборачиваюсь — вмиг выпускает из объятий, отступает в сторону ошеломленный Кузнецов.

— Что там?

— Что-что? — раздраженно шипит подруга. — Иди давай!

...

«Пять»... реально, с*ка, «пять».

И я даже не знаю — это заслуга Бори и его «проплат» (всякое возможно в нашем мире), или моя собственная — но факт есть факт... и за все страдания-старания... мне уже плевать и я рада.

Мигом оборачиваюсь назад, в конец аудитории — в надежде... что мой Борясик не поверил мне, не повелся на мой бред (сварганенный на нервах, на эмоциях, в плену помутневшего разума от радости)... и остался до конца, захочет выслушать меня, или «образумить», как вдруг словно молнией меня прошибло: нет, не ушел. Но зато рядом с ним у стены теперь нарисовался... и Киселёв... с огромным букетом роз.

С*ка... вот это точно уже... самая что не есть «с***, мать ****, б***ь».

Вылететь за дверь — и едва ли не матом, ором загнать на Киселя:

— Ты-то, б***ь, что еще здесь делаешь?!!

— Не понял... — оторопел тот. — В смысле? — короткая пауза (его, моих жутких мыслей, рассуждений, прозрений, сомнений) и осмеливается продолжить, причем впервые так резко и откровенно: — Это ОН, — презрительно сплевывает, — что ОН здесь делает? — разворот к Борису.

Взбешенный взор на конкурента, скалясь от ярости.

Нервически слотнула слюну, осознавая, признавая окончательно, кто здесь неправ... и что я... окончательно заигралась и вляпалась в самое жуткое... д*рьмо.

Вернее, сама его замесила.

Опустить голову.

— Он... как руководитель... — тихо, неразборчиво, себе под нос, позорно оправдываясь, выдавливая чушь, — преддипломной практики...

— А я, б***ь, ТОГДА КТО? — рявкнул на меня Артем.

— Потихе, — вдруг вклинивается Кузнецов, отдергивая за рукав товарища.

— А ты не лезь, — рявкнул на него вдруг осмелевший Киселев. — И давно ты ее е**шь?

Оцепенела я, огорошенная, выпучив глаза.

Жду, что ответит.

Хмыкнул вдруг Борис, прожевал ругательства. Взгляд около:

— Вот ты какого обо мне мнения, да?

— А тогда какого х** ты сюда пришел? — не отступает со словесным напором Компот. Молчит Федорович, позорно опустив взгляд.

— Или че? — вдруг выпаливает Киселев. — Мне не дала, так думаешь, тебе перепадет? Так?

Обмер, распятый. Брови выгнулись — а на лицо проступила бледность. Казалось, от прозрения омертвел враз Кузнецов.

«Вот, с*ка..» — я лишь пристыжено скривилась, осознавая фиаско всего творящегося последнее время. Такого болота, такой каши — даже я не готова была заварить.

— Чё молчишь, б***ь? — вмиг выверился вновь Артем, уже просто трясясь от ненависти к врагу-товарищу.

Шумный вздох и вдруг полуоборот, нервически, истерически смеясь, стер с лица эмоции Борис:

— А-а-а! — взгляд на меня, на него. — Да е**тесь, как хотите! Я, б***ь, просто пришел поддержать! Помочь с дипломом, если понадобится.

— И без тебя справился бы! — дерзкое, пренебрежительное.

— Да уже... вижу.

— Вот и пи**уй отсюда!

Рассмеялся:

— Да без проблем. Себе же спокойнее...

Еще одно метание взора на меня — живо развернулся и пошагал прочь, словно смирившийся, проигравший, сверженный... вождь.

А мне противно. От себя противно — как еще никогда не было... так гадко, мерзко, что даже реветь сил нет.

— На, с*ка, — вдруг разворот и швырнул цветы мне в лицо Киселев. — Держи. С праздником, б***ь.

Не успела поймать — упал букет на пол. Разворот- и тоже пошагал Киселев долой, гордо, не оборачиваясь, не цепляясь за гнусности и глупое прошлое...

Глава 9. Выпускной

Но это были панты... Если кто и хлопнул передо мной дверью — так это Кузнецов. Попытка позвонить ему, объяснить — игнор. Назначить встречу, прорваться в «ОНГМ» — тут даже уже Лиля созналась, что у меня нет шансов. Запретил на раз... и ни под каким предлогом, разве что «...только на похороны, ее похороны», — цитата.

В общем, сдалась я Компоту... нет, не в плане «кекса», нет. В моральном... Вот как я бегала за Кузнецовым, так и этот мерзкий «Напиток» за мной щеголял, не давая проходу. Нытьем, изрядно так, рачительно давя на жалость... Короче, опять иногда, редко, но вечера с ним: то кафе, то ресторан, то кино, то клуб.

Не давил. Был, как всегда, другом-кавалером, которого... временами я одаривала сдержанными поцелуями, лаской объятий или едва осозанным, но скромным, поглаживанием.

Физиология брала свое — и пьяное тело... иногда бушевало, рисуя в голове вместо одного героя — другого.

Но грань не переходила... и надежды впредь особой не давала. Так только — в глубоких его догадках и упованиях.

И, тем не менее... вот уже и выпускной. Кисель с защиты диплома мне больше не доверял, а потому на всяческие мои «официальные», запланированные пьянки рвался тоже. Не исключением оказался и сей день. Ночь.

Ведь наши одноклассники, если и отважились пойти в ресторан, то только до часиков одиннадцати вечера максимум, ибо дома ждет... дом. А вот наша честная компания «алкашей-любителей», тех самых, что так удачно осаждали не раз дачу Дробышева, вновь вышла на охоту.

И вот тут-то и пригодился, шикарно (как по мнению «товариСЧей») вписался мой Киселев: организовал досуг в клубе, в вип-ложе, а затем пустились по ночному городу бродить... утопая в остатках запрещенного дурмана...

Я, Шурка, Лида, Лиза, Вика, Коля, Митя, Витя, Серега, Жека, Петя, Леха, Артур и мо Артем... — все мы шагали в будущее, глубоко наплевав на прошлое и настоящее. Ржали, гнали, веселились. Песни пели и даже временами дрались. Всё было... согласно традициям и «ГОСТу». Выпускной удался...

Замерли посреди моста парни, пристально всматриваясь в завораживающую темень бурлящей реки.

Еще шаги — подросли и мы к ним.

Ржу:

— Че? Жить надоело, перебухали?

— А слабо прыгнуть, Лесь? — вдруг кидает мне вполне серьезно Митяй.

Еще сильнее хохочу:

— Ты меня на слабо не возьмешь, не тот случай.

— Нет, реально, — внезапно заорал сквозь идиотический смех Витек и живо принялся разуваться. — Кто засыт — тот лох!

Еще секунды — и уже полез через перила. За ним последовали и остальные корефаны, кроме Жеки и Лехи.

— Или адекватный, — недовольно буркнул последний.

Стою, ошарашенная я, не знаю, что делать... что сказать.

Взгляд на Киселя:

— А ты?

— Что? — удивленно вскинул бровями.

— А че ты от него хочешь? Он же тоже... "адекватный", — внезапно заржал Витя и тут же сиганул вниз.

Дикий, пронзающий визг, заряжающий странной энергией, охотой, тягой — и плюхнулся вводу, создав едва ли не цунами своей-то тушкой.

Ржут остальные.

— Е**** его в р**! — завизжал вдруг Серый и рванул за ним.

Вмиг подходит, протискивается ко мне Шурка и испуганно шепотом на ухо:

— Ты же не будешь? Не настолько больная?

Оборачиваюсь, взгляд на подругу: а сама уже чувствую, как глаза мои горят... и прям так и тащит меня за душу, за руки в пучину безумие.

— Пожалуйста... — отчаянно та.

Мигом стягиваю с себя платье (благо, белье додумалась нацепить), снимаю босоножки.

— Лесь, ты че? — слышу грозное, недовольное за моей спиной. Конечно, Кисель. Кто ж еще?

— Реально, Лесь, — не уступает испуганная Санька. — Там же быстрее убьешься, чем проскочишь! Скольких дебилов там потом водолазы искали. Лесь!

Игнорирую нытье.

Приближаюсь к Кутюхиной, сую вещи ей в руки. И тихо, едва различимо:

— Напиши с моего Кузнецову: не приедет — прыгну.

Разворот и пошагала к уже визжащим, лопающимся от удовольствия парням, что еще предвкушали прыжок.

— Правильно, малая! Сразу бы так!

Попытка перелезть, но тут же хватает силой меня за локоть Артем.

Глаза в глаза:

— Не смей!

— А ты запрети!

— Запрещаю.

Саркастически цыкнула я, паясничая. Скривилась злокозненно:

— Не-а... не верю, не канают. Отпусти, — отчасти грубо.

— Лесь, не надо! — отчаянно, хотя еще сурово.

— Руку убрал, — метнула взгляд на его хватку.

— Не уберу.

— Ты сейчас... на*** пойдешь. Понял?

Обмер, округлив очи. Силу сбавил, хотя все еще не оторвался.

— Че ты такая конченная? — вдруг искренне, обреченно, смело глядя в глаза.

— Какой родилась, — рычу пренебрежительно.

— Ты же не такая... — растерянное, полностью капитулируя.

— А то ты знаешь, какая! Руку убрал! — гневно, едва не скалясь.

Поддается. Отступает...

Живо перелезть через забор и замереть рядом с прочими смертниками.

Ну, Кутя... хоть бы ты не подвела. А то всё будет... реально глупо и напрасно.

Немало времени прошло, и сложно было уже резину тянуть, хотя... как могла — так и играла... то роль, то на нервах.

Все наши «добровольцы» уже давно спрыгнули и выплыли на берег, скрылись в чаще городского «недо-парка».

Но вот очередной автомобиль, черный джип — и тормозит на проезжей части, прямо на мосту, около нас. Мигом распахнулась дверь — и вылетел ошалевший, разъяренный Кузнецов.

— КАКОГО Х**?! — дико взревел, метая взгляд то на меня, то на Киселя, то на девок.

Заливаюсь победной ухмылкой:

— Ну, ты-то хоть со мной прыгнешь?

Обмер, выпучив глаза.

— А ты че ее не попустил? — вдруг рявкнул на Артема, игнорируя меня. — Это чё за Х**ня?

— Борь, — обижено тяну, нагло вклиниваясь, — прыгнешь?

Яростный взгляд на меня:

— Я че, долб**б, по-твоему? И сама слезай, быстро!

Резвый шаг ко мне ближе — попытка схватить, но тут же уваливаю.

Проворный разворот — и спускаюсь ниже.

— Я прыгну!

— Она че... под наркотой? — не сбавляя ярости, гаркает на наших, и вновь взор на меня: все еще не может поверить ни своим глазам, ни ушам, ни разуму.

Ржу:

— Пока нет... Борь, ну, ты-то же — не ссыкло! Вон пацаны уже сиганули. Давай и мы с тобой!

— Ты полностью уже е**нула, да? Или тебя кто по башке огрел?

Обижено, играючи, дую губы:

— Короче... ясно всё с тобой. Такой же тюфяк.

Замерла я, меряя вновь пучину взглядом. Шумные вздохи — считаю мгновения до апогея храбрости.

— Ты сейчас довы**ваешься! — вновь грозное, неугомонное за моей спиной. — Я же если перелезу — за патлы вытащу и п**ды дам! И потом не плачь, и не скули, что я с бабой

так себя веду! Не перегибай палку!

— Да пошли вы! — гневное, обиженное... Резвый, уверенный шаг вперед, срываясь в неизведанную, убийственную, бурлящую хлябь.

Глава 10. Шаг в никуда

Глава 10. Шаг в никуда

(Ш у р а)

Я все еще не могла поверить своим глазам. Да никто не мог: прыгнула. С такой высоты... в такие водно-бетонные дебри. Ладно, те — больные, пьяные, обдолбанные — море по колено, им самим дохнуть не жалко... Но Леська...

Живо впивается Кузнецов руками в перила, вторю следом ему и я — алчно выискиваем силуэт умалишенной в беспроглядной пучине.

Ну, же! Дура, где ты там?! Всплывай! Всплывай, идиотка!!!

Но секунды тикали, неумолимо превращаясь в минуты — а гладь рвали лишь волны... и постстрадальные круги.

— Черт... нет ее, не всплывает, — обреченно сквозь писк, отчаянный визг издаю я, захлебываясь животным страхом. Волосы, казалось, зашевелились на голове... а по спине кто полосонул когтями. — НЕТ ЕЕ! — ору ополоумевши я... Испуганный взор около: на девок; на окаменевшего, бешено выпучившего очи, Бориса; на Киселя, что мялся где-то позади.

И вдруг резкое движение. Вмиг Федорович делает полуоборот к Артему и яростно, жестко жестикулируя, завопил в лицо:

— А Х** ТЫ СТОИШЬ?! Твоя баба, или чья?!

Обмер Компот, огорошенный. Не знает, что и сказать... (именно сказать, ибо явно в бой, к делу не рвется).

— С-спуститься м-можно, — тихо, невнятно, едва различимо мямлит.

— Х**жно! Она триста раз там сдохнет, пока ты добежишь! С*ка... одни пи**расы вокруг! — живо стаскивает с себя пиджак Кузнецов и швыряет на асфальт, параллельно — ногу об ногу, сдирая туфли.

Миг — и уже вскарабкался на забор. Перелезть, чуть пройти вбок по парапету и тут же сигануть следом...

(О л е с я)

Ударилась, сильно ушиблась... сначала об воду, а затем об что-то твердое, шершавое — словно по асфальту проехавшись — адская боль по всему телу, в том числе лоя и кости. Ногy свело, не давая возможности даже разогнуть. Но еще барахтаюсь, сражаюсь... дерусь. Едва, что могу сообразить. Нервически пучу глаза — тщетно: повсюду темнота, и нет даже легкого намека на свет, куда плыть: где верх, где низ, а где бок...

В нос попала вода — дерет горечь, рвя на части, еще сильнее взрывая позывы жадного вдоха.

Пытаюсь грести, куда интуитивно тащат чувства, но тщетно... Еще гребок, еще бурление — и ничего... кроме непроглядности... Невольный кувырок и снова рвусь... в никуда.

Не хватает воздуха. Совсем не хватает его — позывы на вдох просто безумные, невыносимые... и согласна, казалось бы, уже на вдох водой. Что угодно — только дайте сделать алчное, привычное движение.

Еще миг — и что-то (или кто-то) уцепилось мне за волосы, резвый, дерзкий рывок — и потащило куда-то вбок.

Жгучие секунды — и вдох.

Воздух... эйфорический, сладкий, всепоглощающий.

Попытка ухватиться за спасателя, да только ловко уваливает, отдергивает меня от себя, силой переворачивая на спину — поддаюсь.

Миг — и узнаю, различаю среди этого сумасбродства его лицо.

Боря...

— Плыть сможешь? Отдышись!

И вновь попытка его коснуться, но не дает. Силой направляет к берегу — подчиняюсь. Немного под его напором, а затем перевернулась на живот и привычным брасом.

Чуть сзади плывет, страхует, заботливо следит.

Едва нахожу силы на звук, тихим осиплым голосом:

— Спасибо...

— Плыви-плыви, — язвительное. — Я тебя сам на берегу размотаю.

Пристыжено смеюсь.

Еще немного — и упереться руками, коленями в водоросли, в ил. Рухнуть на четвереньки — вдоволь, с жадностью отдышаться.

— Пошли давай, — вмиг хватает за руку и силой тащит на сушу.

Шаги по скользкой глине, по зыбучему песку, и, хватаясь за корни, выбраться на утес, скрыться за деревьями.

Плюхнулась победно на траву, разведя руки в стороны.

Странное движение — перевожу на Кузнецова взгляд.

Мигом расстегнул рубашку, стянул с себя, выжал и бросил на соседний куст.

Обмерла я, предвкушая остальное.

Но — не свезло. Вдруг шаг — и присаживается рядом.

— И че? И всё? — обиженно я сквозь смех.

— Ты только что чуть не сдохла, а всё ржешь...

— Ну, так... Борькин стриптиз не каждый день увидишь.

— Лесь, — состроил серьезный вид, хотя же видно... гад, что стебется. — Тебя в детстве кто-то лопатой по голове ударил, да?

Пристыжено отвожу взгляд. Кривлюсь в пораженческой ухмылке:

— Почти. Трактор переехал — извилины выровнял.

— Тогда понятно, — отчасти грубое, недовольное, но все же с нотками уступчивости, мягкости и доброты. Разлегся рядом. Шумные, усталые вдохи — отходя от шока и суматохи.

Мигом переворачиваюсь на живот (и плевать на боль, зуд, нытье в конечностях — сейчас в моей голове совсем иное). Взгляд на Кузнецова. Смущенно улыбаюсь (на секунды пряча взгляд):

— Прости... меня...

Ржет вдруг, вовсе не стыдясь и не сдерживаясь от откровения:

— Да в *опу ты его запихни, — взор на меня, в очи, — извинение свое. Groш цена, верно?

— Нет, — несмело, виновато повесила голову, поморщилась от стыда.

— Ну-ну... — вновь лег ровно, зажмурил веки и надавил кончиками пальцев на уголки глаз, сгоняя напряжение. — Более сумасшедшей бабы, чем ты, я в жизни не видал... Никогда не знаешь, что будет в следующее мгновение. Что отчебучишь...

— Зато нескучно... — усовещено смеюсь.

— Зато заё**вает, — рычит. Вмиг расселся, уперся локтями в колени. Взгляд на реку. — Вот че ты за мной увязалась, а? — отчаянно вдруг, обижено как-то...

Взор себе на руки — что-то ковыряет нервически, дерет кожу.

Поддаюсь. В момент переворачиваюсь и ровняюсь с ним. Сажусь. Взор на свою «жертву», печально улыбаясь:

— Нравишься мне...

— Оч-чень рад, — истерически рассмеялся; глаза в глаза (бросая прежнюю затею). — А прыгнула зачем? Я же приехал...

— А надолго?

Обмер, осознавая... что права. Скривился раздраженно, нервически сглотнул слюну.

— Вот что за е**чая игра, Лесь, а? Опять для Фирсова? Или для кого уже?

Виновато опускаю очи. Позорно молчу.

— Так и думал, — вдруг дернулся в попытке встать, но тотчас впиваюсь, хватаю его за руки, заставляя обмереть на месте. И снова лицом к лицу, глаза в глаза:

— Нет, — отчаянное, режа правду, как есть... — Давно уже нет.

Удивленно вскинул брови, скривился:

— А зачем тогда... всё это?

В горле задрал страх, обида из-за непонимания, волнение.

Но не сейчас, отступить никак нельзя, даже... если будет в итоге... безумно больно.

Вдох для небывалой смелости — и впервые открыто:

— Такой взрослый дядька... и не догадываешься?

Окаменел от услышанного. Миг — и осел окончательно обратно. Робко, едва слышно шепотом:

— Зачем тогда Киселев?

Печально, сгорая от стыда, смеюсь, пряча на мгновение очи:

— Только ради тебя с ним и вожусь. Чтобы ревностью хоть как-то твою толстую кожуру пробить...

Прыснул от смеха враз, но еще миг — и сдержался, догорая в желчной, болезненной ухмылке.

Внезапно движение и обнял за шею меня, притянул к себе, отчего невольно плюхнулась ему на грудь.

— Ну, и дура ты... — короткий поцелуй в макушку. — Всем дурам дура, — немного помолчав, — ...и чего мне такая досталась?

— За грехи, — нахожу остаток сил съязвить, а сама уже задыхаюсь, захлебываюсь эмоциями, чувствами, его ароматом, теплом... Сгораю в желании. Мышцы позорно сжались внизу живота, и разлился жар по венам — признавая, подтверждая полную капитуляцию перед Великим Тираном.

— Да я, вроде... — решил ответить, взором плескаясь по бурной реке, — так сильно не косячил... Деревень целиком не жег, и над младенцами не издевался...

Ржем уже оба.

Робко перевожу взгляд, поднимая голову, отчего губы тотчас оказываются до неприличия близко, маня в потаенные, сладкие, страстные дали.

Взволнованно, едва осознанно облизалась, давя, прессуя страх внутри себя, и неуклюже, но отчаянно потянулась к вожделенному. Не сразу ответил — устремил на меня испуганный взгляд, а я дрожу в его объятиях... словно мотылек, вымаливая у огня... пощады, невероятного отступничества от своей сути... и вместе ожогов и кары — дара ласки и тепла.

Еще миг сомнений, сопротивления и тотчас ринулся ко мне, обхватил за талию и подал на себя — усадил на колени, покоряюсь. Грубо, дерзко, нарочно причиняя сладкую боль, ухватил за ягодицы и уверенно прижал к себе ближе, полностью заставляя ощутить себя. Еще движение рук, ладоней по коже — и враз схватил за грудь, сжимая ее до волнительного трепета. Впиваюсь поцелуем ему уста, жадно обхватив, утопив в своих ладонях родное лицо, дерзко выманиваю, а затем вожделенно захватываю в свой плен его язык. Откровенное

посасывание, ласка, нежные касания губ, и вдруг отрывается... жарким движением прилипает к шее, будоража, казалось бы, каждую клетку моего тела. Адская жажда по шкале до невероятного. Не в силах уже даже сдержать стон... от его блуждания рук по телу, губ, языка по коже... манящих возможностей, животных желаний и пока еще несбыточных грез...

Но внезапно шорох. И с каждым брыканием сознания, строптивостью очевидного — всё сильнее и ближе он, отчетливее и пронзительней.

— Лесь! — странный звук обретает наконец-то очертание слова.

Кисель...

Обмерли мы, словно воры. Да не в силах оторваться друг от друга.

Шумный, болезненный, на грани горького стога, вдох.

Первым осмеливается Боря:

— Решай что-то с Киселем. Ибо... зае**ло.

Нервически сглотнула слюну, прячу взгляд, заливаясь пристыженной, но счастливой улыбкой:

— Хорошо. Только не сегодня, идет? А на трезвую...

— Естественно, — гаркает. Глаза в глаза. — Но смотри мне: последний шанс даю. Просрешь — больше не приеду, хоть задавись. Поняла? Не прощу...

Взволнованно сжались внутри мышцы, погоняя страх по жилам.

Лихорадочно киваю головой, живо подчиняюсь.

Подает силой немного назад, заставляя слезть с него — ведусь, встаю.

Попытка идти на звук — хромаю.

Черт дери...Вмиг замираю, не слыша за собой участия. Оборот:

Вовсе спустился к воде, снял брюки, сполоснул, выкрутил.

— Ты идешь? — кидаю Кузнецову удивленное.

— Ищи Киселя. А я позже подтянусь.

— Лесь! — опять слышится... уже буквально в нескольких метрах от меня.

Обреченно киваю головой, соглашаясь. Разворот — и шаги... по эшафоту.

Часть ВТОРАЯ. Демоны

Глава 11. На двоих

— Ты как? — живо кидается ко мне Киселев, едва среди деревьев и кустов различил мой силуэт. Попытка схватить за руку — увиливаю. Уверенные, стремительные (насколько это было возможно в моем положении) шаги мимо, прочь.

— Нормально, — гаркаю злобно. — Домой хочу.

Гуськом за мной, словно идиот. На полпути к мосту обратно встречаем ребят.

Отобрать вещи у перепуганной Шурки и тотчас натянуть обратно на себя платье.

— Ты как? — взволнованно шепчет Кутя.

— Жить буду, — коротко, черство.

— А Кузнецов где?

— Рыбачить остался. Ладно, народ, — оборачиваюсь к остальным. — С вами чудно, а без вас — еще чуднее. Я домой, баиньки!

— Ну! — обиженно взревела толпа.

— Че ну? Видели раны? — тычу ободранные локти, показываю колени. — Поди... хватит на сегодня...

— Че, такси? — радостно вклинивается в разговор просветлевший от перспектив Киселёв.

— Себе — вызывай. А мне и так хорошо, — гневно сплюнула в лицо. — Всё, — махаю остальным. — На связи... коль что, знаете, где искать.

Перебежать через дорогу-карман и рвануть к магазинам, вдоль по проспекту.

Прикурить сигарету.

Шорох, шаги... спешит, не отступает.

Не выдержала — обернулась, метнув злобный взгляд на преследователя.

Артем. Кто ж еще? Не могло же мне так повезти... два раза за день (ночь) — и моим ухажером оказался бы Боренька.

Сомнения за, против — замираю, застываю на месте. Полуоборот — настигает. Счастливый, улыбается, давится победой.

— Че прёшь?

Обомлел, удивленный:

— П-провести... хочу.

— А с моста провести... слабо было? — киваю в сторону приключений. Последняя затяжка — и выбросить бычок (придавить, затушить носком босоножка). Сплюнуть на асфальт. Взгляд в очи.

— Но... это же глупо было, верно? — попытка оправдаться. Растерянный, перепуганный вид: — Особенно, что никакой из меня пловец.

— Да и не только... пловец, — вырывается из меня горькое, обиженное, не подумав.

— Чё? — обалдел враз, нахмутив брови.

— Ниче, — раздраженно гаркаю. Разворот — и иду дальше. Покорно следует за мной. — Сдохла бы... и даже пальцем бы своим не пошевелил.

— Зато сразу нашелся тот, что "пошевелил".

Обмираю вновь. Глаза в глаза. Неистовый взгляд (так и хочется в глотку вгрызться, с*ке позорной):

— Да, нашелся! И обидно, что не ТЫ!

От удивления округлил очи. Нервически сглотнул слюну.

И вновь шаги — буквально еще несколько сотен метров... и спасительный двор.

Сворачиваем на тропинку через газоны — кося с одного проспекта на другой.

Сопит, кряхтит, злится.

А вот и родной район, "Девятка". Не каждый сможет смело тут ночью гулять... Толпа фонарей лишь вдоль проезжей части: чуть влево, чуть вправо — и безудержный беспредел.

И только смелые, как Боренька, могут тут уверенно шагать. Боренька...

Раньше я думала, что и Киселев не из рыпчивых. Теперь уже — даже не знаю... Противно, реально противно. Никогда не хотела иметь дело... Не смогу ценить, уважать мужика, который страху уступает свою женщину. Себя, свою женщину, детей, друзей.

До конца идти — вопреки всему, даже если мышцы от жути сжались уже в камень, все равно сражаться за свое, родное... не прогибаясь, не уступая ни обстоятельствам, ни врагам.

А он... прыжка вводу забздел. Ладно, вначале... когда игра была, когда и конкурента не было. Но... когда уже Кузнецов приехал — сдал все, пасонул, как позорный школьник перед дядькой, на десяток лет старше него.

Позор, позор как мужчины, как кавалера, как соперника...

Полный ноль. Теперь для меня Киселёв — полный ноль.

Мимо "гороно" через очередной островок темени да в сторону яркой, хорошо освещенной автозаправки. А после и вовсе вновь к жилым домам и магазинам.

И вдруг какое-то движение сбоку, как раз на повороте во двор, было двое: парень и девушка. Первый, добротнo так взбешенный, просто-напросто разматывал бедную, как тряпичную куклу. Оторопела, замерла я на месте, распятая увиденным: визг, крик стоял, плач отчаянный... а всем по***. Никто даже не рыпнулся заступиться за нее. Ни мимо прохожие (редко, но были... причем мужики, крупные мужики, куда крупнее этого сопляка). Да и под чьими-то окнами же все это происходило — наверняка, и в квартире слышно... Как и в нескольких метрах отсюда в работающем магазине...

Месил ублюдок нещадно оную. Яростная пощечина, удар в лоб, пинок — упала измученная на асфальт. Уже даже не огрызается, не сопротивляется... Только тихо ревет, скулит, пищит... И покорно прикрывает руками голову...

Тотчас схватил за волосы и рванул на себя — взвизгнула от боли несчастная.

Поежилась я, видя в ней не столь давнюю себя...

Живо оборачиваюсь ко второму зрителю, "соседу своему", что так же покорно и смиренно наблюдал за сей жуткой картиной.

— А *** ты стоишь?! — дико завопила я на него, изумленно вытаращив глаза. — Разыми их! Угомони ублюдка!

— Совсем е**нула? — вполне искренне гаркнул на меня Киселев.

Оторопела я, прозревшая.

— Ах, вот так? — сухим, мертвым голосом шепчу, холод побежал по телу. — Ну, и *** с тобой, гнида трусливая. А я еще с моста, думала, прыгнешь. Ну, и вали на*** отсюда! Ссысь где-нибудь в углу!

Резвый разворот — и сама ринулась, кинулась в бой.

Очередной взмах твари — и пытаюсь перехватить удар, но неудачно — прилетело обоим (разве что смягчила собой).

— А ты, с*ка, че лезешь? — вдруг неистово заревел на меня бычара. Разворот и враз пошел медведем — (позорно) тактически отступаю под его напором, чтоб, если что, увильнуть и тут же нанести удар в ответ (в пах, или куда придется).

— Съе**сь, пока не угадношил и тебя!

— А ты попробуй, мразь! — рычу, не сбавляя злости, подначиваю на промах животное.

— Ах, ты, шмара вонючая! — едва взмах прямиком мне в рожу, как внезапно кто-то живо хватает меня сзади, отдергивая со всей дури вбок — аж полетела на асфальт.

Резвый занос кулаком — и рухнул налетчик тотчас... мертвым грузом.

Прям около меня... Да так, что чуток до газона не дотянул.

Башкой... да прямо на бордюр.

Жуткие, тягучие мгновения — боюсь вдохнуть, моргнуть. Еще мгновения — и вдруг ореолом стала проступать темно-багровая жижа вокруг его головы.

В момент подлетает ко мне мой защитник и, ухватив под локти, силой заставляет подняться с места. А я смотрю, таращусь все еще ледяным взглядом... на не менее ледяного...

— Ты как? — слышу у себя над ухом.

Оборот, жадно хватаюсь за руки спасителя и взволнованно пишу, шепчу в лицо:

— Артем, он мертв?

— Не знаю... — неуверенно, отрешенно.

Выпускает, выдирается из моей хватки. Шаги ближе — присел рядом.

Шорох — метнула взгляд.

Девка эта, шмара его, как будто земля под ногами горела, вмиг рванула наутек.

— С*ка, стой! — отчаянно завизжала я, рысью кинувшись за ней... Но еще шаги — и в темени дворовой... полный шгиль. Позорно обмираю. Взор по сторонам скользят — и ни единого намека, зацепки... где эта мразь.

Оборачиваюсь к Киселеву. Взгляд через арку. Испуганно, отчаянно. Тревожно меряя на ощупь реальность.

Но еще секунды — и, оторвав пальцы от шеи ублюдка, уставил на меня очи.

Тягучие, жуткие мгновения тишины — и вдруг качает головой...

отрицательно... качает головой.

Стою, вглядываясь в лицо трупа.

Слезы текут... Неумолимо текут. Осознавая нечто жестокое, обречённое...

И вовсе не жалость сейчас к мертвому разрывала мое сознание. И не ужас несправимости, неизгладимости ситуации в отношении этого молодого человека. Нет. Все это тихим эхом, фоном отошло на второй план, явя мне... нечто большее в виде прозрения.

И не Киселя было жаль. Нет...

Себя. Себя было, стало жаль. Все те нарисованные, разукрашенные в яркие краски мечты... словно по небу, враз всё превратилось в нелепую выдумку, мыльный пузырь — что лопнул в одночасье, когда жизнь покинула тело этого то ли ублюдка, то ли... уже бедолаги.

И будто слышу звук... словно разбитого стекла — так рассыпалась моя судьба, сплетенная воедино с Кузнецовым, прекрасная и воздушная, сладкая и небывалая... Оголяя истинную суть: пропащей девочке — пропащее существование.

Нет больше хрусталя. Нет, что так красиво обрамлял мечту. Остались лишь лохмотья подранной, растерзанной, уничтоженной грезы.

Замкнутый круг. Западня. И если в моей клетке и нарисовалась на время дверь, то все оказалось иллюзией. Шуткой. Стебом.

Ничего и никого истинного вокруг. Сплошное одиночество.

А теперь еще и кандалы — тяжелые, звенящие эхом бешеного проступка, преступления... кандалы и цепи вины, что так умело рок вручил нам с Артемом на двоих.

— С*ка, — вдруг послышалось где-то сбоку. Вмиг шаркнул кто-то по асфальту. Тотчас перевожу неясный, но жаждущий вобрать в себя происходящее, взгляд.

Киселев кинулся куда-то вперед. К магазину. Замер у стеклянной двери, гневно забарабанил в онаю.

Выдох, стереть с лица позорные слезы и в момент бросаюсь за ним:

— Че творишь? — в спину.

Погас свет внутри помещения.

Обмираю, предчувствуя ответ.

— Да эта с*ка нас запалила. Стопудово мусорам стукнула уже. Валить надо! — мигом оборачивается ко мне. Попытка ухватить меня за руку, но уваливаю. — Ты че? — обомлел от изумления.

— Я сама те "мусора". Фирсову. Нужно звонить Максу. Он порешает... а иначе будет хуже. Тем более... та шмара сбежала. Неизвестно, что еще запоеет, и... если запоеет.

Окаменел огорошенный, глаза полезли на лоб:

— Но... если?

— Без если. Он мне должен. Да и свидетели есть. Я справлюсь, Кисель. Верь мне пожалуйста...

Глава 12. Псы и волки: меж двух сплошных

Глава 12. Псы и волки: меж двух сплошных

— В смысле, закроете? — не могла поверить собственным ушам. Попытка улизнуть от меня, но тут же догоняю ублюдка: — Макс, ты ох**л?

Враз замирает на месте, отчего едва не налетела на него. Вовремя остановилась.

Обернулся. Глаза в глаза. Кривится, скалится, давится яростью:

— Я о**ел?! Это ты ох**ла! Вы че, б***ь, натворили?! А, с*ка? — кивает в сторону бригады скорой, что уже грузила в машину труп. — Одно дело — тра**ться со всеми подряд, а другое — людей валить! Вы че, совсем е**нулись, нарики конченные?! Или че за х**ня?!

— Не закрывай его... — испуганно, смиренно.

— Посидит — проспится, протрезвеет малёха! Может, чуток ума наскребет! Как показания будет давать — пригодится!

— Макс, — отчаянно пишу, пытаюсь ухватиться ему за руки, но вырывается, уваливает.

Пошагал прочь. Вновь бегу за ним: — Макс, он из-за меня в драку полез!

Обмер, вновь взор мне в лицо:

— И че, б***ь?! Думать надо! Даже когда машешь — ДУМАТЬ НАДО!

— А ты всегда думаешь?

Обомлел, осознав укор. Сжался на мгновение. Но секунды — и тотчас совладал с собой.

Смолчал, лишь метнул взор на своих:

— Грановского не подпускайте. Я сам разберусь.

И вновь очи перевел на меня; нервически сглотнул слюну; скривился, подбирая слова:

— Садись в машину, домой закинем. Утром — ко мне в кабинет, посмотрим, что можно будет сделать с этим вашим болотом. Никому ни слова — сама похе*ишь, сама потом расплачиваться будешь. Ясно?

— Ясно, — лихорадочно киваю, заливаясь благодарной улыбкой.

Надежда. С*ка, надежда. Или я — с*ка, что в нее поверила, сама себе нарисовала.

Как был Фирсов тварью... так ею и остался.

Меня выгородил сполна, а вот Киселева... взд*ючил по полной.

От превышения самообороны до тяжких телесных, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего... и эта стрелочка по счетчику металась даже не от показаний (продавца... каких-то еще, откуда-то взявшихся, непонятных иных очевидцев), а решения самого Фирсова. И, что самое обидное, никаких соплей от той шмары, за которую мы (так глупо, как оказалось) тогда заступились... Как я и боялась, эта тварь трусливо залегла на дно, скрыв с собой очень важные детали — ведь иначе просто даже не докажешь, что это не мы сами полезли в драку... к бедолаге, к "тихому мирному мальчику, который и мухи не обидит" — согласно словам матери и соседки убитого. И фигурировал нынче по делу исключительно один Киселев, мои же даже показания были не в счет, как свидетеля (не говоря уже о том, что причастна) — бумажка, конечно, в папочке лежала... (я со слезами едва уговорила ее приложить туда). Однако... пойдет ли она вход, или же останется

альтернативой газетки для местного туалета — неизвестно.

— Я и Кузнецова твоего достану! Всех твоих е**рей пересажаю! Так только будет за что — сразу за шкуру и на нары! А не, с*ка, б***ь, ходит-ноет она за них! НЕ БУДЕТ ТАКОГО чтобы я за этих у*ков твоих вписывался! А сейчас — на**й отсюда пошла! Чтоб глаза мои больше тебя не видели!

— Я тебя ненавижу, Фирсов!

Обмер. Миг, дабы прожевать очередной залп ярости, и тотчас дерзко сплюнул:

— А ты ведь тоже... Фирсова! — с отвращением.

— Да будь проклят тот день, когда мать решила мне дать... эту злое**чую фамилию! И ты вместе с ним, мусорИла вшивая!

Это был последний шанс. Последний реальный шанс для нас с Киселем.

И пусть я окончательно надену себе петлю на шею и вздерну себя, но его использовать — я обязана.

Однако... судя по реакции, как тот торопился со мной встретиться, как брал трубку... или отвечал на смс, эта петля и так уже (с той ночи) была заброшена мне на шею и затянута сполна. Видимо, новости хорошо дошли до него, и без моего участия. И то, что я вновь ношусь с Киселевым, сыграло свою роль, как то и ожидалось: предатель... Я — предатель.

Что ж, осталось лишь выбить табурет из-под ног.

В офисе было не продраться сквозь сплоченную толпу сотрудников, да и не поговорить откровенно на подобные темы, а потому... Отчаянное, дерзкое, в моем духе.

С*ка, пятница. И, казалось, любой ушлепок знал, что эта свора красиво так зависает сейчас в бане.

Пролететь мимо ресепшена, да в "банкетный зал". Тщетно: одни девки.

Гневное, уверенное, борзое на овец:

— КУЗНЕЦОВ, Б***Ь, ГДЕ?!

Оторопели те, испуганные. И лишь одна осмелилась пальцем ткнуть в сторону второй двери.

Влететь в душевую — пусто, рвануть деревянное полотно парилки.

Зайти внутрь.

Целая толпа голых кобелей (отчего вмиг по телу побежали мурашки, а тело схватили конвульсии, предрекая нечто ужасное, нечто куда жесточе, чем то, что мне уже пришлось пережить).

— Вот это поворот! — вдруг звучит жуткий, насмешливый, незнакомый голос.

Терплю. Стою оловянным солдатиком по струнке смирно и ищу взглядом нужное мне лицо среди чреды красных, оскалившихся в счастливых улыбках, мразей.

Но вот и сам сорвался с места виновник, причина «хулиганства», шаги ближе — попытка ухватить меня за руку, мигот отступаю, увиливаю — но тут же натываюсь на кого-то и враз падаю на оного.

Дико ржут гнусные животные:

— О, синяя птица сама в руки лезет! — попытка того то ли придержать меня, дабы еще больше не скатилась на пол, то ли удержать рядом с собой.

Испуганно, с отвращением морщусь, чувствуя под собой откровенные места и восставшую похоть. Силуюсь восстановить равновесие и быстрее, молнией убраться от него долой.

— ПОШЛИ, Б***Ь! — гневное, жестокое на меня Бориса.

Вмиг хватает за локти и помогает выровняться на ногах. Натиск — и выталкивает в душевую, плотно закрывая за нами дверь, пряча бесстыдную срамоту. Но еще удерживает подле себя.

— Ты ох**ела, что ли? Или че за суицид? — машет в сторону товарищей.

Еще сильнее дрожу под его напором.

— Нужно поговорить.

— Не о чем нам больше говорить! Ты сделала свой выбор! КИСЕЛЕВ — ТАК КИСЕЛЕВ!

— Борь... но это... нечестно, — отчаянно, тихо шепчу, боясь... даже, что услышит.

Мигом отталкивает, швыряет в сторону, высвобождая из хватки — попятилась, но не упала, удержалась на ногах.

Сутулюсь, жмусь, идя ходуном уже от переизбытка чувств.

— НЕЧЕСТНО?! ТЫ, С*КА, СЕРЬЕЗНО СЕЙЧАС?! — вдруг дико, ополоумев, взреп Борис. — Я же тебе, твари, давал шанс! ДАВАЛ! А ты в очередной раз на него х** положила. Вот и пи***й отсюда! Малолетка конченная! Мужиками все играет. Манипулирует. Умная больно? Да сейчас, б***ь, обратно за дверь затолкаю и по кругу пуцу, шмару е**чую! Вот тогда точно поумнеешь! Х**в ей все мало! Мало одного! Давай два! Три! Или сколько у тебя предел, А?! — в неистовстве рывкнул на меня, гневно сжав кулаки.

Обомлела, оцепенела я от всего услышанного, да так, что дрожь прошла. Сплошной лед. Ушел страх, ушел и ужас... полная протрация и разочарование. Мой идол... пал.

Еще один предал. Еще один не понял... Еще один душу растоптал.

С*ка — ты... такой же как и Фирсов.

Ровным счетом такой... пустой.

Опускаю взгляд. Долгие, тягучие мгновения — и решаюсь.

Мерно, холодно.

И даже глядя в глаза:

— Он же и твой друг...

— Х*юг! Думать надо! Когда, где, как и на кого машешь! И не мусоров звать, а своих!..коль так хочешь. А прое**ли всё — расхлебывайте теперь сами!..или че, Максимка не вытягивает? — язвительное, саркастическое, словно лезвием по горлу.

— Ему же...дох*ра светит! — взмолилась я отчаянно, сквозь застывшие на ресницах слезы. — Да что ж вы за люди-то такие?!

Шаг ближе, яростное в лицо:

— Ты где людей нашла? Очнись, б***ь! И Кисель твой — не святой! А домахался, спалился — сиди!

— А ты бы сел? — обиженное, растоптанное...

— А я и сел! — бешено рывкнул в лицо, отчего враз распяло меня прозрением. Не дышу, лишь жадно пучу на него очи. — Накосячил, б***ь, поймали — и сел! И не ныл! И баба за меня никакая не бегала, не молила! Да решали, да помогли свои, но НЕ НЫЛ! Отмотал троя

— как положено, как вlepили, и пошел по своей дорожке дальше, умнее став на век. Может, и ему поможет, гниде трусливой! Жалко ей... А пацана не жалко? НЕТ?! Марш отсюда! Пока тебе... и за него не вlepил! Подстилка е**чая!

Не помню, не знаю, даже как выбралась оттуда. Как шла, куда сворачивала — пришла в себя лишь, когда уже замерла у двери своего подъезда.

Беглый взгляд в окно — темно. Отлично... самый кайф.

Одиночество...

Зайти в квартиру, на кухню... Не включая свет, отыскать заныканную мать (на случай праздника и явки е**чего "Максика" в гости) бутылку коньяка и открыть, вытащить пробку.

Глотки с горла.

Взять нож — присесть у окна. Отложить пока трофей на стол. Достать пачку сигарет, прикурить... — глубокая затыжка. Выдох.

Крутить, вертеть, нервически играть за жигалкой.

Бесцельный взгляд около.

Вот и всё. Конец. Окончательно и бесповоротно — конец всему... Мечтам, глупым чувствам... которые, наверно, впервые во мне так ярко, четко, осознанно, полноценно, истинно зародились. Чувства... то еще мне слово. Глупости, ошибка.

Умопомешательство...

Тщетно. Всё теперь тщетно: ночи без сна, грёзы, фантазии... желания. Даже слёзы.

Слёзы... Говорят, камни не плачут. Плачут. Когда никто не видит — плачут... Как небо, как водопады — плачут.

Вот и сейчас по моим щекам шальные потоки... обреченности, и ненависти самой к себе.

Всех подвела, всех... Всем в душу нас*ала, а Киселёву даже судьбу сломала.

С*ка... тупоголовая, конченная с*ка. Б***ь. А еще Фирсова порицаю, ненавижу... А, в итоге, не лучше — даже хуже. Хуже и омерзительнее...

Ведь они мне верили, доверяли... чувства какие-то питали. А я их всех предала, подвела. Подставила. Пусть и невольно — но подставила.

Отложить жигалку на стол, сигарету — на блюде.

Взять в руки нож — и привычными движениями стать рисовать на теле... благодатные движения... Света луны вполне достаточно для сего идиотического, странного, возможно, жуткого... но для меня — спасительного, бальзамного ритуала. Тонким, острым лезвием по коже... поперек руки... ровным, красивым... игриво-болезненным забором...

Нет, я не хочу кончать с собой. И, наверно, никогда сего по-настоящему не хотела. Нет, лишь сплошная... грубая игра... чувств, когда физическим душишь боль душевную, сердечную. Когда разум затыкается, направляя мысли лишь на язвящие раны, щипающие и колющие... Когда даже страх отступает — и лишь наслаждаешься большой эйфорией сумасбродного припадка, протрации... полного отсутствия твоего внутреннего Я.

Сбежало... всё сбежало н**й, напрочь всё, оставляя лишь ядерное, е**чее безумие...

Еще немного — и когда спустя такие долгие... но сладкие минуты дозволенное,

отведенное полотно иссякло — сию, смотрю... как темно-багровые капли скатываются на серую столешницу... Жива... я. всё еще. внутри. жива...

Еще минуты — и вынужденно, обреченно встаю со стула.

Еще один глоток спиртного — и подойти к крану. Открыть воду — засунуть руку под не менее игривый, в доли со мной, в сговоре, холод... Остановить игру, скрыть улики...

А шрамы, рубцы... да даже свежие порезы — уже давно их никто не видит, не замечает, никто и не знает... Всё давно поглотили такие же, как и я, скандальные, но преданные, понимающие, поддерживающие легенду здравомыслящей девочки (девушки, человека), татуировки.

Смерть. Не боюсь я давно уже ее. Не боюсь... только лень всё прерывать, лень что-то менять, делать. А так — не боюсь, ибо давно меня ждет там мой единственный и верный, невольный, друг. Ждет тот, чей уже столько лет крест ношу на теле, под сердцем, добровольно набитый под левой грудью как первый, как истинный, как непоколебимый протест против Фирсова, против жизни и против судьбы в целом...

Печать того, что «новая» Леся сменила «старую», развязав войну.

Старую...

Не думала, подруга, что ты еще существуешь. Не думала, но слёзы текут... и сердце ноет, а значит ты еще жива, еще существует где-то внутри меня. Это Борина заслуга, да? Конечно, Борина... Это он тебя разбудил, еще тогда... Позвал к себе, приласкал, пригрел, вселил в нас мечту — а теперь... бросил.

Всё стало на свои места — всё, но не мы, не мы, подруга. И вновь ты избитая, растоптанная, растерзанная и брошенная. Сидишь, плачешь. Вот только слезами горю не поможешь. И ничего не изменить, не излечить и не замазать. Ты — ангел, а я — демон. И нет в нас человека. А потому — уже проще. Уже... проще.

Еще одну стопку перекинуть в себя. Очередная затяжка, пройтись к окну — взгляд в темень.

Буря утихает. Снежинки внутри меня мерно падают на дно, кроя холодом растрепанную душу.

Выдох.

Тишина. Вновь наступает тишина во мне, покой. Прострация.

Ушёл? Ушёл. Бросил? Бросил. Прогнал? Прогнал.

Всё что угодно — но еще жива. Жива. И я нужна Киселёву. Он нуждается во мне.

А потому не время лить слезы, давиться соплями и жалеть себя.

Я заварила кашу — и мне ее расхлебывать... чего бы мне это не стоило, и к каким бы жертвам сие не привело.

Я справлюсь и без тебя, Кузнецов, без твоей «благодати». Справлюсь. А ты вали... на**й. Раз я — пуста, то и ты теперь для меня — пустое место.

Глава 13. Война

Кто хочет (действовать), тот ищет возможности, кто не хочет — ищет причины.

Сократ

Через Петровича достать номер телефона Балашовой (то бишь Еремовой, всё привыкнуть никак не могу), а там уломать ее устроить в ближайшее время (дни, желательно, часы) встречу с ее муженьком, Григорием Викторовичем, по деловому вопросу.

Перезванивает Тамара:

— Гриша говорит, что он в офисе сейчас, и есть свободная минута. Можешь подскочить, если удобно. А так — вечером заходи к нам, на ужин. Чего-нибудь вкусенького приготовлю.

— Не надо! Спасибо, тетя Том. Мне и офиса вполне будет достаточно. Там всего-то пару вопросов — и один ответ. Да — да, нет — нет. Никто никого принуждать или упрашивать не будет.

— Что случилось? — растерянное, взволнованное. — Я могу чем-то помочь?

Пристыжено смеюсь:

— Нет, благодарю. Всем, чем могли, уже помогли — а там дело уже... за вашим мужем. А не поможет — то тоже в обиде не буду. Всё понимаю... поди, не первый день живу.

(и не первый отвернулся — хотела, было, добавить, но сдержалась)

— Но с тобой всё в порядке?

Еще больше рдею от смущения:

— Да всё зае**сь, тетя Том! Все в порядке... Не у меня залет, но я... к тому причастна. Другу хочу помочь. Вляпался... Не переживайте, всё пучком. Я сама за всех всё попереживаю, — идиотическая шутка, идиотически и ржу. — Ладно, буду прощаться, а то еще нужно успеть вовремя доехать, пока не свалил никуда. Понимаю же — весь в делах, занятой человек.

— Ну, да, конечно. Беги. Звони, как будет время, желание... или нужда. Всегда тебе рада.

— Спасибо огромное. Непременно! Спасибо за всё... До свидания.

— Чай? Кофе?

— Нет, спасибо. Давайте сразу к делу...

— Ну, к делу, так к делу...

...

— Пойми меня правильно, Лесь... Это уже давно не мой огород, а — Кузнецова. И я в него не лезу. Решил Борян за твоего Киселя не вступаться — значит тому есть причины... И так тому и быть.

Обмерла, я, переваривая услышанное...

Долгие, нудящие, полные сомнений минуты тишины, моего молчания, и наконец-то осмеливаюсь на дерзкое предположение:

— А если... тому причиной — я?

— В смысле? — нервически заржал; нахмурился. Вдруг закачал головой, машинально поправил бумаги на столе, взгляд около: — Пойми... Лесь, он не такой человек, — пристальный, с вызовом, пронзающий взор мне в глаза, выдерживаю напор. — Да, деспотичен местами, черств, властен... Но и принципиален вместе с тем. Очень принципиален. Я его еще малолеткой помню... С*ка, зверь, а не человек: за своих всегда рвал и метал. Да даже меня... с того света вытащил: не забздел, пошел против всех. А бабу, — вдруг рассмеялся. Вновь качает отрицательно головой, — нет. Он никогда крысить или чужую бабу отбивать не станет, особенно у друзей. И особенно — в такой мерзкий, подлый, низкий способ. Я бы еще поверил в драку... в дуэль, с*ка, в конце концов, — ржет пристыжено. — Но не так... Что-то там другое... А вот что — х** его знает.

— А если... не отбить? А уничтожить. Обоих. И что... если я его до этого довела? — виновато прячу очи. Страшно даже дышать, дрожу от признания, стыда и откровенного покаяния, словно перед судьей у плахи.

Нервически цыкнул вдруг. Шумный вздох:

— Ну... — взгляд около, — если ты так сильно в этом уверена. Максимум — помутнение, дурман. И то, я в это не верю. Баба?.. — от удивления дрогнул голос. И снова звонкий вздох. — Но если да, то всё это скоро пройдет. Само пройдет... — немая, тягучая, жуткая пауза. — Или ему надо помочь.... - внезапно, словно гром среди ясного неба, — коль делу не терпится, — вдруг Еремова тон сменился. Отчего тотчас уставила я на него свои глаза. Коварно прищурился: — Но не я это должен сделать. Если... реально дело в тебе, как ты тут утверждаешь, кровь из носа, то тебе его и душить. Только аккуратно: перегнешь палку — и пи**ец всему. И никто тебя уже не спасет: ни ты, ни Макс, ни я, ни даже сам Боря... если захочет. Кузнецов — это вулкан, и будить его, ой, как опасно. А раз уже начался внутри накал, бурление — то рванет за**ись как. Смотри сама... кто, что тебе дороже: этот твой Киселёв... или твоя шкура. Короче... думай, решай... ОЧЕНЬ хорошо думай. Оч-чень. И дай Бог тебе мудрости... нащупать правильно грань, а ему — сил сдержаться.

Ну, что ж... Душить, так душить. Причем обоих гадов: и Кузнецова, и Фирсова заодно.

...

— Выпусти его хотя бы до суда...

— Зачем? — ржет Фирсов, наконец-то отрывает взгляд от своих бумаг и устремляет очи на меня. Кривится, как всегда, в своей е**чей ухмылке: — Чтоб сбежал?

— Этот трус? — вполне искренне. Подступаю ближе. Руками упереться в столешницу: лицом к лицу, отчего вынужденно отодвигается, откидывается на спинку кресла. Барский, выжидающий взгляд. Веду дальше: — Он же и так сознался во всем: явка с повинной, помогал в раскрытии преступления. Готовый зек, — язвлю, — что тебе еще надо? Будь человеком... хоть последние дни дай догулять — неизвестно, что там его ждет дальше, когда закроют.

— Перед смертью — не надышишься, — саркастически сплюнул мне в глаза и еще сильнее заухмылялся, наслаждаясь своим полным превосходством и моей позорной, подобной скулению загнанного в угол щенка, капитуляцией. — И потом, если не он накосячит, то это может сделать Кузнецов, — дерзко цыкнул зубом. Закачал головой: — Нет, не отпущу...

Еще ближе к нему подаюсь, с напором:

— Кузнецов твой... от него отказался.

Удивленно вздрогнули брови:

— Мой? Он уже мой? Я думал, твой... — ехидно скалится.

Ведусь на брошенное:

— Больше... не мой, — резво (позорно) отстраняюсь, выровнялась. Взгляд сверху вниз.

Не выдерживает. Мигом вскакивает. Шаги по кабинету. Замер около меня. Пристальный, изучающий взор в очи. Тягучая, жуткая, режущая тишина, молчаливые его рассуждения, игра чувств, эмоций, мыслей на его лице... и наконец-то губы дрогнули, послышались слова:

— Только если пообещаешь, — на мгновение закусил губу, словно желая себя остановить, да тщетно: — Никаких свиданок: ни с одним, ни с другим, ни с третьим...

— А третий — это кто? — отчасти иронически, с опаской, тихо.

— Еремов, — гаркнул. Шумный вздох: — Я выпущу твоего Киселева, до суда, под подписку. И, возможно, даже... дело пересмотрю. Только... уймись, и возмись за ум.

— И ты его не посадишь? — ошарашенная, но еще изо всех сил пытаюсь скрыть удивление и радость.

— Сажаю не я, а суд.

— Ну да... — язвлю, раздраженно скривившись. Взгляд около...

— Да! — жестко, черство. — А чуток отдохнуть ему — не помешает. Поди, ума наберется.

«Еще один...»

— Идет, — шумный вздох и киваю одобрительно.

Но, с*ка, я больше тебе не верю. И пусть отпустил Киселева, отпустил под вечер из-под стражи, но я тебе больше не верю. А потому и лечу темными дворами и косыми дорожками сейчас к нему домой.

— Опа! Какие люди! — радостно вскрикнул Артем, увидев меня на пороге. Видно, только после душа, голову полотенцем вытирает. Счастливый, улыбается: — Проходи, — отступает пару шагов назад. — Не знаю, как у тебя это получилось... Но Фирсов пасонул... немного, но все же... Че, чай, кофе?

— Водка есть? — метаю уверенный взгляд.

Обмер в растерянности:

— К-коньяк.

— Сойдет, тащи...

...

Еще даже бутыль не выглушили, а этот гад принялся ныть о жизни тяжелой... об обреченности его положения, и о том, что я его не дождусь, что всему конец, и что будь

проклят тот день вместе с той с*кой, за которую заступились.

— Артем, — ржу уже истерически, не выдерживая этого бреда и негативизма, — знала бы, не дала тебе пить.

— Да ты мне и так ниче не даешь... — хохочет идиотически. — А тут бы еще... и последнюю стопку отобрала...

Шумно вздохнуть и потянуться, растянуться на полу. Взгляд вбок, на сидящего рядом со мной Киселева. Оперся спиной на кровать. Взор устремил бесцельно в стену... и сосет дальше потихоньку ядреного из горла.

Еще один вдох глубокий и решаю:

— Презики есть?

— Че? — нервно дернулся, метнул взгляд в мою сторону. Нахмурился, не веря своим ушам, разуму.

Лукаво ухмыляясь, потешаясь над его честностью, добротой... наивностью... все то, что столько времени держало меня рядом с ним. Ведь не просто игра. Человек-то он хороший... и если бы не мое больное сознание... может, чего когда и вышло доброе у нас.

Столько терпел, столько ждал, ни разу не пытался взять силой, или надавить морально.

А потому вздох и решаю повторить, только уже громче и четче:

— Презик, говорю, есть?

Даже рот от удивления у него приоткрылся. Испуганный, мечущийся взор — и вдруг словно очнулся, встрепенулся.

— А, да, — сглотнул скопившуюся слюну. Дернулся к тумбе, взвизгнул выдвижной ящик.

Секунды — и уже враз повис надо мной. Глаза в глаза — все еще не верит своему счастью.

— Уверенна?

— Ты сейчас доп***ишься, — ржу нахально.

Резво прилипает поцелуем к губам, но не отвечаю, а потому шальной дорожкой тотчас покатился к мочке уха, по шее... вниз...

Стащить с меня платье, снять лиф. Обомлел... наслаждаясь долгожданной, вожделенной картиной.

— Долго пялиться будешь?

В момент реагирует, пристыженный. Враз впивается в одну грудь губами, бережно вбирая в себя сосок вместе с сережкой, а вторую накрыл, утопил в ладони и сжал до сладкой боли — невольно застонала я, сдаваясь физиологии и алкоголю.

Тут же уже руками добрался до трусов и стал жадно сдирать их вниз — поддаюсь напору...

Еще движения, еще усердия — и ощутила его всего в себе... невольно вскрикнула... от наслаждения и легкой боли.

Движения, напор, страсть... по венам...

Да только удовольствие — странное, непонятное. Если тело и замирало от каждого толчка, рывка, если сдержанные стоны и вырвались наружу из меня, то в груди словно кто кислотой все обдавал, заставляя неистово жечь, ныть сердце, а на глазах — проступать слезы.

Даже двигаться особо не пришлось. Мой герой сполна довольствовался осознанием того, что наконец-то крепость пала — и он теперь целиком владел ей.

Мерзко на душе, гадко, гнусно... Перед глазами — один лишь Боря, да только ни алкогольный дурман, ни физическая услада не могли перекрычать разум, или хотя бы убедить, насадить больные фантазии. Ничего. Тщетно. И с каждым поцелуем, лаской Киселева все больше ненависти к самой себе разгоралось внутри меня, доводя уже едва... не до рыданий.

Но еще миг, еще движение — и вдруг победно замер Артем, упиваясь удовольствием.

Секунды (какого-никакого) приличия, учтивости — и силой сталкиваю его с себя.

Резво отворачиваюсь, набок — замираю, позорно пряча бегучие по щекам соленые потоки.

— Ты чего? — испуганно. Несмелое касание плеча. — Я что-то сделал не так?

Слегка прокашляться, сыграть равнодушие, но вышло грубо, неблагодарно:

— Нет. Все хорошо. Я спать.

— Давай хоть на кровать отнесу.

— Мне и тут хорошо, — откровенно гаркаю... отчего больше не решается на слова.

Разлегся рядом. Шумный вздох...

Глава 14. Наступление

Глава 14. Наступление

Всё-таки умудрился перетащить ночью на кровать. Скотина.

Я — скотина.

Встать, пройтись по комнате, собрать свои шмотки, украдкой взгляд на голого Киселя в постели — да рвануть наконец-то в душ.

...

— Артем! — пинаю кровать.

Еще удар ногой, еще — и задергался:

— А, че, где? — испуганный взгляд по сторонам, затем на меня. — Че случилось?

— Вставай, говорю. Дела зовут...

— Какие еще дела? — нахмурился в непонимании; вдруг замотал головой, прогоняя остатки дурмана.

Глаза в глаза. Рычу:

— Хочешь обратно за решетку? Тогда спи дальше. А нет, то одевайся и пошли! И меньше глупых вопросов!

— Короче, — замерли рядом с банкоматом. — У нас, максимум, пару дней, прежде чем Фирсову стуканут, что я опять с тобой вожусь. И за это время мы должны всё порешать. Снимай бабло и звони, кому угодно из своих знакомых. Ну, кроме Кузнецова братвы. Кинул он тебя... — тихо, неуверенно, с опаской шепчу. — В общем, любой ценой надо всё это провернуть... Можешь, конечно, свой вариант предложить. Но я не вижу другого выхода... как еще Макса образумить.

Осмеливаюсь взглянуть в лицо: замер, пристально изучая меня, но затем вдруг резво в сторону взор, да заплясал бесцельно оным около. Шумный вздох:

— Хорошо.

— Справка... вам нужна справка о ее беременности?

— Да. Именно так, — вмешиваюсь уже я, не выдержав, в разговор Киселя с врачом.

Хмыкнула та, задумавшись.

— Говорите цену... — рублю дальше, не стыдясь. — Она нам нужна сейчас же.

Более того, свезло даже в ЗАГСе. У Артема оказалась там какая-то знакомая, а потому всё быстро оформили, и даже дату и время назначили приемлемую, удобную для нас: завтра, на десять утра.

— Довольна? — бросает мне Киселев, а сам аж давится от счастья. Улыбка до ушей.

Ухмыляюсь, коварно щурюсь на него.

Шаги по ступенькам, через сквер в сторону автобусной остановки.

— Довольна, — наконец-то отвечаю. — Теперь главное зашкериться до утра: чтоб не нашли и планы не сорвали. Надеюсь, никто раньше времени не сдаст. И эта твоя — солдатиком будет держаться. Женимся — и пусть х** все сосут. Там уж точно меня услышат.

— Че? Платье выбирать будешь, или как? — уставился на меня мой женишок.

Ржу с его довольной скотской рожи.

— Да пойдем первое попавшееся купим — и х*р с ним. А у тебя костюм и так есть.

— Есть, — хохочет. — И не один.

— Да, завидный ты женишок... — не таясь, стебусь. — Завидный. Только с невестой прогадал.

— Какая уж есть, — пристыжено улыбается, а в глазах так и плещет искренность.

С*ка, аж противно враз стало. Мигом отворачиваюсь, дабы целиком не внять, не осознать то, что внутри него творится.

Плевать. На все плевать: сейчас главное — план, и четко его придерживаться.

— А ты точно не беременна? — вдруг обнял, прижал к себе и поцеловал в висок. Нервно дернулась я, отталкиваю его от себя.

Не могу понять, то ли шутит, то ли реально дурак. В момент устремляю взгляд ему в очи:

— С х** мне быть беременной? — ошарашенная.

— Ну, — пожимает плечами и загадочно улыбается. — Мало ли...

Тягучие мгновения тишины, и решаюсь ответить (невольно грубо, черство, с недовольством):

— Я давно уже ни с кем не тр**лась, если ты об этом. Ты первый за долгое время. А остальные вопросы — к презику, что сейчас у тебя в квартире в мусорном ведре. Кстати, — скривилась, желая быстрее сменить тему (шаги и дальше вдоль проезжей части — поддается, спешит за мной), — ты вообще мерзкий тип! Х*ра ты его бросил на тумбе? Еще бы в чашку положил! Лень было до мусорки донести? Или жена за тобой будет все убирать? — язвительно ухмыляюсь, желая и вовсе перекрыть настроение.

Улыбается:

— Просто... тогда было не до этого.

— А меня с пола на кровать... было когда таскать? — ржу.

— Сравнила! — взвизгнул невольно, взмахнув руками.

...

— А, вообще, — вдруг выстреливает в меня жуткой фразой, едва мы расселись в автобусе друг напротив друга. — Я бы только рад был, если бы ты залетела.

— Че? — ошарашено выпучила я на него глаза. — Совсем больной?

— Зато сразу семья... полноценная.

— Да иди ты на ***, Артемка! — злобно, но сдержано. — Тебе такое сейчас светит, а ты мне про семью задвигаешь?

Внезапно приблизился, шепотом, так чтоб только я слышала — отвечаю тем же:

— Ну... вы бы дождались, или нет? — взгляд в глаза, а там так и искрится наивность и странная вера, мечта. Жутко тотчас стало на душе. Словно кто в черта святой водой брызнул.

Мигот отодвигаюсь обратно, отворачиваюсь к окну (облокотилась на выступ стенки; нервически принялась грызть ноготь).

С*ка, и что бы тебе такое ответить, чтоб не обидеть. А главное... чтоб не побежал сейчас брыкаться и буйнить, разыгрывая страдальца.

Хы. Дождались бы?.. Вот гад.

Сплюнуть откушенный кусок, и вновь взор на своего «мечтателя»:

— А малого тебе совсем не жалко? Ладно, меня... Но его. Если тебе пятнашку впаяют — выйдешь, когда у него уже бабы появятся? Да? Или че?

Виновато, пристыжено опускает взгляд:

— А может, девочка получилась бы...

— Х**вочка! Что это меняет? Артем, не о том ты сейчас думаешь! Давай дождем этих тварей, а потом всё обговорим. Идет?

Глаза в глаза.

Долгая, жуткая пауза рассуждений — и сдается, обреченно кивает, обижено повесив голову.

Ну, и дурак... семью он захотел. Да еще с кем? С такой е**нутой, как я? Ну, точно... у мужика (а он уже, черт побери, уже реально мужик, а не пацан) ничего в голове, кроме зазубренных знаний, толкового нет: то как вша по разным шворкам скачет, то на дворнягу кидается. Нет бы... породистую, добрую, покладистую, верную, да так, чтобы и борщи варила, и детей растила... и из тюрьмы, коль что, ждала... а не по ночам о другом выла.

— Че, сегодня повторим? — лезет уже своими лапами ко мне, хватая за грудь, едва мы вновь оказались наедине, на какой-то съемной хате его знакомого.

В момент отдергиваю руки нахала в сторону и слегка пинаю ногами его от себя, сдерживая напор, попытку завалиться на меня сверху. Нагло ржу:

— Окстись, Киселюшка. И, вообще, вали нах*ен на диван — жених до свадьбы невесту не должен видеть! Примета плохая!

Надув губы, бурча что-то непонятное, недовольное, хотя во многом наигранно, побрел покорно в зал.

А я — перевернулась на бок и сильнее, по самый нос натянула одеяло и отчаянно зажмурила веки...

Боря. Вновь в моей голове пеленой... один только Боря.

И страшно было вляпаться в грандиозный скандал, и за собой потащить хороших людей, но зато больше шансов, что, если заранее все пронюхает Фирсов, то не захочет устраивать публичные разборки.

А потому соглашаюсь на предложение Киселя позвать его родственников: маму, сестру,

ее мужа и племянницу, да еще несколько его друзей для количества. С моей же стороны — никого: в том числе... и мать не звала. Мы с ней редко общаемся: она всегда поддерживает Макса, а не меня, причем в любом деле. А потому и стуканет, если че, сразу...

— Звони Кузнецову.

— На**я? — оторопел Артем, жадно выпучив на меня очи.

Шумно вздыхаю, словно сейчас сама перерублю цепь гильотины, что давно уже над моей шеей вист. Тягучая пауза — и решаюсь:

— Сейчас уже и нас позовут. Время подходит. А ему еще надо успеть приехать. Пора объявлять войну... и начинать наступление. Звони через секретаршу, зови в шаферы. И от меня привет передавай...

Глава 15. Залпы

Глава 15. Залпы

— Подождите, свидетельницей будет Арина, — машет взволнованная мать Киселева на свою дочку. — А свидетель кто?

— Шафер опаздывает, — любезно отвечаю я. — Не переживайте. Он непременно будет.

...

— Приглашаются на регистрацию брака Киселев Артем Викторович и Фирсова Олеся Дмитриевна...

Но едва я попыталась переступить через порог, как вдруг за руку враз отдернул меня Артем. Оборачиваюсь в испуге:

— Что? — взор в лицо.

Не сразу, прожевывая страх, но все же осмеливается произнести то, что гложет:

— Ты ведь меня не кинешь? Не там, по крайней мере, — кивает в сторону регистраторши. — Не в самый последний момент... — жуткая, жгучая пауза перестрелки взглядов. — Решай сейчас...

Нервически сглотнула слюну. Сжать в кулак волю. Твердо, как перед Богом:

— Слово даю. Не дрейфь.

...

Никогда не думала, что буду радоваться долгим, запойным речам оратора. А уж тем более свадебного регистратора... на собственной свадьбе.

Ведь часики тикали — а Кузнецова до сих пор не было.

Так и стояли, как идиоты: с моей стороны Арина, с почетной повязкой «свидетельницы», а со стороны Жениха — тишь да гладь. Пустота язвительная.

Тихий, сдавленный, но глубокий вдох.

Но ничего... не так, конечно, как задумывалось, но все же бомбанет по нем новость. Однозначно бомбанет. Если не врал, если не играл с чувствами и в чувства — непременно бомбанет.

И он меня услышит.

И вдруг несмело скрипнула дверь. Легкий шумок (не решаемся обернуться с Киселем, ибо нутром чуем и так ответ — лишь друг на друга метнули взгляды). Томные, жуткие мгновения выжидания — и поравнялся рядом с Женихом наш Шафер. Поправил лацканы пиджака на груди, бабочку, слегка прокашлялся.

— Простите, — шепнул регистраторше из-за того, что невольно сбил оную с толку.

Скривилась недовольно женщина, но секунды — и совладала с собой: продолжила свою невероятную, впечатляющую, завораживающую «элегию» далее.

Спустя мгновения вновь набрался смелости наш «свидетель». Чуть наклонился к

Киселеву:

— Прости, что опоздал, — шумный выдох. Видно, что запыхался, пока бежал, ибо все еще никак не мог прийти в себя. — Просто... всё так неожиданно...

— Почему? — нагло вклиниваюсь, вмешиваюсь я, хотя также тихо, чтоб никто лишний не уловил. — Еще же на его День рождения объявили, что скоро свадьба...

Оцепенел, побагровел гад, глаза выпучились. Нет сил даже моргнуть. А я лишь победно вздернула подбородком вверх, наслаждаясь удачным залпом.

Шах и мат, с*ка. Шах и мат.

И вновь слушать речь, вот только кожей уже ощущать тепло родное, хоть и вдалеке от себя. Аромат, манящий, всепоглощающий, душащий... что ловкой змеей пробивался ко мне даже сквозь дюжий парфюм по соседству стоящего жениха. Временами взгляды... косым зрением. И слова, что говорит неугомонный работник ЗАГСа, пожелания... все летят в душу вот только складываются в крохотные мелкие пазлы мечты относительно него... моей заветной, запретной любви.

— Готов, готова ли...

— Да.

— Да.

Жуткие залпы, словно гром, разрывая потускневшие, кровавые облака.

...

— А теперь подпись Жениха, вот здесь. Прошу...

Шаг вперед, отчего мы с Кузнецовым невольно оказываемся рядом: плечом к плечу.

Безумное чувство, до дрожи, до судорог, до окаменения мышц во всем теле. Визжать уже хотелось от переизбытка чувств. Что угодно бы в жизни отдала, лишь бы поменялись они с Киселем сейчас местами. Но... увы, история не та. И я слишком невезучая, чтоб такое мне было суждено.

А потому еще движение, еще штрих и жених ставит точку. Шаг назад, уступая мне место.

— Невеста...

Доли секунды для сомнений — и подаюсь вперед.

Честно, я бы даже хотела, чтоб он пристрелил меня сейчас, на этом же на месте, или избил жениха, разогнал всех гостей, разорвал все бумаги и украл меня... в конце-то концов, но лишь бы помешал этому сумасбродству, этой войне, этой ошибке. Хоть что-то внятное, резкое, настоящее, по истине доказывая... что вопреки всему любит меня, что нужна ему, что готов идти за мной до конца. Даже если это — мой собственный конец, конец моей жизни.

Но нет. Взять в руки ручку, косой, прощальный взгляд в лицо своему супостату — а он смотрит и даже не моргает. Не дышит — но молчит. Бездействует. Смиренно выжидает мой выбор.

Но я дала слово — и я не подведу...

Взор на Киселя — взволнованного, рдеющего, готового... казалось, уже взорваться от переизбытка чувств.

И вновь уставиться в бумажку.

Вот и всё. Конец истории. Конец мечте. Прощай, Боренька.

Отныне — я больше не твоя.

Резвый взмах пера... и, словно кровью... на договоре с Дьяволом, я завизировала свою смерть.

Подписи свидетелей. Не дрогнула и у Него рука, верша, подтверждая нашу общую жуть. Взор мне в очи.

Едкое, словно скрежет металла:

— Надеюсь, ты довольна, — гаркнул на меня, едва вновь стал плечом к плечу с женихом.

— Еще как, — лживо смеюсь, а сама... будто лезвие глотаю.

— А теперь можете обменяться кольцами, — живо протягивает Арина нам блюдце с подушечкой и золотыми клятвами на ней.

Выставляю руку Киселеву, а сама не в силах сдержаться — и устремляю взгляд на Бориса.

Долго, жутко сверлит меня взглядом Он, не моргая, а затем вдруг дрогнули его губы. Но тихо, отчего только по устам прочитать было можно:

— Я тебя убью.

Коварно, победно ухмыляюсь.

— Жду, — отвечаю тем же.

А вот и моя очередь — смело ухватить кольцо... и довольная, счастливая... любим исходом (просто ненависть, или, реально, смерть: а так или иначе... скоро бомбанет — и ничего прежнего не останется;

даже этого... чертового цирка)

...надеть золотое ярмо на палец своему мужу.

— Можете поцеловать невесту.

Со всей страстью, со всей ненавистью к Кузнецову, со всей любовью, что когда-то жила... да и живет, теплится еще во мне к нему — целую своего Киселева, ничего уже не стыдясь.

Счастливые вскрики, поздравления, плач.

И едва оторвалась от губ мужа, как тут же вновь взгляд на своего Тирана.

— Ты сам меня ему отдал, — решаюсь на слова под шум переполоха. — Так что после того, как убьешь меня, не забудь прикончить и себя.

— Лесь! — вдруг дернулся ко мне Артем. Не сразу осознала — подхватил на руки. Шаги на выход.

Не оборачиваюсь уже. Мигом обхватила Киселева за шею и ласково, «любя» поцеловала в губы.

Глава 16. Чистилище

И если почти все были за традиционный ресторан, то я категорически заявила, приказала Киселеву:

— Баня. И только баня.

Если где и смогу дожать Кузнецова, вызвать на откровенный разговор — то только там. Ибо, хоть ставка шла на Фирсова... чуйка, вера же у меня внутри... теплилась лишь относительно Бори.

В общем, пока я боялась... что Кузнецов сорвется с крючка и сбежит, так и не доехав с нами до заветного места, он вовсе меня переиграл. Когда прикатили — нас уже на входе ожидала целая толпа... гостей и «поклонников». И вместо маленького банкета, наш «Шафер» нам закатил целую гулянку. Кого только здесь не оказалось: и Еремов, и тетя Тома, и даже начальник Фирсова, да прочие... «влиятельные» люди. Был среди гостей и еще кто-то. Кто пусть и не носил погоны, и не занимал высокие посты, однако значил для меня намного больше, чем все они вместе взятые.

Сиськастая. Этот с*кин сын приволок и ее сюда. Так что горечь если и была у нашего свидетеля на душе, то тут же топилась в сладострастии огромных «сисек». И пока невеста с женихом тонули в засосах под крики «горько», «некоторые» тоже не унывали, не сдерживались в тяге — умело вторили нам. Вторили? По-моему, это нам впору было им аплодировать, а не наоборот. Да и поучиться есть чему — возможно, мастерству лгать, а возможно — гадить в душу. Кузнецов уже не стыдился буквально лапать на людях свою красавицу, то и дело, что шепча ей нежные, пошлые словечки, отчего та вечно смущенно хихикала и заливалась краской. С*ка.

А вот и очередной тост уже в хлам пьяного Шафера:

— Ну, что ж... Выпьем же опять за наших дорогих Лесю и Артема! Желаю вам всего самого хорошего, опять-таки, любви до гроба, честности и взаимопонимания в семье, доверия и верности... Здоровья... чтоб оно не подкачало, когда понадобится... Ну и... конечно, — очередное шатание флигеля, который, казалось, едва ли уже мог толково держать рюмку в руках, — детишек побольше, да поумнее... Не забывайте нас... Приглашайте еще на ваши праздники. Нам всем будет... оч-чень приятно вас еще не раз увидеть. Порадоваться за столь «удивительный, достойный», да, где каждый достойный друг друга, союз. ГОРЬКО!

Залпом — и вмиг ухватил силой свою белобрысую выдру, подняв с места. Не дожидаясь уже нас — тотчас впился силой, грубостью ей в губы, буквально, желая сожрать ее.

Живо отворачиваюсь я, давась злостью. Тотчас хватает в объятия и меня Киселев — притягивает к себе. Жаркий поцелуй с языком... отчего в жилах — враз очередной взрыв дурмана алкоголя, сплетенного с болью и ненавистью... ко всему живому, и в первую очередь — к самой себе, разрывая, распекая, накаляя меня... до бела.

— Так, а плясать когда будем? — возмущенно вдруг рявкнул Кузнецов, отчего вынужденно оторвались мы друг от друга (с женихом).

— Борь, тебе только плясать осталось, — взволнованно прошептала Тамара.

— А че? — искренне удивился и поморщился.

Мигом, молча, срываюсь из-за стола я. Схватила пачку сигарет, зажигалку — и на выход.

Не так курить, как просто убраться от этого безумия.

Не так я всё это представляла. Да и вообще, смутно всё представляла. Но Сиськастася вовсе все карты путает. Как наедине остаться, как вновь разговор завести про Киселя, как «сторговаться»?

С*ка... уже на всё идешь, чтоб спасти его шкуру. На всё — а судьба только рачительнее задницей поворачивается.

Скрипнула дверь.

Вот, б***ь. Лишь бы не Боря — сейчас я точно не готова к разговору. Даже если сама только что подобное хотела, не сейчас.

Но внезапно подошел кто-то и обнял меня со спины за плечи. Губы к уху... Дюжий аромат алкоголя, сигарет вмиг волной ударили в меня, только запах... настолько был пропитанный чем-то важным, чем-то сердцу дорогим, что только и пошла голова кругом от счастья.

— Леська! Леська моя! Ле-сень-ка! — вдруг заговорил Кузнецов. Резво отстранился, ухватил за руку и силой обернул меня к себе лицом. — У-ух, змеюка! — напор и повалил на стену. Стою, сверлю его взглядом, а чувств не выказываю: ни страха, ни жажды. Глаза только удивленно пучу. Вмиг обвился руками вокруг шеи. Приблизился губами своими к моим. Жарким, ядовитым шепотом: — Всё смалишь, паскуда!

— Смалю, — с вызовом, гордый взгляд.

— Ребенка пожалела бы хоть! — отчаянно зажмурился и закачал головой. — Что за с*ка ты тупоголовая?!

А руки все сильнее и сильнее сжимаются на моей шее. Но терплю, ведусь, играю:

— А я бросаю... не сразу, но бросаю.

— С*ка ты! — уже до боли сжимает, невольная легкая дрожь... от странных ощущений. Его власть глушила всякое чувство самосохранения и рождала странные жалаания. — Удушить тебя надо! Удушить! А лучше... — вдруг дрогнул, оторвался одной рукой, а второй сильнее надавил, заставляя меня задрать голову выше. Мигом впился пальцем в лоб. — Пулю тебе пустить. Прямо сюда. Быстро — и бесповоротно. Безболезненно...

— Для кого?

— Для меня.

— Я так и поняла...

— С*ка! С*ка ты! — горько, отчаянно, сдержанно, словно больная молитва. — Как ты могла? Столько вранья... Столько игры, чуши... Убью. Убью обоих... не будет вам жизни! УБЬЮ! — рычит мне на ухо, едва уже не впиваясь поцелуем. Чувствую его нервное, сбитое дыхание.

— Поздно, Кузнецов, — шепчу в ответ, будто больной заговор. — Поздно. Прос*ал ты меня... А ведь я была... твоею.

Силой выдираюсь, пинаю его от себя — не сопротивляется на удивление. Иду, спешу к двери (на ходу выбрасывая бычок на асфальт). В последний момент метаю на него, растерянного, взгляд:

— А хочешь меня убить — убей. Но поторопись, а то у нас с Киселем еще впереди первая брачная...

Рывок — попытался догнать, но я, будучи трезвее его, оказалась проворнее.

Еще миг — и среди гостей нахожу спасение.

Прорваться сквозь толпу опять за стол.

Но девок почти нет.

— А где народ? — киваю Томе.

— В парилку пошли.

То, что надо.

А то смотрю на Киселя — как представляю, что сейчас после Бори и он ползет свои дифирамбы травить, слюни пускать — аж мерзко сразу.

Молнией к двери — и нырнуть в душевую, а затем и в саму парилку.

Замечаю... среди больше десятка малознакомых и незнакомых лиц — ее, Сиськастая.

Присаживаюсь неподалеку.

Взор не устремляю, но кошусь.

Улыбка невольно проступает на мои уста.

С*ка... значит, я — с*ка? А ты, Борь, лучше? Довел меня уже до того, что я готова на эту выдру броситься с кулаками и размотать ее прямо здесь, в бане... на собственной свадьбе... из-за тебя, а не из-за жениха, мужа...

— А вы давно с Артемом до этого встречались? — не сразу поняла, осознала, кто и кому говорит. Нервно дернулась я в сторону своего врага, обернулась.

— Говорю, давно встречаетесь с Киселевым? — любезно повторила Сиськастая.

Сижу, моргаю и не могу понять — меня что... белочка уже торкнула? Или что?

Но еще миг — и другие тоже заметали взгляды то на меня, то на нее.

— Да, Лесь, сколько? — послышалось где-то с боку.

— А-а... — больше года, — нахмурилась я, пытаюсь вспомнить, посчитать.

— А где познакомились?

Бегло отвечаю другой:

— В клубе...

И все еще сверлю взглядом Белобрысую, не могу понять, к чему она начала. Вернее, она что-то еще говорит, но за галдежом девок ее хрен разберешь.

Морщусь, пытаюсь прислушаться, внять:

— А? — кидаю ей вновь.

— Говорю, молодцы, что сразу сообразили! Не тянули кота за хвост!

Решаюсь взаимностью бомбануть:

— А вы с Борей?

Удивленно вздернула та бровями, но таким же радушным, искренним, даже добрым голосом, как и доселе, выдает ответ:

— Да больше пяти лет... и всё никак.

Обмерла я, невольно приоткрыв рот. Шок прошиб током с ног до головы.

Но миг — и совладала с собой. Отодвинулась обратно.

Даже сердце на мгновение забыло свой ход.

Вот, с*ка... и ничего же не сказал, ублюдок.

Враз срываюсь с места и, не таясь, тут же лечу на выход. Живо завернуться в полотенце. В зал. Тотчас приближаюсь, игнорируя бушующую толпу (что поглощена в самый раз весельем и конкурсом каким-то, который замутил тамада), прорываюсь к Борису. Громко, яростно, дабы расслышал сквозь музыку, на ухо:

— Пять лет, б***ь! С*ка, ты пять лет с ней мутишь! А мне даже слова про это не сказал!

Обмер, выгнув брови. Секунды, дабы осознать кто, что и с кем, оборачивается резко. Глаза в глаза, гневно (до неприличия близко):

— А ты х** с пальцем не сравнивай!

— И кто из нас с ней — х**?

— Те че надо? — борзо, с наездом. — Иди вон, — резво кивает головой в куда-то сторону, — Киселю мозг е**, а не мне! Поди, теперь это — его пр-рерогатива! — язвительно сплевывает и вмиг стискивает зубы от злости.

— Мразь ты! — шиплю в ответ. — МРАЗЬ! И ей, и мне мозги пудрил!

— Кто бы говорил, а? Шлюха конченная! — горький смех, давясь дерзостью.

— Да иди ты на **й! — взбешенно гаркаю в лицо, ничего уже не страшась. Разворот мой — хотел, было, ухватить за руку, остановить, но вовремя увиливаю.

Живо в душевую — дабы остаться наедине, подальше от той мерзкой рожи.

(под холодный душ в самый раз)

С*кин сын!

Е**чий кобель!

А еще... жертву из себя, с*ка, корчит...

(благо, не последовал за мною...)

А тут уже и девки вылезли... целая толпень. Присесть на скамью — и ждать своей очереди.

Да че там... очередь? Я только и рада.

Посидеть, подумать.

И что теперь? Вот что делать? Ставка сгорела, остается... Фирсов? Разыграть для него влюбленную молодую жену... и давить изо всей дури на жалость? Или что? ИЛИ, С*КА ЧТО?

Занять под шум воды, завить от отчаяния, без слез...

Так облажаться, так попасть впросак.

С*ка, праведника из себя корчит... а у самого... поди, едва не жена есть. Г**дона кусок.

Самой... за такое поведение, за такое предательство задушить хочется. Не ее уже — его. Его, гада...

Еще немного — и наконец-то уже осталась одна.

Неспешно, несмело встать и пройти к одной из кабинок. Или я даже не знаю, как эту «площадку» открытую назвать...

С*ка, о чем только думаю?.. Швырнуть обратно на крючок лейку — и закрыть кран. Нет

сил и настроения ни на что.

Идти Киселя домой звать? Спать, трезветь, отходить от пьянки.... А завтра с утра, или когда там, думать... уже на свежую голову, что, куда и как дальше двигаться? Или что?

Вдруг скрипнула дверь. Испуганно обернулась я.

Заледенела, прозревшая.

Уверенные щелчки замка, и подходит ближе.

Нервически сглатываю слюну — отступаю пару шагов назад.

— Ну, — кивает на меня, а в глазах так и пляшут черти. — Повтори-ка мне... кто я? И куда мне идти?

Глава 17. Зачем топтать мою любовь?

Глава 17. Зачем топтать мою любовь?

Мне нужно избавиться, чтобы стать ближе
Чтоб не взрывалась моя голова
Мне нужно понять, что я ненавижу,
Я думал, что ненависть — просто слова.

Зачем топтать мою любовь
Её и так почти не стало
Я разбиваю руки в кровь
Я не сошел с ума — так надо...

Смысловые галлюцинации, «З. Т. М. Л.»

Вдруг скрипнула дверь. Испуганно обернулась я.

Заледенела, прозревшая.

Уверенные щелчки замка, и подходит ближе.

Нервически сглатываю слюну — отступаю пару шагов назад.

— Ну, — кивает на меня, а в глазах так и пляшут черти. — Повтори-ка мне... кто я? И куда мне идти? Или что... смелая в толпе? Втихую? Думаешь, пожалею?.. Прощу? Или что?.. Сколько можно душу из меня тянуть? Ну! Че молчишь? Язык проглотила? — еще шаги ближе, дергаюсь, вновь отступаю. — Страшно? Надо же... — внезапно залился странным, жутким смехом. — Страшно ей теперь... А как пи**еть, так первая... никого и ничего не стыдись! А тут раз — и сразу девочка-целочка, и обижать ее не надо. ТАК? — взбешенно рявкнул.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Невольно дрожу, но на лице все еще пытаюсь удерживать равнодушие.

— Че молчишь? ЧЕ ТЫ, Б***Ь, МОЛЧИШЬ?! ТЫ ЖЕ, С*КА, ТАМ КО МНЕ ЛЕЗЛА ударил в сердцах себя в грудь. — ПОГОВОРИТЬ ХОТЕЛА!.. ГОВОРИ, Б***Ь! СЛУШАЮ! гневно жестикулируя.

— Я уже всё выяснила... — тихо, с опаской, шепотом.

— ЧТО ТЫ ВЫЯСНИЛА?! — орет. Еще напор — стою, током пронзает с головы д пят... превращая в лед. Руки ходором ходят, выдавая меня сполна — жму кулаки, чтоб хоть как-то держать себя достойно, смело. — ЧТО ТЫ, Б***Ь, ТАМ ВЫЯСНИЛА?!

— Что ты мне... врал, — охрипло, несмело, боязно.

— Я ВРАЛ?! — глаза расширились. — ЭТО Я ТЕБЕ, ТВАРЬ, ВРАЛ?!! ДА ЭТО ТЫ е**лась с Киселем, и ко мне всё лезла! Из трусов выпрыгивала! Че, так сильно хотела, чтоб я тебя тр**нул?! Ну, так давай! Давай! — резвый напор, медведем пошел вдруг и тотчас ухватил за кисти.

— Отвали, ублюдок! — заорала на него неистово я, силясь вырваться, отбиться.

Но крутит-заламывает руки, движение вперед — отчего попятилась враз я и упала на скамью. Попытка вгрызться в него, но нет, проворно схватил одной рукой меня за запястья, а второй содрал долой полотенце, полностью оголяя меня перед собой. И вновь деспотия — силой, напором повалил на деревянный настил...

— Отпусти, с*ка! — бешено завизжала я. Но миг, движение вбок — и тотчас включает на всю мощь воду, дабы шумом заглушить мой крик.

— Нет, б***ь, ты хотела, ты получишь!

— Боря, не надо!

— О, да! Уже Боря! А только что поносила, как могла!

Силой раздвинул ноги, навалился сверху. Чувствую его уже всего.

— МРАЗЬ, УЙДИ ОТ МЕНЯ! — вырываю одну руку и живо впиваюсь ногтями, когтями в него, куда попаду: по шее, плечу, раздирая плоть. — НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ, УБЛЮДОК!!! — и снова хватка, и снова бой. Попытка его заткнуть мне рот ладонью — тотчас укус. Ору: — Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ! КОЗЛИНА Е**ЧАЯ! НЕНАВИЖУ!!!

И сама даже не поняла, как его руки враз оказались на моей шее — и сжал бешено... жадно стал, принялся основательно душить. Seriously, верно, стремительно. Верша чистое, уверенное, давно предреченное... правосудие.

Отчаянно скольжу, цепляюсь за его пальцы, пытаюсь содрать с себя удавку.

Тщетно.

Давит, стискивает все сильнее, отчего позывы уже просто невыносимы.

В глазах Его ярость, помутнение... ничего человеческого, казалось, там больше не осталось.

Гребу руками воздух... бесполезно, глупо... напрасно.

Темнеет... Заплясали предсмертные звезды. Сердце, будто камнем по утробе, грохало, отбивало свои последние, печальные, прощальные удары. Грубые, топорные, обреченные.

Хватка моя отчаянная — и с каждым мгновением все слабее и слабее.

Зажмурилась я, сокрушенная, дабы не видеть больше того, кто так... жестоко предал.

Кто поступил... как знала.

Конец.

Вот и конец... мой конец... Конец всем мучениям, слезам, страданиям...

ЖИЗНИ... конец.

И вдруг -

... отступает.

Машинальны мои ВДОХ-ВЫДОХ.

Фанатичные, неосознанные, позорные... предательские... глотки воздуха.

Кандалы пали.

Шорох — движение Его куда-то в сторону.

Не реагирую еще.

Жадно хватаюсь за горло, пытаюсь хоть как-то прийти в себя, сквозь сдавленность, ком, валун, что все еще разрывал меня изнутри, отдышаться, напиться, насытиться кислородом.

И лишь за тем — испуганный, ошарашенный... оробевший взгляд около, выискивая демона. Выискивая Смерть.

Стоит, сгорает, давится неистовством, рваные вдохи, охлаждая по жилам вскипевшую кровь. Глаза блестят, а руки — в кулаки сжаты.

— Ребенка... — вдруг находит силы на звук, режущие сознание слова, — пожалел. — И вновь шумный, тяжелый вздох: — Иначе бы... додушил.

Нервически сглотнула слюну.

Честно, правдиво, как на духу... взмолившимся смертником:

— Я не беременна.

Прогремело. Казалось, даже... земля содрогнулась в трепете.

Не сразу осознал. Не сразу внял, поверил. Но еще одна долгая, жуткая минута и произнес вслух, на что доселе не решался:

— Что? Что ты сказала? — поморщился, лицо распял дикий, взорвавшийся ужас.

— Не беременная я, — несмело, сдержанно, прокашлявшись.

Оцепенел, огорошенный.

Минуты — жуткие, давящие. Убийственные... Осмеливается, но все так же... с опаской, словно упрашивая:

— Что ты несешь?

— Что есть, — выровнялась на ногах. Полный храбрости взгляд в глаза: — Я... не беременна.

И снова тишина. И снова жуть, пробивая сознание прозрением, отрезвляя окончательно адреналином и потрясением. Охрипло:

— И зачем ты мне... сейчас всё это говоришь? — пронзенный до глубины души, никак все не может все свести концы с концами.

Нервически сглотнула слюну я:

— За**алась врать, — грубо, дерзко. Искренне. — Вот и говорю... как есть.

— Ты совсем, что ли... чокнутая? — поморщился, казалось, сгорая уже от ошеломления.

Вдруг шаг ближе, отчего тут же дернулась я в испуге. Пристальный, с вызовом взгляд мне в глаза: — Что ты несешь? В смысле... не беременна? — горько как-то, словно режа себя изнутри.

— В прямом, — выстрелом.

Оцепенел. Не моргает. Не дышит. Взгляд около. Но еще миг, и снова взор мне в очи:

— А он... — коротко кивнул в сторону двери. — Он знает?

— Конечно.

Еще большее изумление... Округлились очи. Казалось, его сознание вот-вот рванет... от обреченности и невозможности больше воспринимать, поражаться творящемуся, услышанному.

— И на**я... тогда?! — гаркнул, полностью, окончательно выпадая в осадок.

— Моя вина — я и расплачиваюсь.

Обомлел. Глаза застыли, словно мертвые. Лишь только мысли пытались проникнуть в душу, в поисках не менее беспредельных ответов.

— В смысле, твоя вина? — наконец-то осмеливается, спустя минуты. Нервически сглотнул слюну. Шаг ближе, испуганно дрогнула, но не отступила. Отчаянно глаза в глаза:

— В прямом. Если бы не я — Киселю не грозил бы сейчас срок.

— Ты сейчас, вообще, б***ь, о чем?! — вдруг взбешенно рявкнул Борис, на мгновение схватившись за голову. Опять ошарашенный, полный ужаса взгляд мне в очи. — Каким, б***ь, ты, с*ка, там боком? Я ни**я уже не понимаю! — измученный взор, выпрашивая уже наконец финиша сего жуткого сумасбродства.

Бью, как есть:

— Если бы... не моя истерика, просьбы, если бы сама не полезла в драку, заступаясь за ту с*ку... неблагодарную, и Кисель бы в это дело не полез. И пацан был бы жив...

Нахмурился. Секунды, дабы переварить, сообразить, разложить по полкам сказанное. Но не справляется. Враз гаркает, но уже сдержанно:

— Что там произошло?! Нормально расскажи! Че за с*ка? Конкретней!

И вновь странная дрожь по телу, вот только вместо животного страха... все стало заливаться тихой надеждой... и волнительным трепетом.

— Неужели... с Киселем ты вообще не разговаривал? — искренне удивляюсь его реакции.

— А как к нему подступиться было? Вы же слились Фирсову — он и обложил. Закрыв, причем в одиночке, и адвоката своего всучил.

Опускаю очи, ошарашенная. Молчу.

— Согласна... Глупо с Максом вышло. Мой косяк... — обмерла, подбирая слова. — Вообще, кто ж знал, что тот злое**чий вечер так... всю жизнь перевернет? Лучше бы тебя дождалась. Но нет — решила пойти домой. Одна, пешком. Этот увязался... все по пятам, да по пятам. Ну, я и согласилась, чтоб провел. Уже на Девятку даже вырулили. Оставалось-то немного. В одном из дворов я и заметила, как какой-то г**дон девку гниздил, месил нещадно... Жутко так, словно животное какое... с цепи сорвавшееся. Ну, я и давай давить на Киселя — мол, так и так... Вступишь, не будь тряпкой. Тот в отказ, говоря, что еще с головой дружит. Ну, а я-то? Что мне? Сама кинулась разнимать... Тот быстро и на меня переключился, ни в чем не стыдясь. Естественно, Киселев сразу вписался. Один удар — нокаут. Да упал гад неудачно. Черепухой об бордюры. Ну и... конец на том. А девка, с*ка та, — ноги в руки и рванула во дворы. Я еще пыталась ее нагнать — тщетно. А в это время мужик нас, продавец из магазина, запалил. Стопудово, ментам слил. И че ждать? Я и говорю, не ссы — Фирсову позвоню, порешает. Порешал... Думала, за года поумнел, исправился, одумался... Но нет. Куда там?.. На**й ему мои просьбы, когда у него Закон? Власть... Меня отмазал, а вот... от ненависти ко всем вам... начиная с Еремова и заканчивая всем треклятым «ОНГМ»... решил отыгаться. Пустить Артема в расход, тем более... думал, что я сплю с ним.

— А это не так? — внезапно отозвался Боря.

Метнула на него взгляд.

Смолчала.

Лишь нервно скривилась.

Отвела взор в сторону. Продолжила:

— Обидно, что мои даже показания не в счет. И теперь ему... пятнашка светит.

— Что? — прыснул от смеха. — Какая пятнашка? От не пи**ди! Там по неосторожности или самооборонке — условка или двояк максимум!

— Ага, — киваю головой. — Была бы та с*ка и адвокат нормальный, был бы двояк. А так только **як! Тяжкие телесные, повлекшие за собой смерть...

Обмер прозревший Борис.

Тягучие, жалящие минуты взгляд около — и наконец-то шумный, подытоживающий вздох.

Шаги ближе — присел на скамью.

Несмело вторю тем же, замирая рядом.

Потер раздраженно глаза, содрал ладонями с лица напряжение.

Вдруг движение головы — и глаза в глаза со мною. Смело отвечаю тем же (хотя и вновь пробирает дрожь по всему телу).

— Чувство вины?.. Это и всё, из-за чего ты вышла за него замуж?

Полная сомнений, всех за и против, пауза, и решаюсь ответить, но отведя стыдливо взгляд:

— И чтобы ты меня услышал...

Коротко прыснул от смеха — и миг вновь заледенел. Еще момент — и закачал вдруг в негодовании головой:

— Больная... ты — реально больная. Чокнутая на всю голову.

— Если бы ты не отвернулся, — решаюсь на оправдание. — Если бы выслушал, помог... я бы никогда свое слово не нарушила.

Обмер удивленный, огорошенный.

Мысли табуном заскакали в его голове, отпечатываясь болезненными эмоциями на лице.

Вдруг движение — и забросил мне руку на плечи, притянул к себе:

— С*ка ты... Какая же ты с*ка, — закачал неожиданно головой в обиде, болезненно зажмурившись на миг, — но, б***ь... как же я тебя люблю... Е**нуться просто...

Током пронзили слова...

Нервически рассмеялся сам над собой:

— Но ничего... в чем-то ты права, — взгляд на меня, отвечаю тем же. — Нужно научиться... слушать друг друга, и доверять... да?

Немного помедлила, но решаюсь на самое сокровенное, самое желанное, самое сердцу и душе необходимое:

— Да.

Внезапно движение, обхватил, утопил мое лицо в свои ладони и тотчас впился голодным поцелуем. Властным, дерзким, повелительным. Резвый напор — и повалил на скамью — поддаюсь. Откровенные ласки языком. Миг схватил мою грудь, алчно сжав ее до сладкой боли. Но секунды страсти...

...и что-то сообразил. Враз отстранился и уставился на потаенные места:

— Да ладно, серьезно? — давясь неловкостью и удивлением, поморщил лоб. — Пирсинг... в сосках?

Чувствую, как уже заливаюсь краской. Пристыжено прячу взгляд. Нервически сглатываю слюну.

Но внезапно добро так, весело рассмеялся, продолжил:

— И где еще он у тебя есть? — несмело коснулся, провел по груди, будоража сознание.

— Только там, где сейчас видишь, — тихо, шепотом, еще сильнее пряча очи.

Немного отодвинулся, выровнялся, скользя взором по всему обнаженному моему телу, словно только сейчас его и увидел, сполна смог разглядеть.

Движение и провел пальцами под левой грудью.

Странно как-то захохотал:

— А что за крест такой? Кривой... и недорисованный... Краска, что ль, закончилась? — идиотически съязвил.

Скривилась я от злости (задел за живое).

Мигом, силой отдергиваю его руку прочь оттуда:

— Какой выдали, такой и ношу...

Вздернул бровью. Взгляд мне в лицо:

— Кто выдал?

— А тебе прямо... — живо привстаю, обнимаю его за плечи и тяну на себя — поддается, — всё сразу так и Расскажи? Да?

— Да, — хохочет. Поцелуй в губы, но опять коротко. Оторвался. Неосознанно облизался и снова уставился мне в очи: — Лесь... я не хочу так. Как крыса, втихую... — качает головой. — Пока твой муж за дверью...

— Да не муж он мне! — отчаянное, зажмурив в поражении веки, прикрыла на мгновение руками, ладонями лицо. Шумный вздох.

— Муж, — уверенное, но тихое, спокойное. — Разберемся с твоим чувством вины — и закроем эту тему. Я хочу достойно, как нормальный мужчина, тебя отвоевать, а не как гнида паршивая, вша гнилая — исподтишка... пока менты его прессуют. Хорошо?

Глаза в глаза. Невыносимые мгновения зрительного боя — и сдаюсь. Обреченно киваю головой:

— Хорошо.

— Но помни, ты мне слово дала. И не смей его нарушать: никакого Киселя. А то... додушу. Серьезно, гадом буду, но задушу.

Поежилась невольно. Но тотчас рисую на устах улыбку, видя эту его странную, перепуганную серьезность.

— Че ржешь? — не выдержал и тоже рассмеялся. — Ржет она... А мне было не смешно.

Виновато опускаю очи:

— Мне тоже...

— Сама довела.

— А я по-другому... не умею, — шепотом стыдливый.

— УЧИСЬ! — вполне правдиво, искренне, хотя и хохочет. — Время будет — вот сиди и учи! А то ржет она... Добалуешься. Что вместо Киселя, я на нары поеду — только вступить уже будет некому.

— У тебя Еремов есть, — пристыжено ржу.

— У тебя Ер-ре-мов есть, — паясничает, коверкая мои слова. — А я хочу, чтоб баба за меня бегала. А потом еще замуж вышла, лишь бы спасти меня.

Рдею от стыда, но и давлюсь от смеха:

— И бросила потом?

Скривился обиженно:

— Не-е-е, — завыл вдруг, обнял, притянул к себе. Губы к губам, шепотом: — Я сам ее брошу! — вкрадчиво.

— Я те брошу! — гневно (наиграно) рявкнула, удар по плечу, но тут же уже сжал в объятиях и впился грубым, страстным поцелуем в уста. Дерзкий, смачный, всепоглощающий... но зверски короткий. Тотчас оторвался. Глаза в глаза: — Ладно, идти пора... а то еще неизвестно какие приключения впереди. Нам еще перед твоим мужем... оправдываться, за эту нашу с тобой... свиданку без спроса, да еще и в душевой.

Глава 18. Обещания

Глава 18. Обещания

Спасибо Еремову, его таланту, авторитету, харизме: так что целая толпа ребят во главе с ним сдерживала, отвлекала Киселева, да так ловко и удачно, что тот даже и не заметил ни моего отсутствия, ни Бориного.

И даже когда скрипнула дверь, когда мы выходили, едва тот попытался устремить туда взгляд, как те тут же пресекли эту возможность.

Пройтись вперед, сесть за стол и затушеваться среди гостей. Только лишь иногда метая взгляды друг на друга. А вот Сиськастая... всё запылила. Естественно, куда ей? О ней даже не подумали. Сидела, грузилась... взором меня шпыняла, колола, резала, кромсала... давилась яростью и болью, искренне ненавидя всем сердцем.

Но, а что я сделаю? Что?

Отдать обратно?

...да быстрее сама себя удушю.

Еще пару часов — и приняться собираться домой.

Всполошились гости, опять крики, опять «горько», вот только теперь вместо эротической феерии от молодоженов — скромный чмок, отчего все просто выпали в осадок.

— Да че-т хреново мне, — шепчу невнятно...

— А ну, да... будущая мамаша же как-никак.

— Да правильно все! Силы на первую брачную берегут! Молодцы, вы уж там постарайтесь! Ух!

Поцелуи, объятия, поздравления в очередной раз.

Замираю рядом с Борей, пока там Киселева «облизывают».

Шепотом:

— Ничего не будет.

Короткая, кривая улыбка, взгляд мне в лицо. Несмело кивает.

Вдруг кто-то пинается из толпы, отчего невольно еще сильнее прижимаюсь к Кузнецову.

Отчаянно, горько шепчу, едва не плача:

— А лучше забери меня с собой, Борь...

Обмер, пришиленный. Скривился болезненно. Глаза в глаза.

Читаю по губам:

— Я тебе верю.

Злобно стискиваю зубы и отворачиваюсь.

Верит он мне. Верит. А что мне теперь делать? Как Киселева сбагрить? Как сбежать?

Взор на Артема — счастливый, довольный, сполна упивается победой. Еще ничего не знает, не осознает. Противится очевидному, противится правде.

Шаг вперед, хватаю муженька за руку и тащу на выход.

В последний момент обернуться, состроить радость на лице, помахать рукой гостям, в очередной раз поблагодарить, прощальный взор на Борю — и выбраться в прихожую. Поверх куртку — да к такси.

— Правильно, не*** одеваться, коль сразу раздеваться придется! — бросает нам кто-то колкое.

Узнаю на пороге и Еремова — качает недовольно головой.

Отвернуться, зажмуриться. С*ка... и какие подобрать слова? Как бомбануть так — чтоб все остались... живы.

...

— Так че, куда? — вдруг отзывается водитель. — На Комсомольскую?

— На Ленинский, — выстреливаю я из гранатомета.

— В смысле? — оторопел муженек. — Зачем?

Обмираю. Жуткое за и против, рублю почти как есть. Несмело подвожу взгляд, глаза в глаза:

— Артем, это была сделка... И я ее провернула.

Сверлит, всматривается в меня, все еще не желая осознать то, что есть.

— Но ты теперь — моя жена.

Малодушно, едва заметно качаю отрицательно головой. Миг — и выпаливаю очередную порцию свинца:

— Ты же знал всё... с самого начала. Зачем теперь... всё это, а?

Тягучая пауза и отваживается, казалось, на невероятное:

— Это всё из-за Кузнецова, да?

Неуверенно качаю отрицательно головой.

— Пойми, — прячу виновато взор. — Не готова я еще к отношениям. Не готова... и вряд ли когда смогу, — очи в очи. — Я слишком долго... не подпускала к себе людей. Я отвыкла быть с кем-то. Верить, жить, уступать. Я люблю свое одиночество — и не могу без него.

— Ты же врешь... — едва слышно, а глаза уже так и блестят от отчаяния, боли.

— Разве?

Приехать домой, к матери обратно. Провел до квартиры. Поцелуй в щеку — и пошел смиренно прочь.

Стыдно, гадко... но и, тем не менее... я ничего не обещала ему. Ровным счетом НИЧЕГО. После всего — откровенно поставила перед своей попыткой загладить вину, а то... что он недопонял или сам себе нарисовал — тут уж я не в ответе. Хватит с меня моих кандалов, крестов — не хочу брать еще и дорисованные.

...

С Борей связывались пока лишь по телефону. Пообещал отыскать ту с*ку, свидетельницу. Ефима приставил к Киселю, да и Ерема через Заболотного взял все под свой незримый контроль. У Фирсова просто больше не было никаких шансов. Артема впредь не закрывали под стражу: жил у себя, лишь иногда приходя ко мне в гости, набиваясь на

свиданки — оправдывалась, как могла, и то, лишь когда палилась, что нахожусь дома.

На работу устраиваться тоже пока не спешила: слишком много дерьма и так на мои плечи свалилось, чтоб туда прибавить еще и иной головняк. Мать любезно приняла на себя ношу содержать меня все то время, пока мне это было необходимо, даже не смотря на то, что «вновь предала брата»...

Что ж... если Киселева не посадят, то мой долг будет выплачен сполна... И на том в наших отношениях будет окончательная, жирная точка.

Обидно, конечно, что даже категорически заявив Артему о факте наличия исключительно лишь только дружбы между нами, я все еще не могла быть с Борей. Более того, этот гад даже не искал со мной встреч. Редкие звонки, да и те... короткие, по делу: что удалось узнать, что получилось сделать... и что "верит мне".

Вопреки всему... верит.

И я знаю, понимаю, что это — не просто слова. И эта вера многого стоит, и нелегко ему далась. А потому не подведу...

...больше не подведу Кузнецова, чего бы мне это не стоило.

И пусть Хорёк решил спрятаться от своей Лисицы, у нее же уже не было сил... все это терпеть.

— Привет, Лиль!

— Леська! Привет, какими судьбами?

— К Кузнецову...

— А... так у него сейчас совещание будет. Не вовремя ты.

— А я никогда вовремя не бываю, — ржу. — Не переживай, я ненадолго.

Живо дернуть на себя дверь.

— Здоров, Хорек! — кидаю едва ли не с порога (лишь учтиво закрыв за собой дверь и провернув барашек замка). Шаги ближе.

Задергался по сторонам, метая взгляды, паясничая, будто что-то ищет.

Ржет. Взор на меня:

— Это кто здесь хорек? — пытается наигранно злиться.

Игнорирую, вмиг хватаю за подлокотники кресло и оборачиваю Его всего ко мне — поддается. Ловкое движение — и забралась сверху. Жадный, голодный поцелуй в губы, щеку, шею, добраться к уху — застонал, вмиг крепко обнял меня за талию и сильнее сжал, прижал к себе. Еще мгновения — и находит силы вдруг вырваться из-под моего морального гнета, заговорить:

— Так где ты тут хорька увидела? — задела все-таки...

Хохочу, вынужденно отрываюсь от своего гаденьша, прерываю ласку:

— Ну, а кто ты... после всего? Заныкался в норку — и ни слуху, ни духу...

— Я же звонил.

— Вот именно, только звонил... — обижено дую губы. — Две недели... я всё жду его, жду, аж извиваюсь уже в ожидании... А он все в засаде сидит.

— Я работаю, — глупо оправдывается.

— Ну-ну. Работает он.

— А как? Вон сколько бумаг, — кивает головой в сторону своего стола.

Не обращаю внимания.

— Ты мне тут зубы не заговаривай-то!

Вдруг звонок, запищал телефон. Силой отодвигает меня, заставляет с себя слезть. Подчиняюсь.

Поправить платье, пройтись по кабинету.

Схватил аппарат — встал с кресла, шаги вперед-назад.

«Да, ага... угу... ыгы» — сплошные формальности и малозначимые, как для меня, фразы. Всё по делу.

Вдруг подошел к полкам — и стал перебирать папки. Стоит, молчит, лишь иногда угукает своему собеседнику.

Тотчас ловлю момент — покорности, неловкости и стесненности. Прорываюсь наперед, замираю между ним и стеллажами. Стоит, покорно сверлит меня взглядом. Вмиг хватаю его свободную руку и кладу себе на грудь — поддается, слегка сжимает вожаделенное, на устах враз проступила сладкая, довольная ухмылка. Невольно на мгновение зажмурился. Но вновь

собеседник потребовал от него участия — а потому вздрогнул, прокашлялся.

Быстро, коротко, осиплым голосом ответил. В момент оторвался от меня, опять полез к (открытой уже) папке, перелистал некоторые документы, а затем снова взор обрушил на меня, будто... санкционируя продолжить дерзкое безумие.

Коварно ухмыляюсь. В момент хватаю его руку — поддается, вот только теперь засовываю ее себе под платье и укладываю на ягодицы. Принимает игру — сильнее прибавляет меня к себе, прижимает и властно, охаживает, впивается, хватая меня за предложенное место, учиняя дозволенный загул. Но секунды, короткие движения — и нечто невероятное, вопиющее для себя осознает — глаза округлились, а вдохи забыли свой ритм.

Нервически сглотнул.

— Черт, Лёх... й-я тебе потом перезвоню. Тут у меня... — обмер, подбирая мне название, — форс-мажор организовался. Прости, братан. Но... реально, не могу сейчас говорить.

Мигом отбить звонок и отложить трубку на полку. Игриво, взволнованно захихикала я не его жуткое, хищное выражение лица, что хоть и исполосовала улыбка, но коварства и опасности никак не уменьшала.

Враз зарычал и тотчас содрал с меня платье. Беглый, голодный взгляд — и тотчас подхватил меня себе на руки, поддаюсь. Быстрые шаги к софе — повалил на нее. Повис сверху. Короткий поцелуй в губы, смеется:

— Опять без труселей...

— А зачем... идя к своему Хорьку... лишнее одевать? Еще пока будет раздевать — передумает.

— Лесь... — вдруг заныл, заведя свою старую песню.

— Нет, Борь! — едва не взвизгнула я. Мигом приподнялась, уткнулась носом в шею. Шепчу: — Пожалуйста, не надо...

— Лесь, я не могу, — силой отстраняется — обреченно падаю на софу.

Пристальный, всепоглощающий, голодный взгляд мне на голую грудь — и не в силах оторваться. Но губы уже шевелятся, бормоча приговор, словно мантру:

— Нельзя так... нельзя. Не как крысы...

Вмиг грубо хватаю его руки и укладываю на вожаделенные места. Сжимаю его кисти вместе с ним. Поддается, отчаянно застонал, завыл.

Мигом выдирается руки и, нырнув ладонями мне под спину, приподнимает меня вверх. Враз впивается жадным, неистовым, ненасытным поцелуем в желанное. Выгнулась похотливо под своим зверем, что наконец-то вновь стал волком. Живо протискиваюсь руками к его брюкам. Расстегнуть ремень, змейку, стащить белье. Зарычал, застонал мой хищник, мой Тиран, утопая в ласке.

Но еще миг — и кто-то звонко, уверенно заколотил в дверь, огорошивая нас, словно воров.

Дернулся Боря, перевел взгляд в непонимании на дверь. Выжидаем.

И наконец-то слышится:

— Борис Федорович, — Лилькин голос. — Совецание. Народ тут уже собрался... нервничает.

С*ки.

Злобно, раздраженно скривился Кузнецов. Шумный, обреченный вздох — и подался назад. Мигом одеть, заправить одежины.

Лежу, смотрю на него... готова уже зареветь от всех этих измывательств.

— Прости, зай... Но, сама понимаешь. Не вовремя как-то всё...

Поднял с пола платье — протянул мне. Поддаюсь. Молча беру, встаю, одеваю.

— Не умею я вовремя... — обижено надула губы.

Заметил. Подошел ближе, обнял, прижал к себе. Короткий поцелуй в губы — и вдруг погладил, провел по волосам. Ухватил за подбородок. Добрый, пристальный взор в очи:

— Прости меня, малыш... Но оно и к лучшему... Рано еще пока.

Хмурюсь, кривлюсь, злобно стискиваю зубы.

Прячу, отвожу взгляд.

— Рано... всё время рано и не вовремя. С одной только Сиськастой — в самый раз.

Обмер, ошарашенный, закатил глаза под лоб. Зажмурился.

— При чем тут она? — не выдерживает и отчасти грубо, озлобленно рявкнул.

— Ни при чем, — язвлю.

Шумный, нервический вздох. Ухватил меня за плечи. Движение, напор, подчиняюсь — смотрю ему в очи.

— Что уже случилось? Говори... Что ты там себе надумала?

— Завтра пятница.

— И че?

— Баня... Ты опять с ней, да?

Застыл, округлив очи. Но миг — и лихорадочно заморгал:

— При чем тут она?

— Не сочиняй, а. И дурака не валяй. А то я не заметила, что все «рандеву» вместе с ней проводишь.

— Ты сейчас серьезно? — немного приблизился, лицом к лицу, пристальный взгляд. Неуверенно смеется: — Тебе прям сейчас хочется о ней поговорить?

— Ну... а как? Пять лет вместе с ней...

— Десять, б***ь! — неожиданно гневно рявкнул, движение — и оторвался, встал, шаги в сторону, сгорая от раздражения. Звонкие вдохи, пытаюсь сдержать зарождающуюся злость. Миг — и обмер, взгляд на меня.

Выжидаю, сверлю ответным взором.

— Какое вместе, Лесь? — рявкнул внезапно. Че ты, б***ь, несешь? Кто тебе вообще такую х**ню в башку вбил? Временами перепихон — да, б***ь, не скрою! И только! Олесь, — шаг ближе, но не решается меня коснуться. Сдержанный, пронзающий взгляд в очи: — Если она себе там что-то напридумала, то — исключительно ее проблемы. Я никогда ничего ей не обещал: знала, на что шла. А забыла — ее косяк. Не мой. Так-то у нее за эти пять лет и муж организовывался, и дочь она ему родила. А потом развелись — и снова про меня вспомнила, увязалась. А мне че? Мне ниче... по***, если только потом без претензий. Понимаешь? Так что не надо... опять эту тему поднимать. Ты думаешь, она одна у меня такая? Или че?

Обмерла я, болезненно опустила очи.

— Проснись! Сама знаешь, кто я — и как все эти бабки тянут к нам шкур. Лиши меня всего этого — и всем сразу по*** на меня станет, не вспомнят, и как звали. Пока красивая

жизнь вокруг меня — пока и я для них красивый. А тебе я верю... Верю, что не только эти споли нужны, и не только тра*. Или что? — едва заметно, но уверенно киваю одобрительно, еще больше пряча взор от позора, что довела до такого крика, до таких слов. — Вот и я надеюсь, что так. И всё у нас будет. Придет время — и всё будет. Хочу тебя. Очень хочу — аж зубы сводит. Ну, и что? Пять минут — и твари на всю жизнь. Дело не только в принципах. Не только, чтобы... не за спиной Киселя, пока ему х*ево. Нет. Я не хочу... чтоб вышло так, что ты спишь со мной, только пока я нужен, пока разруливаю его ситуацию... — мигом выстреливаю опарашенным взглядом Кузнецову в глаза. — И не надо мне тут, — машет рукой, — слов... я все понимаю, верю, доверяю. Я решил, что сначала сделаю, а потом все остальное — то так и будет. И нечего со мной пререкаться. А уж тем более ревновать... ибо не к кому. Всё прошлое — в прошлом. Ясно?

Вновь виновато опускаю взор, киваю покорно головой.

Стук в дверь. Отчаянное Лильки:

— Борис Федорович!..

— А сейчас мне, Лесь, пора... прости, но дела зовут. И тот факт, что я иду в баню с друзьями — никак не значит, что я иду туда тра**ться. Минимум — по**здеть, максимум — побухать и подраться, — шаг ближе, обнял, притянул к себе. Поцелуй в макушку. Тихим, ласковым шепотом: — Теперь ты у меня есть... и на*** мне какие-то шмары? Мне не шестнадцать, что у меня чешется... и хочется хотя бы кому-то присунуть, или всё перепробовать. Нет, давно уже перегуляно, и до одури перенасыщено. Везде одно и то же. Другое дело — что-то... серьезное, семья.

И снова стук, гул, что волной уже превращался в бешенство за дверью.

— От, с*ки неугомонные, — ржет пристыжено. — Ладно, родная моя... Давай. Вечером наберу, потрешим еще. А пока иди — тебе пора.

— Я буду ждать.

Сел в кресло. Я к двери... провернуть замок, дернуть на себя полотно — пропустить ораву взбешенных зябликов. Больше десятка, уставших стоять, ждать, раздраженных мужиков ввалилось внутрь. Это вы еще в наших очередях соцслужб не стояли, гады зажавшиеся!

И вот он, момент. Едва ринулась к двери, как вдруг кто-то тут же перехватил меня за руку. Оборачиваюсь — Киселев. Напор на меня — оба вываливаемся за дверь, в приемную.

Живо прикрыл полотно, сдерживая галдеж. Глаза в глаза:

— А ты че здесь делаешь?

— Привет, — нехотя, раздраженно язвлю. Шумный вздох. — На работу устраиваюсь.

— Почему ко мне не зашла?

Нахмурилась. Думала, было, еще соврать — но... реально, за**алась... всех огораживать, холить:

— Киселев, — озлобленно гаркаю, — че те надо? У вас совещание? Вот и пи**уй на него!

— В смысле? — выпучил на меня свои очи. — И, вообще, че ты со мной так разговариваешь?

— Да за**ал ты меня! — шаг ближе, тихо, в лицо: — Че ты ко мне вяжешься? Ну, сделка это была! Сделка! Когда ты это поймешь? Ради тебя старалась!

— И че терь? С тобой даже поговорить нельзя?

— О чем? Всё и так на мази.

— Хотя бы об этом... почему все так стало.

- **нужный от****ла — и всё.

Округлил, огорошенный, очи, секунды — и закивал вдруг головой:

— Кузнецов, да?

Нервно цыкнула, раздраженно пустив глаза под лоб. Шумный вздох. Едва не срываясь на крик, рычу:

— Ничего не было, Киселёв! Словами достучалась — и всё!

— А, — кивает головой, а на губах — жестокая, болезненная ухмылка, презрительный взгляд: — Потому сейчас без лифа и трусов, да?

Скользкий взгляд по моему телу — его, мой (вторя).

Взгляд в лицо. Очи в очи:

— Шалава ты конченная...

— Иди ты на**, Артемушка! Я тебя из тюрьмы вытаскивала, а не семью с тобой создавала! И ты знал это, знал с самого начала!

— И тра**лась ты со мной... тоже?... из-за тюрьмы? Из-за жалости, или вины? А?

Обмерла я, прибитая неожиданной правдой. Молчу позорно. Не знаю даже, что толковое выдать в ответ.

— Понятно всё с тобой, — внезапно гаркает. Резвый разворот — к двери босса.

— Артем, стой! — живо кидаюсь вслед, попытка схватить за руку, но тут же уваливает.

Уверенно дернул на себя полотно и молнией скрылся в кабинете, с лязгом пресекая мне следом путь.

Глава 19. «Гоп»

Прийти домой и завалиться в постель. Дурные, шальные мысли... То Киселёв (совесть грызущая за него), то Боря. Вновь Боря... Всепоглощающий Боря. Сладкий, страстный безмерно желанный Боря... и так — пока не уснуть от отчаяния и боли, от горечи и обиды.

Ждать, опять ждать... и неизвестно еще сколько.

...

Но внезапно звонок, привычная мелодия, отчего сразу реагирую, соображаю. Нашупать телефон и принять вызов:

— Да? — сухо, охрипло, едва внятно.

— Собирайся, нашли мы ее...

Кто мы? Кого нашли? Плевать. Догадки есть, и того хватит. Самое главное — звонок от Кузнецова, и он скоро будет у моей двери.

А что еще нужно влюбленной дурочке? Ничего. Хоть на край света — лишь бы только за ним, одним...

В его машине: он — за рулем, я — рядом. Далеко за город. Мчим, в неизвестном (мне) направлении.

Лыбимся, как дураки, то украдкой метая друг на друга взгляды, то отворачиваясь, пряча стыдливо чувства.

— Че ржешь? — не выдерживает и гаркает, хотя сам не меньше моего заливается.

— А ты че скалишься?

— Рад тебя видеть... — бросил пыливый взор.

Вальяжно откидываюсь на спинку сидения. Горделивый, важный вид.

Царски язвлю:

— Так виделись же сегодня...

— И че? — пристыжено ухмыляется. И снова на мгновение оторвать от дороги взгляд. — Всё равно соскучился...

Нахально, неприкрыто хохочу:

— Надо же... То две недели ни слуху ни духу, то за полдня... уже соскучился. Че так?

Шумный (его) вздох, но все же тихонько смеется и отвечает:

— Лесь, вот ты себе... черти где сережек натыкала. А язык так и не проколола.

Удивленно вздернула я бровями от услышанного:

— Надо? Проколю, — ухмыляюсь коварно, хотя все еще в замешательстве: не думала, что он вообще одобряет эту тему.

— Да, — откровенно уже ехидничает, заливаясь терпким ядом. — Проколи, хорошенько так проколи, да приколи его к нёбу, чтобы меньше пи**ела...

Пристыжено ржу, заливаюсь краской.

Вот, с*ка...

— Че молчишь? — буквально сразу и отзывается испуганно Боря, реагируя на то, что я отвернулась: — Обиделась что ли?

Оборачиваюсь, демонстрируя свою невольную, что не в силах сдержать, улыбку. Хохочу позорно:

— Да думаю, куда тебя послать... только так, что бы обидно было.

— М-м-м... смотри, как бы потом не передумала.

— А ты че, сразу побежишь? — не сдерживаюсь и еще громче заливаюсь, давлюсь смехом.

— Смотря куда, — и вдруг откровенный, с вызовом взгляд мне на низ живота.

Обмерла я, ошарашенная. Но все еще пытаюсь, не уступить сей бой:

— Губу закатаи, — гордо вздернула подбородком кверху. — Упустил ты свой шанс.

Теперь только лес или пень.

Цыкнул обиженно, перевел взор на проезжую часть:

— Нет, тогда не согласен.

Отыскали мы ее, свидетельницу эту. Ту самую дуру, за которую я вступилась тогда... той злополучной ночью. Приезжей оказалась, из деревни. В городе же жила на съемной квартире с подругами. С учебой не сложилось, зато работу нашла, корпела там, пока идиота... на свою голову не повстречала. Отношения взрослые. Первая любовь.

В общем, вся х**ня понятная, и не понаслышке мне знакомая. Не за что было ее осуждать. По крайней мере — мне. Даже, что сбежала — понятно. Не знаю... возможно, и я бы так поступила: зашкерилась и сидела бы... дрожала. Боялась, что и на меня чего-нибудь повесят. А жизнь она такая — никогда не знаешь, где повернет, и кто когда подставит.

В общем, талантом оратора, харизмой, пятиэтажными обещаниями защиты... и реальными деньгами, уговорил мой Кузнецов ее написать маляву, дать показания. Засняла я даже на видео, как все это было, ее слова. Обещала эта курица в понедельник к Фирсову приехать (Боря ее заберет и отвезет, а после и домой обратно доставит). В общем, всё что угодно, чтоб доказать, что тот ублюдок сам начал драку, что мы просто вписались, защищали ее, что никто ничего такого не хотел. Получилось всё случайно. Хотели угомонить... а вышло — как вышло.

Причем, ей совсем не было его жаль. Давно мечтала уйти — но ходу не давал: прессовал, угрожал, бил. Других кавалеров отгонял. Унижал, насиловал...

Черт, в общем. Хотя... и нельзя так говорить о тех, кто... «ушел». Но и... нельзя себя так вести. Послали — иди, максимум — плюнь в рожу. Это же баба... ну, куда ее бить? А особенно эту, чахоточную глисту. Тут я один раз приложусь — и ей уже недельку отходить придется, а то больше года изматывал...

— Ну, че, всё? Поехали? — взгляд на меня, раскинувшуюся в пассажирском кресле.

— А че еще? — удивленно уставилась я в ответ.

— Ну, мало ли, — пожимает плечами Борис. — Может, что забыла...

Взор около... На дом дряхлый этой девки. Забор перекошенный. Зато огород аккуратный, ухоженный. Бедность и обреченность... Реальность как она есть.

Печально скривиться и отвернуться.

— Да ниче... Выдохнуть разве что... — долгая, глубокая, полная жутких мыслей, воспоминаний, пауза. — Бо-орь... — горько протянула, переводя очи на Кузнецова: — Неужели всё закончилось? А?

Вздернул бровями, поджал губы на мгновение.

Скривился:

— Рано еще, конечно... «гоп» говорить. Но... — несмело закивал головой, — есть такая вероятность. По крайней мере, Фирсов точно уже не будет залу**ться...

— Эт да... — задумчиво, брожу бесцельным взором по верхушкам деревьев за окном. Скорбный, болезненный вздох. — Эт точно... С-с*ка он, — обиженно закусил на мгновение губу. — Ну, че стоим? — дернулась, кивнув на дорогу. Взгляд на Бориса: — Поехали...

— Ну, не на внедорожнике же мы! — обижено рывкнула я, утонув в кресле. — Хр*на лысого ты в эту лужу полез? — отчаянно махнула рукой на вид за лобовухой. — И, кстати, — разворот, взгляд в лицо, — почему не на джипе... за город-то?

Коротко рассмеялся. Отвечает взором:

— Да менее устрашающе хотел выглядеть...

Истерически захохотала я:

— Ты, б***ь, себя в зеркало видел? Менее угрожающе... он хотел. Ты бы еще на велосипеде сообразил...

— На мопеде, — ржет пристыжено гад.

— На х*еде! — раздраженно сплевываю. — И че, вообще, сюда попёрся?

— Да судя по навигатору... тут невь***нная дорога...

Скривилась.

— И че теперь? Пешком идти, до города? Эвакуатор искать?

— Да сейчас дозвонимся...

— Куда? Глянь, — тычу взглядом на экран телефона. — Ни единой полоски...

— Хочешь, в машине оставайся... Всё равно возвращаться.

— Смешно... — сердито язвлю.

— Что, страшно? — хохочет. — Местных волков боишься?

— Ага. Их родимых. А кто тебя будет защищать, если что случится?

— А, ну да, — откровенно ржет. — Че это? Местный герой — а я умаляю его достоинства...

Глава 20. Исповедальный эшафот

Глава 20. Исповедальный эшафот

Через поле, поросшей травой, в сторону леса, а там... если опять верить навигатору, недалеко и трасса. А значит — есть шанс или поймать сотовую связь, или попутку...

— Ну, так, — внезапно нервически рассмеялся Борис, нарушив странную тишину, что пролегла между нами. — Расскажешь... как так, что случилось, что... сестра настолько ненавидит брата, что... временами готова идти по головам, лишь бы досадить ему?

Хмыкнула я. Тотчас замерла на месте — отчего враз поравнялась со своим учтивым кавалером. Ядовито улыбаюсь:

— Ты же все уже пробил про меня. Что я еще могу добавить?

Ухмыльнулся загадочно. Вмиг обнял за талию — напор — и вновь пошагали дальше.

— Да что угодно... мне всё интересно. Но только от тебя, а не то, что кто-то где-то услышал или додумал. И я говорил, что это для меня осталось загадкой... Так почему? Что он сделал?

— Сделал... — нервически смеюсь над словом, выбором слова. — Это даже... не определенный какой-то поступок, — решаюсь все же начать. — Было, конечно, и нечто конкретное. Однако... это — общая его, вся политика в доме. То, как он ставил себя, как ко мне относился. Вообще, отца-то я и не знала. Всё по тюрьмам сидел, а потом... и задавился. Только на фото и видела. Макс же — напротив. А потому не хотел идти по его стопам: всегда доказывал, что он — другой. У нас-то и фамилия — не отца, а по матери... Фирсовы. Вот и я выродком родилась... Гадким, тупоголовым, неправильным. Макс тогда уже за двадцатник перевалило. Пока он в армии был... батя вернулся. Ну, мама его и встретила. Ненадолго, но хватило, чтобы мною залететь. Тот — опять на нары, мать — рожать. Макс дембельнулся. Идеальное стечение обстоятельств. Он мне за отца всю жизнь и был. И ремнем бил, и читать учил, и как пацанов н***й посылать тоже. В общем, хороший... он в сути своей был. Хороший, пока я подчинялась. Мать его очень любила, и любит. Слушается во всем. Оно-то и понятно — опора. Сразу после армии — работа, параллельно учеба. Нас содержал. Да даже сейчас, своя семья, вон племяшка, дочь его, растет, в школу уже ходит, а все равно... нет-нет, да подкинет денег: то на еду, то за квартиру заплатить, когда у меня работы нет. Ибо мамкиной зарплаты — сам понимаешь... Что она там, в школьной столовке, получает? Может, если поваром хотя бы — то продукты бы таскала домой, а так... одно только название. И вот я росла — и всё больше в бату шла. Там накосячу, там перегну. Нет... не воровала, как тот ублюдок, и даже не особо дралась. А слово по слову, или еще чего — и начиналось. Ах, она такая... ах она сякая... И учиться не хочет, и думать башкой не может. Пропащая... в общем. И всё пилил меня, пилил. Что не сделай — всё невпопад. Лет после десяти... ни разу не похвалил. Пятерка, признание какое-нибудь в плане спорта, или танцев, даже когда в волейбольную команду взяли — всё по***. Всё равно рукож*пая... и ни на что негодная, неспособная. И мать... соответственно, того же обо мне мнения.

Ну... и пустила я всё по х*ю. А толку пыжиться? Толку?

Одна отрада — у бабки когда жила... Тут, кстати, — махаю рукой, — недалеко. Хорошая женщина была. По отцовской линии... Лет пять назад... умерла, — шумный, болезненный вздох. — Любила я у нее зависать летом. А че?.. Друзей в городе нет: каждый тоже где-то шкерится (а они — так, вообще, отдельная тема для Макса: не то, что пересажать их всех готов был, а даже поубивать). В общем, бабка... такая сердобольная была, что у Фирсова аж зубы от нее сводило. А ведь не догадывался почему: у Бога она прощение молила... за сына своего. Что таким дебилом вырос, что судьбу детей искалечил, жене нервы сколько трепал — неотложка частая у нас гостя была, в свое время, когда Макс малой еще был. Бухал этот урод, что черт, бил сильно, унижал... не раз с топором гонялся. С*ка, в общем. Демон, как и я... И вот бабка всё молила... ухаживала. Всех животных-приблуд... в деревне подкармливала. Последнюю пенсию на них тратила. Кошечки, е**чие, собачки, птички, лисички — всех, кого находила. А я малая была — с радостью ей помогала. Для меня это было нечто... невероятное. Словно Ангел во плоти... и я ему, ей усердно вторила, дабы хоть на грамм обрести ее чистоты, быть достойной всего этого: ее ласки, доброго слова, поддержки. Любила она меня, ой, как: так не все матери своих детей любят... И я хотела быть достойной, или хотя бы выглядеть достойно в ее глазах. А потому старалась, подражала... И все это было от души. Там, в деревне, вдалеке от моей городской жизни... я была совсем другим человеком. Даже материться не смела — причем... вовсе не хотелось, не тянуло. Ни материться, ни курить, ни бухать (а этим я уже тогда грешила). Хотелось быть человеком... как и она — настоящим... Человеком. Мы даже на кладбище ходили — за заброшенными могилками ухаживали. Уже и креста там нет, а она по именам всех помнила, называла. Приветствовала, справлялась о настроении, о близких, о правнуках... И вот однажды... Фирсов как-то заявился в наш «рай» неожиданно-негаданно. Весь ходуном ходит, че-то у него там, в башке, кипит, а наружу — как всегда... ни слова. Только гавкает, как пес на цепи: и укунить охота, и не за что... Ну, а мы с бабкой... о всем этом нашем... «помешательстве» уже давно не вспоминали, так как знали — бесило оно его. Всё бесило: «расточительство», «маразм» и «притворство»... Это ты, с*ка... притворялся, а мы — искренне помогали. И вот вечер с нами, день, второй. Как-то и не уезжает. Только по делам отлучается — и всё. И молчит, главное. Ничего не говорит. А если бы отдых — на рыбалку бы, стопудово, рванул или по грибы — ни**я. Дома сидит, двор пасет... и нас с бабкой. В общем, не выдерживает она: уводит меня за сарай, в огород: а-ля... клубнику полоть, а сама шепчет: «...там, в конце улицы, ближе к лесу — есть дом заброшенный, как раз за хатой Морозовых. Там мужчина один живет. Тихий, неагрессивный. Недавно появился. И он ранен — ему нужна помощь. Уйду я — Максим поймет, что что-то не так, а если ты — то скажем, что к Морозовым пошла, молоко купить. Отнеси ему еды, воды. Лекарства передай. Можешь даже не подходить, на входе оставь — и сразу домой. Ему уже лучше — сам справится. Поди... не первый раз у него такое. И к Морозовым не ходи, скажем, будто не дождалась те и другим продали... Ну, что, пойдешь?»

Говно вопрос для малолетки! В свои тринадцать я чувствовала себя круче, смелее и сильнее даже того же Чака Норриса. А потому... захватить нужное: что всунуть в карманы, а что за пазуху — и партизаном прорваться в укрытие.

Не послушала я бабку: не сбросила балласт этому бомжу... и не умчала сразу. Нет, напротив. Отыскала его, накормила, напоила. Раны обработала, перевязала (как та меня учила — правда, на собаках, но все же)... Станный типок был. Всё время молчал. И вообще,

за этим его капюшоном, бородой, усами — только глаза и видно. Голубо-серые такие, добрые, глубокие. А еще крест у него был... как перевязывала, так и увидела — странный такой, корявый, недорисованный. Косой...

Обмерла я на полуслове, захлебываясь уже прошлым, слезами — них*ена уже не видно, даже куда ступать. Выдох шумный. Застыл рядом со мной и Боря. Стоит, молчит.

— В общем, — решаюсь договорить. — Убили его... Фирсов с*кой оказался... Что, конечно, не новость. Сейчас не новость — а тогда я ему еще давала шанс. По делу приехал. Выцеплял какого-то преступника. Вот его люди за мной и проследили...

С тех пор и ношу этот его, свой крест. Словно я его убила... первое мое тату...

Макс давил все сильнее, а я рачительнее уходила в себя, теряя почву из-под ног. И если раньше довольствовалась странной игрой в виде пирсинга... то дальше и того стало мало. Сначала лезвие... потом нож... стекло... да все, что угодно — острое... на то и острое. Кожу режешь — и физическое... стирает душевное. Разум вопит о чем-то ином... а тебе и хватает. Но шрамы... шрамы оставались. И когда Фирсов всё это увидел (и то, десятую долю того) — так избил меня, так... что я уже даже не знала: плакать или радоваться, что всему конец.

Но нет, выжила: мать выходила. Тогда и понеслись... остальные тату по всему телу. А че теперь? — выставляю руки вперед и цинично ржу. — Никто и не скажет, сколько здесь рубцов. Ни здесь, ни на ногах, ни на животе... ни где-либо еще. А этот — сразу все по-своему интерпретировал. Стал думать, что наркоманю... Друзей всех запугал, разогнал... — осталась одна. Зато парня почти сразу повстречала. Любовь-морковь... малолетняя... Я — малолетняя, а он — в самый раз. Я думала, раз чувства, раз всё серьезно — можно и не спешить, побаловаться, морально созреть... для физической близости. А он нет — понял, что играю... ну и... сделал «гейм овер»...

Немного помолчав, продолжила:

— А я не играла... я любила. Думала, что любила... ан-нет. Такое дерьмо нельзя любить. А дальше — еще один, и еще одна ошибка. И все больше рубцов на коже — и все больше тату. В какой-то момент... я всех возненавидела... и жить не хотелось. Но и почему-то... покончить с собой сил, настроения не хватало. Сигареты, алкоголь, дурман... А там и школы конец, наконец-то конец. Универ. Юрист... — отчаянно горько, громко ржу. Разворот — косой, беглый взгляд на Борю... молчит, идет, потупив взгляд. И снова обернуться, устремить взор на дорогу. Шаги по исповедальному эшафоту. — Опять-таки выбор, едва не силой впихнул меня Фирсов. Оплатить — оплатил, но выбора... не дал. Даже работу уже приглядел. Тогда еще, на первом курсе. А я вновь влюбилась — дура... Это теперь понимаю, что он конченный, трусом оказался... а тогда... с головой ушла. И дня порознь не мыслила. А он мыслил — более того, ему было чем и с кем заняться. А потому и я быстро сдалась — лишь бы меня выбирал, а не их. Пользовался, играл... И Макс всё пронюхал. Опять давление, опять угрозы — и тот сбежал, поджав хвост. Более того, так меня при всех тот «мой рыцарь» опустил, смешал с дерьмом, что я просто смотреть в его сторону не могла, а когда узнала... откуда ноги растут у всей это истории — сбежала. Из универа, из общаги... и дома нос не показывала. Где попало шлялась, с кем попало... По подвалам, по помойкам, по квартирам. Тра**ться — не тра*алась, но упиться и укуриться — тут да. А дальше... Макс очнулся, стал искать. Ну, я и рванула — вокзал, электричка... и да здравствуй, страна наша — велика и широка! Ибо знала: если догонит — убьет. Где только не скиталась, чем только не занималась, больше полугода прошло: воровала, торговала запрещенкой, в общем... бомжевала и выживала... И только крест под грудью грел: Он

выживал, и я выживу...

До Питера добралась. А там мусора схватили: конкурент, тварь, сдал. Ну и... Максу стуканули. Сразу прилетел, чуть на коленях не ползал, просил прощения, молил... обещал больше так не чудить. Говорил, что перегнул палку. А как домой приехали — опять за патлы таскал, но уже не бил. Так только... перенервничал, накрыло, когда перепил, а я — огрызаться стала... А дальше — вроде утихомирилось. Он больше не лез в мою личную жизнь: на ком бы не скакала, и под кем бы не стонала... Хотя... не так их и много было: на пальцах пересчитать, одной руки. А потом — Киселя встретила. Показался... приличным парнем. Но, увы, на десять лет старше. Не мне — «увы». Макс — «увы», да еще же... «чертов ОНГМ»... Ну, и началось... пиление: «Вот ты универ закончишь, пойдешь в прокуратуру... зачем тебе этот бандит, старикан?..» и так далее. Выбесил, с*ка... Я бы даже, наверняка, еще чуток помуржила, поигралась, как всегда, с Киселем — и бросила. Поди, разные мы люди... Компот — добрый, местами ссыкливый... правильный парень, мужик. Он даже больше похож на Фирсова, нежели я, в плане праведности. Да и потом... я ж с зубами — и мне косточку надо, а не... мягкотелое животное. Но... разве идиоту это докажешь? Да и смысл? Закрутилась новая игра... А ведь, с*ка, обещал не лезть... в мою жизнь, обещал больше не указывать. Поди, своя семья есть, дочь — сиди, воспитывай. И я не маленькая — и уже пропащая. Че лезешь? НЕТ! НАДО! Отцовский инстинкт... А я ем ничего простить не смогла... Начиная с того бомжа, котрого он крысой вычислил и завалил... и до сегодняшнего дня. Вон даже... Киселя сейчас норовил засадить. С*ка... а еще братом называется, «опекун». Только политику свою насаждать — душить. Но из дерьма не получится конфетки... Но силиться, тужиться, тварь, — и застыть не дает, дабы стать вконец уже сором.

Тягучая... жалеющая пауза, переворачивая окончательно с ног на голову окружающий мир.

Решаюсь на шуточный тон:

— Как-то так...

Молчит, сопит, неспешно перебирает ногами, идя рядом.

— А ты, — вновь отзываюсь. Косой взгляд на него: — За что сидел?

— А? — вздрогнул, но не сразу. Очнулся от своих тяжелых мыслей. На мгновение глаза в глаза, и снова на дорогу: — А... да так, по глупости... по малолетству... Подрались сильно — ну, и навалил двоим. Те — в больничку попали, заявы накатали... А я че? Я ниче — герой. Ну, и приняли, посадили... Посидел, поумнел... Вышел — прохаваннее стал, осторожнее... А там и с Еремой связался... и понеслось.

— А родители твои что?

— А, бати тоже не было — алкаш, давно пропал. А мать... в деревне жила. Сколько просил, молил... хотел в город перевезти — отказывалась... ну и... там схоронили несколько лет назад. Дурной был, не берег ее. Нервы трепал... Вон как ты, — вдруг рассмеялся пристыжено, взгляд на меня, — Фирсову...

— А че ты ржешь? — удивилась я. Ошарашенный взгляд на Кузнецова, поморщившись: — Ты что... сейчас за него заступаешься?

— Ну, а что, Лесь? — внезапно. Вдруг движение — забросил мне руку на плечи и притянул к себе, идем рядом, нога в ногу. Короткий взгляд мне в лицо: — Подумай... твои бы дети такое творили, у самой бы крышу рвало — и, гляди, еще покруче лещей вписывала

бы...

Скривилась раздраженно. Попытка вырваться из его хватки, уйти, оскорбленная, но удержал. Еще сильнее притиснул к себе:

— Не обижайся. Он же тебе, как батя... И как хороший батя. А не как мой, или твой, ваш. Да, тиран, да, чертова скотина, но... ради добра. Старался же, опекал — сама говоришь...

— Дурак ты! Ниче не понял! — обижено дую губы.

— Как раз таки понял! — смеется. — Но это — пропасть... между родителями и детьми. И она настолько велика, что лишь когда земля сдвинется, и сами мы окажемся по ту сторону, — только тогда пойдем... но уже смотря с их стороны, с их колокольни...

— А у тебя, что, дети есть? — испуганно метнула на Кузнецова взгляд.

Пристыжено улыбнулся:

— Нет, не довелось... Так и не нашел ту, с которой бы решился...

— И даже залеты? — несмело язвлю.

Ухмыляется. Взор мне в очи:

— И даже залеты. Я это дело хорошо контролировал... или мне не везло, — внезапно сам надо собой подшутил. — Но вот... сорок четыре, а еще... ни одну и не обрюхатил.

— Типун тебе! — ударила локтем в бок, сконфужено рассмеявшись.

— Че? — искренне удивился.

— Че-че? Еще не хватало тебя сейчас потерять... во имя какой-то брюхатой.

Захохотал, краснея от смущения:

— Так, а если это ты ею будешь?

Глава 21. Яркими красками по небу

— Че-че? Еще не хватало тебя сейчас потерять... во имя какой-то брюхатой.

Захохотал, невольно краснея от смущения:

— Так... а если это ты ею будешь?

Тарашу на него удивленно очи:

— КАК? Если ты даже притронуться ко мне нормально не решаешься...

Заливается язвительно:

— А тебе бы только, что бы я тебя потрогал, — вдруг движение и, силой, стальной хваткой впившись в меня, замер, заставляя тоже остановиться. Не сразу соображаю — вмиг принялся меня щипать, щекотать в бока.

— Дурак, что ли? — отчаянно визжу, пытаюсь остановить его — ржет истерически и еще сильнее меня изматывает. Рычу взбешенно: — Да не боюсь я этой щекотки! Больно только! Перестань! ПЕРЕСТАНЬ, я сказала! — визжу, а сама так и заливаюсь смехом радостью... что он хохочет и... что проявил хоть какое-то ко мне участие. Смелость. Попытка рвануть прочь — но тут же настигает, напор — и рухнули оба на траву.

Еще спазмы, глубокие вдохи, сражаясь со смехом — и обмерла под ним. Глаза в глаза.

— И че? — пристыжено улыбаюсь.

— И ниче, — перекинул. Вдруг прикоснулся рукой к моему лицу — провел вдоль скулы. Следит, скользит взглядом за своим движением, словно смакуя, пробуя меня на все свои ощущения. — Брюхатить тебя буду...

Едва слышно, но достаточно, чтобы вогнать меня в шок. Нервически ржу:

— Дурак, что ли? — а сама уже дрожу, сгораю от непонятного, внезапного трепета, волнения... страха.

— А другие обзывательства еще будут?

— А надо? — тихо...

— Ну... как-то креативней, заводяще, что ли, — шепчет в ответ... словно заговор.

— Че-то... ты осмелел, — попытка хоть как-то язвить, шутить, соорудить вид неприступности. — Свежий воздух подействовал?

— Ага, — вкрадчиво. Ухмыльнулся. Вдруг дернулся и тут же забрался под платье, ловкое, уверенное движение — и потащил с меня одежду через голову — поддаюсь. Завидел картину, наигранно надул губы: — Оба-на! Вот те и сюрприз. И нагрудник сразу, и трусылямбы...

Ржу звонко, позорно, пораженчески, не выдерживая:

— А тебе что... всегда сразу всё подавать? Тогда не захотел брать тепленькое... мучайся на холодненьком, разогревай...

Дерзкая, коварная ухмылка.

Приблизился. Нежные, ласковые... прерывистые поцелуи по телу, скользя от груди к животу. Шепчет:

— Я-то разогрею... главное, потом... не отпираться...

— Кто бы говорил... — рдею, бьюсь уже под ним... Касания на грани невероятных ощущений... То там, то здесь... вензеля языком по отвоеванным местам. И вдруг обмер, застыл... Несмело приподнимаю голову, испуганный взор на него. Смотрит, изучает... а затем и вовсе непонятно как-то, с осторожностью коснулся... креста, что под левой моей грудью.

— Че? — смеюсь пристыжено. — Глаз теперь режет?

Улыбнулся. Коротко, добро как-то... Смолчал.

— Только не говори, — вмиг расселась я, отчего и ему пришлось приподняться; глаза в глаза, — что ревнуешь... Только не это... не будь таким дураком, как Фирсов. Он мне потом еще долго этот крест вспоминал. Раз даже сам хотел вывести. Благо, мать образумила.

Оторопел Боря, вскинув бровями. Но миг — еще больше отстранился от меня. Взгляд около, а затем в очи:

— Расскажи еще чего-нибудь о нем... о том бомже...

— Что? — хохочу смущенно.

— Ну... не знаю, — пожал плечами. — Какой он был, что там произошло... Почему ты думаешь, что его завалили...

— Да что рассказывать? — поразилась ходу его мыслей. Скривилась я: — Мужик как мужик. Лица ж, говорю, не видно. Грязный, замученный, лохматый. Только крест его и помню на груди. И еще какие-то татуировки были, но их уже не запомнила.

— А что по событиям?

— Что? — нахмурилась; обмираю, выжывая прошлое из памяти. Нервически сглотнула слюну от неловкости: — По событиям? Ну, пришла, отыскала его... напоила, накормила, раны перевязала. Собралась уходить — шорох. Шепот на улице. Движение... Помню, мимо оконного проема кто-то метнулся... Я чуть с перепугу и не вскрикнула. Благо, Он меня схватил... и прижал к себе, заткнув рот рукой. Застыли оба, выжидаем: спалили — не спалили, зайдут — не зайдут?.. И, вообще, кто то был... — ничего непонятно. А я так испугалась, помню, сижу... оцепеневшая. И вдруг впервые... его голос и услышала. Шепотом на ухо... малопонятно, но...

— Дыши.

Выстрелом. Окаменела я, распятая услышанным.

Боря... меня перебил Боря, правильно продолжив, озвучив... Его слова.

— Д-да, — заикаясь, неуверенно киваю, ошарашено таращась на Кузнецова. — Д-дыши...

— Но нас не запалили... куда-то дальше побежали. В лес. Вроде... Ну я... и разжал хватку. Говорю ей: «Беги!» Сомневалась, стояла, противилась та — но еще немного... и перебежками рванула. Я в другую сторону — чтобы... если что, отвлечь внимание на себя.

Ошеломленная, выпучила очи я.

Не шевелюсь. Не дышу...

— Нет, — враз лихорадочно закачала головой, все еще не веря ни ушам, ни глазам. Отвожу взор. — Не может быть... Но у тебя же даже татуировок нет... — взмолившись, протянула я, утопая в изумлении, в жути.

— Я их вывел, Лесь... — неловкая попытка обнять: ухватил за плечи, сжал до легкой боли, отчего вновь глаза в глаза: — По малолетству, в тюрьме еще набили. А дальше —

вышел, с Еремовым связался... сначала глупости, а затем — серьезные дела, бизнес мутить стали. И уже ни к чему было темное прошлое и... лишние опознавательные знаки. Вот и вывел... Да и крест же такой... корявый был. Сначала краски не хватило — не добились до конца. А затем и «художника» грохнули... В общем, не срослось художество дорисовать. Так потом лет пятнадцать и проносил на себе...

Вновь качаю головой, еще больше пуча очи и не веря происходящему:

— Нет, — уже неуверенно, испуганно шепчу. — Но, я же слышала... как стреляли, видела, как труп чей-то грузили. Фирсова... с*ки этой, ухмылку самодовольную... до сих пор забыть не могу.

Закачал отрицательно головой, прикрыв на мгновение веки, Кузнецов:

— Нет, Лесь... не знаю, кого они там ловили, кого поймали... но не меня. Я в лес — и деру. Вообще, шумные, веселые деньки... даже недели тогда выдались. Та еще... война. Не с ментами. Нет. Своя там была заруба, дележка... И, с*ки, почти ж уже нагнали... Подстрелили. Но ушел в последний момент. Заныкался в ближайшей деревне, в старом, заброшенном доме, потому что... сил дальше не было идти. Что уж —дохнуть, такдохнуть... А тут бабка твоя. Нашла, выходила меня: перевязки, еда, вода... Несколько дней там так и перекантовался. Оклемаюсь. И я бы еще в тот день ушел, как только машина в деревне стремная нарисовалась, но, вроде, все тихо пока было. А еды с водой надо было раздобыть, так как скитаться предстояло неизвестно еще сколько... И, вообще, куда идти, бежать — тоже *** его знает. К кому податься... Ерема же — тоже неизвестно где, жив ли: может, и ему нужна помощь. А тут девочка пришла — я и охренел. Смелая, уверенная. Раны мне захотела обработать — я в отказ. А она на меня как гаркнет... матом — я и осел покорно. Сижу, слежу, принимаю ухаживания. А потом — все, как ты говоришь... шорох и прочее... Здесь же, — махнул рукой, — у леса, с той стороны. Деревня. Тогда еще большая была — это сейчас... чуть ли не три хаты живых осталось. Верно?

Киваю головой одобряюще — а сама осознаю нечто страшное. Жуткое, невероятное:

— А я не поверила ему, — шепчу взволнованно.

— Кому?

— Фирсову. Клялся, что никакого... — нервически рассмеялась, прокашлялась, — бомжа не видел. И, вообще, никого не видел. Но и соврал заодно: сказал... на рыбалку собрались. Спи**ел. Так как не прошло и полчаса, после всех тех событий, как все уехали. Да и труп, сама же видела, что грузили... Уехали — и ни слуху ни духу больше. И меня даже в деревне согласился оставить. Я же после них сразу в дом — тишь да гладь. Никого нет — а перед глазами... картина, да и звуки... жуткие.

— Лесь, — вдруг отчаянно позвал. Отчего снова отваживаюсь взглянуть в очи. — Но я-то... свой крест узнаю. Кривой, косою, недорисованный, — нервически тихо смеется.

— Покажи, где был...

Живо зашевелился, расстегнул пуговицы — стащил с себя рубашку. Ухватил мою руку и прижал к своей груди, в центре, чуть выше солнечного сплетения.

— Где-то тут... на цепи добротной, а здесь, — повел ниже к животу... — вот шрам, пуля прошила, навывлет. Твоя бабка в войну еще фельдшером была. Вот меня и... вытащила с того света...

— Ну... не может такого быть, — взволнованно, испуганно прошептала, буркнула я, тотчас прижавшись, притиснувшись к своему Бореньке; уткнулась носом в шею: — Но... как так?

— Ну, как нет? Присмотрись, — вновь дернулся, насильно отстраняет меня от себя. Взор в лицо. — Там же даже след еще остался. Ну...

И снова провести ладонью по его груди, на которой плясал луч закатного зарева. Дрожу невольно от непонятного страха, волнения... а в голове идет отрицание очевидного, явного... Слишком долго я вынашивала, холила в себе эту свою историю... чтоб вот так легко поверить в то, что все было... в большинстве своем...

— Леська моя, — вдруг ухватил, утопил мое лицо в своих ладонях. Вынужденно глаза в глаза: — Разве это — не чудо, не судьба?

Нервически сглотнула слюну. Еще мгновение — и решаюсь, тихо, неуверенно:

— По-моему... это больше бред.

Хмыкнул, коротко рассмеялся. Всё так же не отрывает взгляд, сверлит, казалось... давно уже проникнув и теперь утопая в моей душе:

— По-моему, вся наша жизнь — бред. И что теперь? Лесь... но а по сути... разве это важно? Или... если бы я и дальше был мертв, что... нравился гораздо больше? Или... идолы красивы... лишь когда недостижимы?

Скривилась в болезненной ухмылке.

Не знаю, что ответить.

Более того — вообще, не знаю что думать. Как дальше жить.

Отвожу взор, болезненно качаю головой.

— Ну, хочешь... выведи его.

— Нет, конечно! — испуганно дернулась. Взволнованно: — Дело не в том... а то, что... вся моя жизнь — оказалась... враньем. Самообманом.

— Ну, где? — болезненно рассмеялся. — В чем? Лесья, — сильнее сжал мое лицо в своих ладонях, приблизился губами к моим губам. — Ну, зай... ну ты чего? Плакать удумала?

— Дурак, что ли? — дрогнул голос предательски, проседая.

— Дурак, дурак... — шепотом, обжигая дыханием кожу. Еще миг — и прилип, накрыл мои уста своими.

Ловкое, голодное движение рук, напор — и бережно уложил на траву. Сладкая ласка по шее к груди — поддаюсь, не сопротивляюсь. Стащить лиф прямо вниз, не желая возиться с застежкой. Облизать и втянуть в себя отвоеванное запретное место. Дерзко сжать до сладкой боли... Проворно протиснуться под поясицу и резво схватить, потащить вниз белье... проявляю участие... И вновь поцелуи, скользя влажным языком, рисуя витиеватые дорожки, сладкие фантазии... Дрожу, трепыхаюсь, то и дело... не имея сил сдержать стоны. Проник рукой между бедер, нежные поглаживания, сжимания, откровенные движения, даря еще больше блаженства. Выгнулась, дернулась под ним, голодно заныв.

— Борь... ну... — горько, отчаянно, взмолившись.

Немного отстранился, быстрые, стремительные движения... Мгновения, жгучие, изматывающие — и ощутила его. Уверенный напор, но не резко, бережно... словно боясь сломать нечто хрупкое. Еще давление — и вскрикнула, взвизгнула от боли. Обмер, встревоженный. Нервически сглотнул:

— Ты как?

— Ну же, Борь! — алчно стону. Вмиг приподнялась, впиалась поцелуем в губы — коротко ответил. Еще движение — и вновь кричу, заливаясь шальной страстью на грани сумасбродной сладости. Боль сжимала еще сильнее мышцы, заставляя замереть в

исступлении. Но его робость больше бесила, чем манила. Мало его, мало мне его было. Хотелось сполна, резво, целиком, да так... чтобы утонуть сразу с головою в омуте его ласки. Полностью раствориться друг в друге. А потому еще напор, миг — и сама уже перехватываю инициативу. И пусть каждый последующий шаг дарил чувства вперемешку, оттого еще сильнее по венам разливалась эйфория, экстаз, казалось, заменяя собой целиком кровь... Еще напор, еще грубость — его, моя смелость... и уже мой зверь изнеможенно застонал, упиваясь... но, как и я, не напиваясь удовольствием.

— Борь, грубей... — шепчу едва различимо, стыдясь, но и не имея уже сил смолчать, уступая безумию... что впервые смогло по-настоящему пробудиться и разгуляться во мне сполна.

Сжал в объятиях едва не до хруста. Дерзкие, властные, резкие движения... поднимая градус внутри нас.

— Еще... — шепчу, казалось, вовсе не думая уже о последствиях, что хочу и на что подписываюсь.

Доли секунд дабы осознать и вдруг хватает, оборачивает меня к себе спиной, прогнул, за бедра подал к себе — и вновь ворвался в меня. Вдох — напор... и опять игра взорвала внутри меня музыку сумасбродства. Стоны, крики, боль вперемешку с наслаждением, словно кровь с молоком... Танго демона со своим супостатом, не смущаясь и не стыдясь... И чем сильнее боль, тем смелее Темная сторона, и тем стремительнее удовольствие, прорывая, вело меня в блаженства протрацию...

— Еще, — казалось... вот-вот... и я пересеку грань, свою какую-то давнюю, тяжелую, важную, забытую грань.

Вмиг ухватил за волосы и рванул на себя, выгнув кошкой. Еще рывок, еще вдох — и дернулась, вскрикнула я изо всех сил, не имея больше духу сдерживаться от боли. Тотчас сорвались с глаз слезы, а в груди спазмы перехватили дыхание. Еще миг — и предательское рыдание... разорвало мнимую тишину.

Прошлое взорвалось во мне. Жуткое, гадкое, болезненное... Вот только мысли, осознание того, что это со мной творит не тот черт, и никто иной, а именно Боря, мой Боря... — рождал внутри странную помесь, бесконечно сумасбродную, шальную феерию... чувство защищенности и покоя. Будто ничего раньше не было — игра. Больная игра... сознания, спектакль избранных актеров и внушённых ролей. Чувство отрицания и наслаждения, на грани очередного скольжения по лезвию ножа, где с одной стороны — бездна, а с другой — жизнь, существование. Где прошлое — выдумка, а мы — реальность.

Но еще миг — и осознаю нечто большое. Нечто жуткое... постыдное.

То, что мой Идол невольно узрел мою черную душу, мою порочность, измененность... То, что за личиной красок и чистоты — сплошные черные, мерзкие тона. Напрасность надежд и упований. Пустота вместо человека — и лишь демон, на пепелище души, играющий остатками гнили...

Обмер испуганно.

— Ты че, Лесь? ЛЕСЯ, б***ь!

Вмиг отстранился, в охалку, к себе лицом. Утопил оное в ладонях. Глаза в глаза, а я жмурюсь, позорно отворачиваюсь — не дает.

— Ты чего... родная моя? — взволнованно, голос дрожал от ужаса: — Зая... прости

меня, я не хотел.

Не выдерживаю — и завывла, заныла я позорно, предательски. Вмиг хватаюсь своими руками за его запястья. Шепчу виновато:

— Это ты прости... прости меня, с*ку... пропащую, — нет больше сил удерживать личину... правда вылезла сполна, вместе со всеми моими чертями. — Прости меня... порочную.

Болезненно рассмеялся:

— Зайка... ты чего? — приблизился, короткий поцелуй в губы и шепотом, нежно, обжигая дыханием. — Нашла мне порочную... Котенок, родная моя, — живо обхватил за талию и силой напором усадил на себя сверху — поддаюсь, подчиняюсь. И снова обхватить мое лицо руками. Поцелуй в губы. Улыбается боязно, неуверенно: — Мне всё равно... как ты любишь, как ты хочешь, куда ты хочешь, где ты хочешь... Я всю тебя люблю... даже эти твои, — пристыжено рассмеялся, — тату и пирсинги. Всю люблю, и всё приму. И что тебе приятно — мне втройне приятно. И ни капли не осуждаю. Не глупи... Лесь... посмотри на меня.

Но не поддаюсь. Все еще жмурюсь, от стыда прячась в мнимой темноте.

— Жаль, что ты раньше... в моей жизни не появился... до того, как все это... во мне сломалось. До того, как стала демоном.

Смеется горько:

— Леська... хорошая моя. Ну, какой ты демон? Посмотри мне в глаза. Прощу... Ну...

Несмело поддаюсь, а на глаза вновь проступили слезы. Страшно своему судье всматриваться в очи.

— Во-от, — продолжил. Провел кончиками пальцев по губам. — Лесь... я бы никогда не полюбил демона. Никогда... Ты — нежная, добрая внутри. Хрупкая... хоть и принципиальная. Заледенела от постоянный боев, закалилась. Но позволь пробудить тебя... настоящую, — бережно провел по щекам, стирая один за другим соленые потоки. Обнял за шею и притянул к себе, прижал грудью к своей груди. Завораживающим шепотом на ухо: — Верь мне, пожалуйста... как я верю тебе. Хорошо?

И вновь движение, отстраняет слегка: глаза в глаза.

Долгая, жалящая, язвящая пауза — и несмело, неуверенно, киваю головой.

Короткий поцелуй в губы, бережный напор, ловко приподнимая меня над собой — и вновь ворваться, впустить — слиться со своим героем душой и телом, разрисовывая небо... в яркие краски. И вновь напор, и вновь рывки, подчиняясь страсти, вот только вместо боли и наслаждения в отдельных тонах, нотах, рождали одну общую, единую, бесконечно льющуюся, вьющуюся... искреннюю любовь.

Часть ТРЕТЬЯ. По осколкам жизни. Глава 22. По осколкам жизни

Часть ТРЕТЬЯ. По осколкам жизни

Глава 22. По осколкам жизни

Попасть домой только под утро...

Десять пропущенных от Фирсова.

Гад, очнулся? Что тебе еще надо? По-моему, еще при прошлой встрече все о всём высказались.

Отбросить прочь телефон — и завалиться в постель. Спать.

Наивная... глупая.

Слышу — шоркает. Мама...

Несмело приоткрыла дверь в комнату. Тихо, заспанным голосом:

— Лесь, спишь?

Хотелось, было, уже притвориться, соврать — но поддаюсь, рычу:

— Еще нет. Что?

Молчит вдруг. Мнется. Странную жуть нагоняет, отчего враз встрепенулось, заколотилось бешено мое сердце. Страшно сделать вдох, но еще хуже — уступить ужасу.

Горько, обреченно, с испугом:

— Что случилось? Макс?

— Артёма больше нет.

Странно, когда ты сходишь с ума, -

У меня появляется чувство вины

Я тебя понимаю, ведь мне иногда

Тоже снятся страшные сны

Снится, что мне не дожить до весны

Снится, что вовсе весна умерла

Страх во мне оставляет следы

Я думал, что страх — это просто слова...

Зачем топтать мою любовь

Её и так почти не стало

Я разбиваю руки в кровь

Я не сошел с ума — так надо...

Смысловые галлюцинации, "З. Т. М. Л."

Артёма. больше. нет.

Слова приговором долбят в голову острыми, ржавыми прутьями, заставляя с каждым вдохом всё больше и больше себя ненавидеть.

Стою, молчу, дрожу... а он рассказывает. Тихо, взволнованно, с опаской. Рачительно подбирает слова. Макс — боится еще сильнее меня разодрать. Меня — распятую.

— Говорят, ушел вчера с работы рано. Судя по записям с камер видеонаблюдения — в магазин заезжал, по друзьям прошелся. А дальше решил — домой. Еще судмедэксперты не дали окончательного заключения, но предварительная версия: под действием сильного алкогольного опьянения и наркотиков... сел за руль, топил на полную: в какой-то момент не справился с управлением... не вошел в поворот. Вылетел на встречную, а там — КАМАЗ... На краю города, тут, недалеко, около нас. Смерть мгновенная. Без шансов...

— Я хочу его увидеть...

— Зачем, Лесь? — испуганно. — Там места... на нем не осталось.

— Я. хочу. его. видеть.

Ночь без сна... Алкоголь. Сигареты.

Бесчисленное количество звонков Бори.

Завтра похороны. Конец. Всему... конец. Мне — конец.

Лучше бы я ушла... вместо тебя. Лучше бы я, пропащая... чем ты, влюбленный.

Отверженный.

Стук, отчаянные удары в дверь Кузнецова, требуя участия, разговора... просто открыть...

Но не могу. Не хочу... не сегодня.

И мама не в силах сопротивляться — терпит, молчит.

Сегодня я буду примерной женой. Сегодня. И завтра...

Сегодня я буду... верной женой. Твоей женой, Артем. Твоей.

А потому очередная сигарета, очередной глоток — и вновь дурман по венам, меняя смысл, сознание — на пустоту.

Сегодня всех прогнала. Никого с собой не пустила.

Сегодня мы наедине. Наедине, даже если и собралась на кладбище целая толпа... Твоих девиц, поклонниц. Друзей, коллег. Родственников.

Сегодня мы только вдвоем.

Смотрю в глаза на фотографию — и выть хочется, реветь. Орать. Визжать — а сил хватает лишь на вдохи. Пустые, бессмысленные, предательские.

Я тебя предала, оттолкнула. Обманула...
Не остановила, не спасла...

И теперь тебя нет. А я — осталась...

Прости меня, Киселев... Прости...
Прости, Артем. За то, что... сука. За то, что... демон. За то, что — не твоя.

Позорно опустить голову и пройти между могил чуть в сторону. Не могу, не хочу прощаться.

Не готова.

Нет. Просто... не хочу. Не могу.

Не сейчас... не сейчас, когда ты был в шаге от свободы, и в двух — от радости. От счастья.

Я дала надежду — ее и забрала.

Растерзала, растоптала, распяла — и прогнала...

Прости меня за всё.

Нет сил даже взять горсть земли и бросить — не могу. Не хочу...

Не отпускаю.

На выход, меж деревьев — и затушеваться в стороне, наблюдая вором за происходящим...

Не могу. Не хочу. Ничего... уже... в этой жизни... не хочу.

Вдруг шорох, шаги... чьи-то стремительные, уверенные.

Невольно вздрогнула, обернулась: обомлела, будто ураган, будто сама Смерть на меня шла напором.

Дико, горько заревела, что медведь, зарыдала, завывала, что беса, страшась:

— НЕ ПОДХОДИ! — воплю, ополоумев.

Обмер, огорошенный. Окаменел, боясь даже моргнуть.

Оцепенела и я — не зная, что делать, куда бежать.

Но еще миг и решается, тихо, едва различимо:

— Лесь, ты чего?..

И вновь движение — миготом отступаю, пячусь:

— НЕ СМЕЙ! — гневно, боязно, в иступлении.

— Пожалуйста... — тихо, несмело.

— УХОДИ, КУЗНЕЦОВ! УХОДИ! И не смей ко мне больше приближаться!

Заледенел, не дыша. Нервно, ошалев, выпучил очи.

А я дрожу, ходуном хожу, бьюсь в конвульсиях, заживо сгорая от ужаса, собственного предательства, что так явно, ярко передо мной... в его лице, в его глазах, на его губах.

Это себя я сейчас ненавидела, на себя орала, на себя вопила — а он лишь был олицетворением моего самого страшного греха. Самой большой моей... вины, проступка, преступления.

Шаги наощупь, пятясь — пока не уткнулась спиной в ствол дерева. Резвый разворот — и ничего не стыдясь и не боясь, рву когти долой. Бегу со всех ног — в сторону проезжей части, а там автобус — город, дом...

Глава 23. Глухая совесть

Глава 23. Глухая совесть

Открыть глаза — и не сразу понять, осознать, где я и что вокруг.

Беглый взгляд по сторонам — и удивиться, поразиться обстановке, причем не меньше тому, кто именно сейчас рядом, неподалеку, в кресле: сидит, спит...

Дернулась, вздрогнула, но тотчас игла в руке, причиняя боль, заставила обмереть на месте. Зажмуриться. Ойкнуть.

Шорох. Шумный вздох. Заспанным голосом, невольно потягиваясь:

— Пришла в себя?

— Что это? — раздраженный, взбешенный взор по сторонам. А сама реально — ничего не помню. В голове только кладбище, Киселев, Кузнецов... автобус. А дальше — провал, прострация. — Почему я в больнице?

Взгляд около, не решается почему-то ответить сразу.

Несмело встает, шаги по палате, разворот, глаза в глаза:

— У тебя был передоз.

Обмерла, ошарашенная я.

В смысле? Чего?

Лихорадочно перебираю, шпыняю мысли в голове, выуживая хоть что-то из прошлого. Тщетно, с*ка. ТЩЕТНО!

— Чего? — робко, пристыжено.

Застыл на миг. Вдруг движение, ближе: лицом к лицу. Уперся кулаками в койку. Пристальное, с вызовом... в глаза:

— ЧЕ-ГО? — злобно гаркнул. Хмыкнул вдруг. Выровнялся, от волнения вновь шаги по палате. Отвернулся к окну. — Че-го... — передергивает слова, странным образом смакуя ими. Нервически, звонко сглотнул слюну (а страх, странный, непонятный, так и распинает меня, заставляя сжиматься все мышцы в камень в теле; стыд дикой кошкой скребет сознание и плоть). Вдох, отваживается наконец-то произнести вслух: — НАРКОТЫ. Если бы я тебя не отыскал, если бы не догадался... что ты... у Киселя дома... Если бы телефон твой не зазвенел, и если бы дверь не вскрыли... То и тебя бы похоронили. Там же... — язвительно, жестоко, гневно, казалось, заживо рубая и себя заодно, — рядом. Счастливую чету... гребанных молодоженов.

Огорошенная, дрожу... вспышками пробивая в сознании брешь за брешью, выуживая куски прошлого: ключи, среди вещей погибшего, врученные мне по моему требованию, накануне, Фирсовым. Поход в тот ад. Слезы, отчаяние. Опять алкоголь, опять сигареты. Наткнулась на нычку белого порошка... И то, чего не взяли, не смогли побороть "младшие" братья... взял он — стопроцентный дурман, эйфория, молчание... Тишина, смерть мыслей... и чувства вины. Но не сразу... А потому очередной догон — и наконец-то поплыло, поехало, прогоняя прошлое вместе с будущим... и настоящим.

...

Скрипнула дверь.

Незнакомый мужчина в белом халате.

Скривился недовольно тот, стиснул на мгновение зубы от злости — но порицать не стал. Лишь только горький вдох и взор то на Бориса, то на меня:

— Пришли предварительные анализы. Судя по всему, так как срок еще очень маленький, и плод на самостоятельном питании... ему ничего не угрожает.

Обомлела я, расстрелянная словами: услышать, но до конца не осознать.

Нервно дернулась, рассевшись. Поморщилась:

— Плод? Какой плод? — лихорадочно.

Жуткая пауза...

Прожевал эмоции. Вдох. Решает ответить, уточнить:

— Ребенок.

— Я не беременна... — нервически, коротко рассмеялась я, а во рту — кислота. От шока глаза на лоб полезли.

— Беременна, — едкое, презрительное. — Срок небольшой, потому и повезло... Хотя, рано еще судить — все еще впереди: все последствия и результаты.

— Ну, что вы несете? — истерически еще сильнее рассмеялась я, уже взмолившись на изувера. — Какое беременна? Какой ребенок? — отчаянно разум отрекся от очевидного.

Скривился от злости мужчина, шаг ближе — тотчас швырнул мне на руки какие-то бумаги, снимки:

— А такой... — дерзко, — который жить, судя по всему, куда больше хочет, чем его... нерадивая мать.

Сижу, ошалевши, бешено пучу глаза — и хоть ничего еще не понимаю, не могу уже отметить явное: сверлю взглядом черные квадратики с серыми пятнами.

Беременна...

Господи... Я?...беременна.

Слезы замерли на ресницах. Перехватило дыхание.

Тихо, едва слышно, шепотом:

— Какой срок?

Тяжелая пауза, сражаясь в очередной раз с эмоциями, и наконец-то решает ответить:

— Недели три.

Настом вмиг покрылось все тело. Поежилась. Пробрало морозом до самых костей...

Сердце враз принялось отбивать свой последний, смертельный такт. Мелодию, где ноты только... реквиема.

Еще минуты, жуткие, давящие, сводящие с ума минуты, и отваживается. Боря отваживается. Робко, боязно, словно страпашь, что действительно отвечу:

— Киселёва? — грохочет гром.

Обреченно зажмуриваю веки. Не шевелюсь. Не дышу.

Страшно жить. Осознавать. Существовать.

Но и выбора... больше нет.

Обязана.

Тихо:
— Да.

И опять напряжение. Опять накалились между нашими душами провода, стругая, оголяя нервы.

— Ладно, я вас оставлю, — неуверенно, в удивлении сгорая, дрогнул голос врача.
Быстрые шаги — и наконец-то хлопнул тот дверью.

И опять тишины разлом. Слышны лишь робкие, неохотные, вынужденные, тяжелые вдохи... и надорванный ритм сердец, стремящихся вылететь из грудных клеток всполошенными воробьями на волю.

— Я пойму... — осмеливаюсь растерзать безмолвие, — если тебя больше никогда не увижу.

Холодно, мерно... как всегда, когда режу себе по плоти лезвием... до крови, до пьянящей боли, до плоской, гладкой прострации.

Но молчит. Не уходит. Думает. Сомневается. Сражается...

Не знаю зачем, но пытаюсь... оправдаться. Сгладить всё. Хотя бы... чтобы не ненавидел:

— Я не врала тебе... Я не знала... что беременна.

У нас с ним было... один раз.

И то... когда ты меня бросил, отвернулся,

...когда решил нас уничтожить: я вновь пошла на дно, а он — беспощадно стал давить своей безысходностью.

Не знаю, зачем так поступила. Не знаю... но. Что есть, то есть.

Мне жаль, что я не оправдала твое доверие, ожидания...

Мне жаль, что... ты не увидел во мне то, чем я являюсь на самом деле... вовремя.

Мне жаль, что всё так... обернулось.

...что я влезла в твою жизнь.

...и что родилась на свет.

Вдруг движение, шаги.

Обреченно зажмуриваю веки — чтобы хотя бы не видеть это. Услышать, понять (что принял решение, что уходит) — осознать, но хотя бы не видеть.

Хватит мне мертвого лица Киселева. Не хочу видеть... еще и мертвую себя в его, в Бориных... глазах, в его поступке.

Но еще звук — и внезапно дрогнула кровать рядом со мной, проседая под давлением, весом.

Доли секунд сомнений — и коснулся, провел по волосам; обнял за плечи и притянул аккуратно к себе, поцелуй в висок:

— Я вас не брошу, Лесь. Не брошу. И не проси...

Дикий, отчаянный писк, визг... бешеный крик вырвался из меня, из моей груди, рождая вновь внутри меня... из демона — человека.

Глава 24. Семья

Несколько дней отлежаться в больнице, а затем... Боря забрал к себе.

Поздний вечер. А потому... поужинать едой из ресторана, да спать...

Боря. Я уступила ему, себе...

Отныне вынужденная жить, вопреки всему. Но что у меня есть? Одиночество? Собственная никчемность? Отвращение к самой себе? Ненависть? Глухая, упертая совесть и опять... непомерное, бесконечное чувство вины?

И куда с таким багажом... тащить ребенка? Куда, как?

Опять пойти за принципами? Опять быть гордой... и пустой? Быть... батеи своим?

Быть с*кой, сволочью, мразью?..

Если... Боря нашел в себе силы меня простить, принять... нас обоих, то мое слово уже... неважно. Более того, мне это нужно. Боря мне нужен — как воздух, как влага, как земля, как опора. Он — всё мое, мой мир. И только с ним... у меня есть шанс выжить. Жить.

Перевернуться в постели на бок, свернуться в калач... и ждать. Чего угодно... и если даже придется вновь играть, притворяться, пока страх и неловкость не сменю на смелую откровенность — я ко всему готова. Даже если... на душе по отношению к Киселеву... будет паскудно. Даже если стена вины станет еще выше, ибо каждый раз буду докладывать своей "неприличностью", "безобразностью", "бессовестностью" кирпичик за кирпичиком, пока и вовсе неба не станет видно.

Вновь перекрутить в голове то, что уже успела о себе услышать:

"Мужа благополучно схоронила, можно теперь и с любовником не прятаться"... "Еще не охладел, а она уже на другого смело лезет"... "Небось с ним и тягалась, когда бедолага разбился"...

Именно. А еще жить с "любовником" своим стану. И вскоре рожу нам ребенка. И че теперь?

Да задавитесь вы со своим порицанием, гневом, гнилью, нападками... На меня — и моих плетей хватит. За собой следите. За собой, с*ки...

Я ценю веру, доброту Бори — и мне плевать, что вам это не по "кодексу", не по "приличию", не по "моральным принципам". Мне гадко... отчасти.

Но это — жизнь, а я устала гнаться за непонятными идеалами, где все герои должны страдать... и лишь зрители радоваться.

А потому по***. Уже на всё по***. И я в постели с любовником. И я его люблю. И будем

делать то, что сами захотим.

Что сердце подскажет...

...

Забрался под одеяло и жадно обнял, притиснулся к мне, к спине, поцелуй в макушку.

Обмер. Тихое, сдержанное дыхание, а сердце колотится от волнения, от счастья... но ни на что большее Кузнецов мой не решается. То ли ждет моего решения, участия, то ли сам... еще не готов.

Живо провернуться в объятиях, робкий, тревожный взгляд ему в лицо.

Делает вид, что спит. Но вижу же, чувствую... притворяется. А затем и вовсе не выдерживает — и начинает пристыжено улыбаться.

Тихо, смущенно:

— Хватит пялиться, — ржет.

Улыбаюсь и я. Глаза в глаза:

— Спи, — продолжает. — Мне завтра рано вставать. Да и у тебя много дел...

— Дел? — удивленно, невольно дернулась, дабы лучше разглядеть его эмоции, мысли, проступающие наружу.

— Ага, — ухмыляется. — К новому дому привыкать.

Немного помолчав, смакуя этой странной, "неправильной", идиллией, решаюсь:

— Борь... — тихим, напуганным шепотом: — А тебе не стыдно... за то, что... творим?

Удивленно вздернул бровями. Пристальный, бурящий взгляд. Дрогнули, скривились в кислой мине уста:

— За то, что счастливы?...нет. За то, что — резко все, не вовремя — мы ничего не планировали, и сделали всё, чтобы его спасти. Но он сам... решил всё перекроить, испоганить, урезать. Так что — тоже нет. Вернее... перед людьми — не стыдно. Перед собой — ... моя вина в том, что с самого начала дурью занялся. Гордость включил. Не башкой, а... *** его знает, чем думал. Это да, это — косяк. Надо было сразу все решать толково, и тебя забирать, а не... кота за яй** тянуть. Чем больше телишься — тем больше дров. Всегда же знал — а тут... как идиот, как непонятно кто... Накрыло. Ну, и поплатились, все. Лесь, — шумный вздох, — я тебя люблю. Причем... давно понял, что... не просто так ты в моей жизни. Я должен был за тебя грызть плотку, достойно, с честью — а не крыться за принципами и мудозвонством. Не вини себя — Кисель сам свой выбор сделал. Ты же не врала ему, так? Не играла... дала понять, что между вами отныне только дружба? Или что?

— Да, — виновато опускаю взгляд.

Тишина. Пауза — молчит, выжидает, видимо, недовольный странной моей реакцией.

Горько сглотнуть:

— Я-то ему давала понять, но он... судя по всему, не хотел верить в очевидное. Да и... никогда не была я его. Любила бы — сразу отдалась. А то больше года мурыжила...

— Вот и я о чем, — вновь отваживается заговорить. — Неведение, отрицание, а затем... разочарование — это его выбор. Как и то, чтоб набухаться, упороться — и сесть за руль. Он даже сражаться не хотел... а только сдать, — и вновь жгучая, жалящая пауза. — Но я и себя не оправдываю сполна. Мерзко поступил, не скрою. В какой-то мере — мерзко. Однако... теперь уже всё... по***. Он сделал выбор... за всех нас — и нам теперь с этим

жить. И малого, малую (кто там будет) — не переживай. Воспитаем. Буду любить как своего ребенка. И не из чувства вины. Нет. Это — ТВОЙ ребенок. А значит — и МОЙ. А на мнени чужое — класть. Да с такой горы, — вдруг сильнее сжал в объятиях, отчего невольно уткнулась носом ему в грудь, поддаюсь — утопаю в беспечности, томно зажмурив веки, — что пусть еще больше от такой наглости, "бессовестности" ох**вают. Ибо мы у них ничего не просим, и не берем. А со своим — и сами разберемся... Я тебя люблю, а на всё остальное — забей. И, вообще, сейчас совсем другие мысли должны быть в твоей голове... Ты скоро станешь... мамой.

— Угу... — несмело, с волнением, тревогой бормочу.

— Сережки... из сосков повынимаешь, — вдруг игриво, задумчиво протянул.

Ржу пристыжено. Попытка вырваться — поддается, немного отстраняюсь. Глаза в глаза. Рдею от смущения:

— А тебе это только и надо?

Смеется пристыжено:

— Ага, — язвит. — А то... жмакать аж страшно.

— А ему бы только... жмакать, — притискиваюсь обратно, поцелуй в шею. Замираю.

Сжал заботливо за плечи, поцелуй в висок.

— Но если честно... — вдруг отозвался. — Есть кое-что... что меня напрягает. Лесь...

Нервно дернулась. Опять очи в очи. Жду.

Продолжает:

— Не ради меня... и даже не ради себя. А ради ребенка...

— Ну, что уже? — гаркаю, злобно, не выдерживая.

— Дурман этот... твои привычки.

Скривилась пристыжено, прячу взор. Уткнуться носом в своего судью.

— Да я... сама знаю. И не для кайфа это всё... а от придури... Гадких мыслей. Но... и сама давно думала со всем завязать... Вот только жизнь все поводов не давала, а напротив...

— Теперь дала.

Несмело, неловко (в силу позы) киваю головой:

— Да... — немного помолчав. — Борь... ты прости меня... за те слова, за крики, поведение... — и снова запинка, попытка подобрать менее жуткие слова. Но их... нет: — На кладбище. Я тогда... сама была не своя...

— Я знаю...

— И передоз, — резво перебиваю, дабы не сбил с мысли, не упустить сей разговор. — Я не нарочно. Просто... совесть, вина... они так... орали, так язвили, так рвали меня... И ничто не помогало, ничто не могло их утихомирить, заткнуть... Я думала, чуток приму... А те — еще упорнее... Ну, и... догналась.

Я бы так не поступила... спецом. Не бросила бы тебя... по крайней мере, не таким способом.

Время шло. И хоть мы жили отныне с Борей в одной квартире, и даже спали в одной кровати, неловкость росла между нами, словно снежный ком, преграждая собой путь к чему-то большему, чем просто духовное единение.

Он не давил — а я не торопилась. И вроде всё было естественно, правильно, приемлемо и приятно... однако всецело осознавала, куда всё это ведет, к чему... и какие еще истории

могут начаться в нашей жизни.

А потому — хватит. Точка. Силой снять с души вдовью вуаль — и взять себя в руки... свою судьбу.

Придушить гнилые чувства — и дать свободу чему-то чистому, доброму, светлому. Чему-то, что поистине важному, весомому и достойному существования. То, что принесет плоды — вместо... сухостоя.

Нанести боевой макияж; шикарное платье, высокие каблуки — и рвануть в такси в сторону... пресловутого "ОНГМ".

...

— Лесь, прости... — отчаянно взмолилась Лиля, хотя и понимала свою обреченность против моей наглости. — Но у него совещание... Борис Федорович очень будет злиться...

— О! В самый раз! — дерзко захохотала я, тотчас рванув на себя дверь за ручку.

...

И как бы не кривился, не злился мой суженый-ряженный (а глаза его полезли на лоб от такой явки), а всё же пришлось бросить в ожидании целую толпу народа в конференц-зале, и выйти ко мне в коридор.

Взволнованный голос, вожденный взгляд по глубокому декольте.

Строю серьезный, тревожный вид:

— Надо поговорить. Срочно.

— Это я уже понял. Что случилось? — попытка обнять за плечи.

Нервно отдергиваюсь. Беглый взор по сторонам:

— Но не тут же...

Поморщился, недовольный. Секунды на размышления — и хватает меня за руку, тащит куда-то в сторону лестницы, а там — по ступенькам вверх...

...

Выйти на крышу. Идеальный вариант.

Живо запираю за нами дверь, дабы никто не сорвал мне планы. И если мой герой уверено, показательно прошелся к самому краю здания, к перилам, то я нарочно медлю... плетусь позади него.

Миг — и обмираю. Ловкие движения — и, спуская с плеч, вовсе сбрасываю с себя платье — упало на пол.

Враз обернулся Кузнецов, реагируя на странный шорох, — окаменел. Глаза округлились. Боится моргнуть.

Переступила, выбралась окончательно из одежды — шаги вперед, почти вплотную.

Взор не в силах был оторвать мой герой от обнаженного тела, то и дело, что алчно скользя по всем моим формам. Сердце бешено колотилось; дыхание — сбитое, рывками...

Придвинулась. Губы к губам. Вдох-выдох. Обжигаю его своим теплом... Еще миг, еще

сомнение — и прилипла к его устам поцелуем. Нежно провела языком и тотчас проникла в рот. Застонал невольно. Вмиг ухватил за руки, сжал в стальной, повелительной хватке. Грубый напор в ответ — и уже Тиран не в силах противостоять, сдерживаться. Скользнул ладонью по телу — а затем дерзко, голодно сжал грудь. И вдруг еще сильнее застонал. А после — пристыжено рассмеялся. Оторвался от моих губ. Тихим шепотом:

— Сережки сняла...

— Я хочу тебя, Борь... — отчаянное, изнеможенное; накопленная жажда не за один миг...

— Зай, не сейчас же... — печальное, горькое, а в глаза так и трепещет боязнь, что поведусь, что соглашусь, послушаюсь.

— Сейчас, — уверенное, сладкое, господствующее.

Морщится, все еще воюя с собой.

— Там столько народу ждет...

— Но ты же... все равно уже здесь. Со мной...

Еще миг, еще мгновения напора вождения — и, обреченно, пораженчески... облизавшись, тотчас накинулся на меня. Обхватил за шею — властный поцелуй в губы. Момент — и, скользнув ладонями по спине, сильнее притиснул к себе, сжал за ягодицы... Рывок — и поддаюсь давлению, заскакиваю на него, обвившись ногами вокруг поясницы.

Шаги едва не наощупь, куда-то в сторону... Пока вовсе не наткнулись на какой-то выступ. Живо опустил меня на землю, стащил с себя пиджак — и бросил на железный ящик. Покорно ведусь: уселась сверху — помогает. Резвые, спешные, нетерпеливые его, мои движения... высвобождая и моего героя от противной одежды... Очередное его грубое, страстное, будоражащее блуждание рук по моему телу, и жаркий, сводящий с ума, шепот:

— И опять ты... щеголяешь без белья... — рычит недовольно-довольно.

— А к моему Хорьку иначе ж нельзя, — напором поцелуй в губы, взывая к прощению.

— Хорьку, — едко ржет. — Сейчас этот Хорек быстро... накажет свою мышку... за безобразие...

Деспотическое, на грани сладкой боли движение — силой ухватил за бедра, подал на себя.

Откровенный, смелый миг, решение — и слились, срослись наконец-то в долгожданной, неумолимой страсти, что враз по венам нашей любви вновь запустила кипящую кровь.

Эпилог

Постучала в дверь и тут же рванула на себя полотно, не дожидаясь вердикта. Открыто. Шаги внутрь.

Переполох на входе. Внезапно кто-то, не обращая внимания на меня, пролетел мимо, вырвался в коридор. Другой же — все еще стоял, преграждая тем самым мне путь, закрывая вид. Вдруг резво обернулся. Узнаю — Грановский:

— О, привет, Малая!

— Привет... — тихо, отвечаю шепотом. Еще вдох — и осмеливаюсь, подхожу ближе, к столу.

Спиной к нам Фирсов, копошится в своем сейфе.

Робко, конфузясь, позвала:

— Макс...

Тотчас полуоборот, выстрел взглядом в очи.

Нахмурился:

— Олеся?

Повернулся целиком, лицом к лицу. Проворно засунул пистолет в кобуру, магазины с патронами распределил по карманам.

— П-привет, — дрогнул мой голос.

Ну, и с чего начать?

Резвое движение его ко мне ближе:

— Привет, — шумный вздох. Попытка обнять меня, но тут же сам себя и пресекает. Замялся в неловкости: — Прости, Лесь... — торопко, надрывисто как-то, оправдываясь. — Но ты сейчас... реально не вовремя.

Уязвлено вздернула я подбородком. Тихо буркнула:

— Я никогда ни для кого не бываю вовремя.

Раздраженно цыкнул.

Задергался, разрываясь между долгом и мной.

И снова вдох-выдох, сдерживая ругательства.

— Ладно! — гаркнул. — Только если что-то очень срочное. Давай, быстро, а нет — то потом. У меня реально: дело горит. Люди ждут!

Морщит лоб, взглядом сверлит, бурит — да только давно уже ему ничего с меня не считать.

Скривилась я, давя в себе недовольство, очередную... обиду.

Хотя... чем короче сей разговор — тем лучше:

— Я замуж выхожу.

— ОПЯТЬ? — громко, невольно вскриком. Округлились его очи.

Тихий смешок за спиной.

Резко обернулся Фирсов, полный ярости взор на товарища:

— ВНИЗУ ЖДИ!

— Окей, Босс! — не сдерживаясь уже, залился смехом Андрюха; тотчас цыкнул и в

негодовании закачал головой, гад.

Не сразу, но подчинился.

Едва стук двери, оповещая нас о том, что наконец-то остались наедине, как вновь лицом к лицу: а в глазах уже вздымалась новая, неукротимая буря.

— Чё опять за игра? — раздраженно оскалился.

Рывками вдохи. Вот-вот, казалось, закипит уже.

Невольно сжалась от страха я; пытаюсь соорудить гордый, уверенный вид — тщетно.

— Это не игра, — искренне; впервые за долгое время... отчаянно и откровенно, отчего враз словно волной его обдало: поежился, обмер. Продолжила: — Я выхожу замуж... за Кузнецова, — глаза округлились его еще больше. Окаменел. Ни вдоха, ни выдоха. Побелел враз, что полотно...

Отчаянно рублю дальше:

— И это не обсуждается... — жуткая, тягучая пауза. Добиваю окончательно: — А еще... я беременна.

Нервически сглотнул слюну. Казалось, в этот миг по его жилам вместо крови растекаясь жгучий яд.

Враз разворот — и кинулся к двери:

— УБЬЮ, С*КУ!

Как чуяла, вторю движением — и успеваю преградить путь. Грохнувшись, ударившись спиной об дверь, вмиг прижимаю полотно обратно. Невольно скользнула немного вбок, сражаясь с собой за равновесие. Глаза в глаза:

— От Артема! — резво, выстрелом.

И снова обмер мой Судья, казалось, уже не просто теряя дар речи и душевные силы внимать, справляться со всем услышанным, а просто уже физически не выдерживая напора безумия.

Минуты, жуткие, жгучие... перебирая всё в голове. И тихо, охрипло... наконец-то выдал, шепотом, отведя очи в сторону:

— А он знает?... Кузнецов твой?

Сглотнула скопившуюся слюну я. Победно, с облегчением:

— Да, — немного помедлив, — более того... весь этот мой визит к тебе, разговор — всё это только... его заслуга. По его просьбе, — и снова жалящая тишина, подбирая слова и давя внутри себя странные чувства, режущую боль. — Макс... я готова... простить тебя за всё. Не сразу, но... попытаюсь. Как и ты... — несмело, с опаской, жутким страхом и дрожью, трепетом в душе, подвожу взгляд. Отвечает тем же. Очи в очи: — Прости меня... за всё... если сможешь.

Свадьба. А вот и свадьба... Пышный пир... едва не на весь мир. Уж тут-то постарались не так мы с Борей, как Ерема. Поди, наконец-то тот дождался, когда его старый, добрый «... дружбан-охламон, — цитата, — одумается и покончит со своим распи**яйством»...

Макс, мама... и бабушка... все мои в этот раз были. За свидетельницу — тетя Тома, за свидетеля... естественно, Гришаня.

...

— Только вычуди мне! — гаркает, помню, на него мой Борясик.

Ржет нахально, ничего не стыдясь и не боясь, Еремов:

— И че?

— А ниче! Вот если ты тогда только угрожал, то я — всех вас порешаю! Лесе нельзя волноваться! Так что... не надо, без шуток!

— Это вы о чем? — вклиниваюсь я, ничего не понимая, что за бред они несут.

Игнорируют меня эти два барана. Не уступают друг другу в схватке:

— А моей Томе можно было, да? — злокозненно ухмыляется Шафер.

— Мы ее сразу предупредили!

— Я тоже предупреджу! — хохочет гад, паясничая...

К вечеру — поняла.

Гости — в хлам уже. Боря — тоже, да еще где-то по залу шатается, с друзьями своими лясы точит. Одна отрада — Тамара: заныкались мы с ней в углу и давай тоже рассуждать о насущном. И вдруг движение — плюхнулся на стул, как раз напротив нас, Еремов. Вальяжная поза, барский взгляд на меня:

— Ну, че... — кивнул головой, — готова?

— К чему? — враз нахмурилась я. А башка уже не соображает толком. Реально, не секу, о чем и к чему, хотя бы предположительно.

Коварно усмехнулся пьяный гад:

— Нервы своему Борюсику трепать.

Пристыжено рассмеялась я:

— Да я как-то и не завязывала с этим.

Захохотал:

— Вот и отлично!

— Э-э-э! — грозное тотчас раздалось сбоку. Резвые, стремительные (по мере возможности) шаги к нам. Взгляд гневный, настороженный. Да так, что даже я в шоке. Кузнецов: — Так, Еремыч... а ну х*р отсюда, — вдруг вполне серьезно рявкнул на своего друга и махнул рукой куда-то в сторону. — Я не шучу.

А тому фиолетово... Ржет, строя из себя идиота:

— А че, я че? Я ниче...

— Я тебя предупредил, — показал сердито кулак мой муженек.

Отчего враз в ответ выписал ему идиотскую рожицу Гриша:

— Да-да, Борян. Я всё помню... Всё-всё...

Ухмыляется Кузнецов, но все еще напор не сбавляет.

И вдруг сзади кто-то, раздраженный, криком:

— Борян! Кузнецов, б***ь! Ты идешь?!

Мигом разворот:

— Да иду, ждите! — и снова взгляд на Григория, приказным тоном: — Порву, не глядя!

— Ага!

— Я слежу за тобой! — жест пальцами.

— Да без проблем! Иди, иди... пока твои девочки совсем не расплакались, — давится смехом, кивая в сторону его товариСЧей.

И вдруг — несколько шагов Бориса, ныряющего в толпу, как тотчас приблизился ко мне Еремов и тихо, но так, чтобы я услышала, не смотря на шум и музыку:

— На задний двор иди.

— И че там? — киваю, с не меньшей уверенностью и дерзостью, чем тот.

Ухмыльнулся:

— Подарок ждет.

— А я уже свой сегодня получила, — не сбавляю оборотов.

Хмыкнул:

— Ну, че ты, а? Силой, что ли, вынести? — не отступает.

Улыбаюсь. Приблизилась еще сильнее. С вызовом, боем взор в глаза. Едко:

— Вынеси.

— А я же могу, — короткая пауза. — Только потом не визжать, не истерить. И не плакать.

— Че за хе*ню вы мутите? — с неприкрытым наездом уже рублю я.

Ухмыльнулся странно:

— Долг у Бори. Готова платить?

— Я-то готова. Как бы вам... потом не обоссаться. Че за долг?

— Как он мне тогда втюхивал? Традиции... кража невесты.

— И всё? — недоумеваю я.

Но вдруг странная, коварная, пугающая улыбка, а в глазах заплясали черти:

— О, да. И всё...

...

И ведь чувствовала, догадывалась, что не просто отсидеться в подсобке придется. И не пару кругов в автомобиле, как вариант, скрываясь, навернуть (пока те — что там обычно требуют? — пару танцев спляшут, да выкуп сделают). Чувствовала...

И, что еще обиднее, добровольно... сама... мышью выскочила из зала, на задний двор, пока этот гад... сидел на парадном месте, обеспечивая себе алиби...

В общем, утащили меня Еремы товарищи наверх, на балкон, в лоджию (а ресторан-то по типу театра был), у самой крыши. Сижу, смотрю теперь на эту феерию с высоты.

Тамада дает клич... и нехотя... уже ужраные и убитые гости ползут за стол. Туда же и жених... с невестой. И платье как мое (экслюзив, говорите, да?), фата, пузо торчит к носу, и даже тату на руках, груди — точь-в-точь мои. Заледенела я от удивления...

И садится, с*ка, прям на мое место.

И тут кто-то коварно завопил: «Горько! Горько!!!»

Ну, че... сил уже нет, но народ требует. Боря хоть и хмельной, но еще более-менее справляется с непослушной фатой. Миг — и едва уже потянулся целовать, как обмер ошарашенный. Сидит, моргает испуганно. А все радуются, подначивают, не поймут подставу. А тому аж поплохело: побледнел, бедолага. Думает: всё... пи**ец, белочка прискакала.

Девка к нему целоваться — а он как дернется, как шарахнется, словно черт от ладана.

Смотрю на Ерему, а тот в углу... чуть по полу, схватившись за живот, не катается.

— Не моя она! — взревел испуганно Кузнецов.

Гости в ауте...

Невеста с напором, а Жених — наутек. Обмерла толпа, затаившись. Забыли даже... как дышать. По сторонам мой муженек... по закоулкам: нет меня. На стоянку вылетел — машины все на месте.

— Гарифан, я тебя убью! Где Леся?!! — завопил, обезумевши.

Ерема, умирая уже от слез и смеха... бегом на террасу. Кузнецов за ним. Да с кулаками... на газон повалил один другого...

Бабки крестятся. Мужики ржут (даже Макс лыбится). Девки: кто визжит, кто хохочет. Невеста пытается жениха отодрать от свидетеля. Да еще, тварь, так жалобно приговаривает (не знаю, сколько ей заплатили за храбрость, но она бесстрашнее меня):

— Боренька, зайка! Одумайся! Очнись! Ты чего?! Это же я! Твой Лесенок!

И обнимает его, и гладит моего муженька — а я уже сама готова убить падлюку, да только... ребята дружно держат, не пускают, хотя не меньше остальных ржут, уссыкаясь, лазая по полу.

Обмирает в поражении Боря... отпуская недобитого, ржущего Гришу. Расселся на газоне. Ошалевший, отчаянный взгляд на девку и так жалобно, отчаянно, взмолившись:

— Уйди! УЙДИ ОТ МЕНЯ! — отмахивается. — УЙДИ, ОКАЯННАЯ! Не моя ты... моя жена...

Тут уж... и я хохотом пошла, да так, что чуть не выпала из окна.

Тем же и спалила всю контору. Резвый взор, ошарашено выпучив очи. Мгновения, дабы прийти в себя — и диким, взбешенным, адским ревом, грозя неистово кулаком:

— УБЬЮ ГАДИНУ!!!

Буквально за пару минут влетел ко мне. Растолкал охрану — и тотчас схватил в объятия. Жадный, жаркий, голодный поцелуй...

А затем и вовсе... утащил с собой. Вернее, я его... в кладовку. Хоть как-то привести в чувства и погасить ласкою взорвавшуюся ярость...

А после... роды, не менее впечатляющие, чем вся моя безумная жизнь. И опять мой Борясик рядом, изо всех сил уговаривающий не крыть матом врачей, Киселя, жизнь... а смиренно следовать советам уже на грани, отчаянной, перепуганной акушерки...

Мальчик. Причем даже спорить, сомневаться в свое время не пришлось. Заранее решили — Артем. Вопреки всем «но» и уговорам наших близких — Артем. Усыновленный (в связи с измышательствами законодательства), но... Артем Борисович Кузнецов. Здоровый, крепкий, жизнерадостный...

Даже не смотря на тот ужас, что я поневоле... сотворила с ним. Не знала. Не думала. Не чувствовала... за что вновь чувствую... безмерную вину.

Но теперь всё иначе. У меня есть мои мальчики — и я с радостью уступаю им. Да, черствая временами, строгая... Да, кусачая и странная, сама себе на уме. Но любящая, примерная жена и мама. Я стараюсь... изо всех сил стараюсь — и пока... вроде, получается...

А дальше и вовсе случилось нечто невероятное. Не успела я прийти в себя, и хотя бы пару ночей отоспаться за последние два с копейками месяца, как новость. Да такая, что я чуть сознание не потеряла. И снова мат, и снова крик. И снова едва не готова душить всех подряд: залет. Беременность. Двойня. С*ка, два месяца, говорите... смело можно? Пока дни не придут? Ну-ну, умники... Ну-ну.

Мало того, что нервов на всё не хватает, даже не смотря на ловкую нянечку в подарок врученную мне мужем, теперь еще и пузо выше носа, да так... что даже обуться сама не могу. Все папенька бегаёт, прислуживает. Ну, и пресмыкайся. Сам постарался — сам теперь и страдай, раб мой...

...обожаемый.

И пусть вряд ли когда меня простят родственники, близкие Киселева... отгораживать ребенка, как и их от него... я не могла, не хотела.

Более того, когда он чуть подрос, месяцев девять было, собрались и на Рождество приехали к ним. Без приглашения. Без предупреждения.

Боря остался на лестничной площадке, даже не рискуя пытаться зайти внутрь, или еще чего — ведь он был для них самым, что не есть, врагом... Предателем. Крысой, "отбившим жену у друга", доведя тем самым последнего до... безрассудства и смерти. Так что я одна, с малышом в охапку, через порог — и к матери Киселева...

Плакала, рыдала... радовалась и грустила та. Благодарила.

Я знаю, что в душе она меня... все еще ненавидит, винит. Знаю...

Но это, по сути, и неважно. Этот малыш, маленький Артем, — для нее шанс, надежда... вера. Та причина, по которой у нее появились силы вновь... жить. А потому глупо... на что-то обижаться или кривиться.

Куда забрели — туда забрели, и здесь отныне мы и останемся...

Больше книг на сайте — Knigolub.net